7ГПЗ(29)
Ч-72

НѢСКОЛЬКО
СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

Б. ЧИЧЕРИНА.

Изданіе К. Солдатенкова.

Цѣна 1 руб. сер.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.
1862.

48411

НѢСКОЛЬКО

СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

1951
1955
7ГПЗ(29)
2-72

НѢСКОЛЬКО

СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

Б. ЧИЧЕРИНА.

48411
т03

Изданіе К. Солдатенкова.

Инв. №
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.
1862.

342(47)
Ч-722

Одобрено Ценсурою. Москва, сентября 9-го, 1862 года.

Библиотека
№ 20050
Ф.Б

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ заглавіемъ: «Нѣсколько современныхъ вопросовъ» издаются большею частью статьи, писанныя въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году по поводу возникавшихъ вопросовъ и господствовавшаго настроенія общества. Эти статьи, напечатанныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Нашемъ Времени», уже извѣстны публикѣ. Исключеніе составляетъ письмо къ издателю «Колокола», которое въ Россіи появляется въ первый разъ. Оно было написано и напечатано въ «Колоколѣ» четыре года тому назадъ. Это былъ первый протестъ русскаго человѣка противъ направленія этого изданія. Въ настоящее время оппозиціи противъ г-на Герцена открыто широкое поле въ русской журналистикѣ, а потому этотъ вопросъ имѣетъ интересъ современности. Я пользуюсь предоставленною литературѣ свободою не для того, чтобы съ своей стороны поднять голосъ противъ г-на Герцена, а для того, что-

бы познакомить русскую публику съ тѣмъ, что было заявлено давнымъ давно въ самомъ журналѣ господина Герцена. Свободномыслящіе люди никогда не могли сочувствовать направленію, которое компрометируетъ самое имя свободы. Въ настоящее время это стало яснѣе, нежели прежде. За мною остается только честь начинанія.

Вторая изъ напечатанныхъ въ этой книгѣ статей представляетъ собственно не обсужденіе современнаго вопроса, а изложеніе научной программы. Но въ этой программѣ я старался дѣлать указанія на существующій порядокъ и примѣненія къ современному состоянію умовъ. Остальныя статьи прямо касаются или частныхъ вопросовъ, или тѣхъ общихъ началъ, около которыхъ въ настоящую минуту вращается наша политическая жизнь.

Я рѣшился напечатать эти статьи отдѣльною книжкою, потому что онѣ выражаютъ, сколько мнѣ кажется, особенное направленіе въ русской политической литературѣ. До сихъ поръ наши писатели полагали главную свою задачу въ развитіи либеральныхъ началъ, въ заявленіи либеральныхъ требованій. Это направленіе, вполнѣ естественное и законное, дошло до крайнихъ предѣловъ. Упуская изъ виду другіе существенные элементы общества, оно въ своей односторонности, не только явилось непрактическимъ, но грозило привести общество къ неразумнымъ увлеченіямъ. Мнѣ казалось, что на-

стояла потребность указать на забытые литературою элементы власти и закона, столь же необходимые обществу, какъ и самая свобода. Разумная гражданская жизнь возможна только при соединеніи свободы съ этими началами. Горе народу, который предоставитъ защиту ихъ одному правительству! Онъ не уничтожитъ въ себѣ внутренняго разлада и не достигнетъ способности къ самоуправленію. Всякое управленіе, въ какихъ бы то ни было формахъ, дѣйствуетъ во имя власти и закона, а потому самоуправленіе невозможно тамъ, гдѣ общество не носитъ этихъ началъ въ собственномъ сознаніи и не стоитъ за нихъ, какъ за основы своего гражданскаго бытія. Разладъ же между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ всегда составляетъ преграду народному развитію. Въ настоящее время въ Россіи, несмотря на всѣ недоразумѣнія, возможенъ союзъ между либеральнымъ обществомъ и правительствомъ, освободившемъ крестьянъ. Содѣйствовать по мѣрѣ силъ этому сближенію, такова была отчасти цѣль автора этихъ статей.

Многіе видѣли въ этомъ направленіи совсѣмъ другое. Иные утверждали, что я все приношу въ жертву государству; другіе, что у меня все исходитъ изъ власти и все возвращается къ ней; третьи подозрѣвали здѣсь еще худшее. Смѣю думать, что все это толки людей или не желавшихъ или не умѣвшихъ понять то, что̀ хотѣлъ сказать авторъ. Сочетаніе порядка и сво-

боды въ примѣненіи къ историческому развитію и къ современнымъ потребностямъ нашего отечества — вотъ единственная мысль, которая имѣлась въ виду въ предлагаемыхъ статьяхъ. Безпристрастный читатель не найдетъ въ нихъ ничего болѣе. Авторъ надѣется, что прежнія пареканія не повторятся при болѣе спокойномъ состояніи умовъ.

I.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ «КОЛОКОЛА».

Милостивый государь,

Въ послѣднемъ листѣ «*Колокола*» вы съ свойственной вамъ энергіей отвѣчали на упрекъ въ шаткости, въ легкомыслін, который слышится вами съ разныхъ сторонъ. Упрекъ этотъ, съ нѣкоторыми другими, повторяется, смѣю сказать, значительною частію мыслящихъ людей въ Россіи. Признаюсь, я также въ немъ виновенъ, и не отступаюсь отъ своего мнѣнія и послѣ вашего отвѣта; мнѣ кажется даже, что вы не совсѣмъ поняли, въ чемъ васъ именно упрекаютъ или, можетъ-быть, упрекъ дошелъ до васъ въ искаженномъ видѣ. Позвольте же мнѣ объяснить это нѣсколько подробнѣе. Здѣсь рѣчь идетъ о различныхъ направленіяхъ русскаго общества, о различіи взглядовъ на современные вопросы, скажу болѣе, о различіи политическихъ темпераментовъ, что̀, можетъ-быть, глубже всего раздѣляетъ людей. Потому надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить это письмо въ своемъ журналѣ.

Заранѣе предупреждаю васъ, что я приступлю къ вамъ съ довольно высокими требованіями. Знаю, что удовлетворить имъ не легко, но знаю также, какъ велики обязанности, которыя на васъ лежатъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ваше исключительное. Вспомните значеніе и характеръ той

эпохи, въ которую мы живемъ. Въ Россіи, послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система управленія рушилась сама собою. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ идти невозможно, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа.....

Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?

Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете это на показъ, и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманныхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ. Вы человѣкъ брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ и негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ. Это ваши собственныя слова. Но неужели этого требуется для политической дѣятельности? Я полагалъ, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагалъ, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагу, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе, что, впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необузданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общественныхъ дѣлахъ прежде всего требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разныя стороны, а разумъ познающій и созидающій.

И неужели вы думаете, что Россія въ настоящее время нуждается въ людяхъ съ пылкими страстями, которые отъ

избытка чувствъ перегораютъ быстро и умираютъ на полдорогѣ? Вспомните еще разъ, въ какую эпоху мы живемъ. У насъ совершаются великія гражданскія преобразованія, распутываются отношенія, созданныя вѣками. Вопросъ касается самыхъ живыхъ интересовъ общества, тревожитъ его въ самыхъ глубокихъ его нѣдрахъ. Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующія стремленія, согласить враждебные интересы, развязать вѣковые узлы, чтобы путемъ закона перевести одинъ гражданскій порядокъ въ другой! Здѣсь также есть борьба, но борьба другаго рода, безъ сильныхъ эффектовъ, безъ гнѣвныхъ порывовъ, борьба обдуманная, осторожная, озаренная мыслію, неуклонно идущею по избранному пути. Въ такую пору нужно не раздувать пламя, не растравлять язвы, а успокоивать раздраженіе умовъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли. Или вы думаете, что гражданскія преобразованія совершаются силою страсти, кипѣніемъ гнѣва?

Впрочемъ я забываю, что вы къ гражданскимъ преобразованіямъ довольно равнодушны. Гражданственность, просвѣщеніе не представляются вамъ драгоцѣннымъ растеніемъ, которое надобно заботливо насаждать и терпѣливо лелѣять, какъ лучшій даръ общественной жизни. Пусть все это унесется въ роковой борьбѣ, пусть, вмѣсто уваженія къ праву и къ закону, водворится привычка хвататься за топоръ, — вы объ этомъ мало тревожитесь. Вамъ, во что бы ни стало, нужна цѣль, а какимъ путемъ она достигнется— безумнымъ и кровавымъ, или мирнымъ и гражданскимъ, это для васъ вопросъ второстепенный. Чѣмъ бы дѣло ни развязалось—невообразимымъ актомъ самаго дикаго деспотизма, или свирѣпымъ разгуломъ разъяренной толпы,—вы все подпишете, все благословите. Вы не только подпишете, вы считаете даже неприличнымъ отвращать подобный ис-

ходъ. Въ вашихъ глазахъ это поэтическій капризъ исторіи, которому мѣшать неучтиво. Поэтическій капризъ исторіи! Скажите пожалуста, когда вы писали эти слова, какъ вы на себя смотрѣли: какъ на политическаго дѣятеля, направляющаго общество по разумному пути, или какъ на артиста, наблюдающаго случайную игру событій?

Политическій дѣятель имѣетъ въ виду не только цѣль, но и средства. Зрѣлое обсужденіе послѣднихъ, точное соображеніе обстоятельствъ, избраніе наилучшаго пути при извѣстномъ положеніи дѣлъ, — вотъ въ чемъ состоитъ его задача, и ею онъ отличается отъ мыслителя, изучающаго общій ходъ исторіи, и отъ художника, наблюдающаго движенія человѣческихъ страстей. То, что̀ вы называете поэтическимъ капризомъ исторіи, дѣйствіемъ самой природы, есть дѣло рукъ человѣческихъ. Сама природа здѣсь вы, я, третій, всѣ, кто приноситъ свою ленту на общее дѣло. И на каждомъ изъ насъ, на самыхъ незамѣтныхъ дѣятеляхъ, лежитъ священная обязанность беречь свое гражданское достояніе, успокоивать бунтующія страсти, отвращать кровавую развязку. Такъ ли вы поступаете, вы, которому ваше положеніе даетъ болѣе широкое и свободное поприще, нежели другимъ? Мы въ правѣ спросить это у васъ, и какой дадите вы отвѣтъ? Вы открываете страницы своего журнала безумнымъ воззваніямъ къ дикой силѣ; вы сами, стоя на другомъ берегу, съ спокойной и презрительной ироніей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать неучтиво. Палка сверху и топоръ снизу — вотъ обыкновенный конецъ политической проповѣди, дѣйствующей подъ внушеніемъ страсти! О, съ этой стороны вы встрѣтите въ Россіи много сочувствія! Спросите у самаго тупаго и закоснѣлаго врага просвѣщенія, военнаго или штатскаго, не въ особенности военнаго,

который вслѣдъ за другими кричитъ противъ взятокъ и злоупотребленій, спросите его: какое отъ нихъ лѣкарство? Палка! Нѣтъ, всякій, кому дорога гражданская жизнь, кто желаетъ спокойствія и счастія своему отечеству, будетъ всѣми силами бороться съ такими внушеніями, и пока у насъ есть дыханіе въ тѣлѣ, пока есть голосъ въ груди, мы будемъ проклинать и эти орудія и эти воззванія.

И откуда вся эта тревога? По какому поводу возгорѣлось негодованіе? Право, когда подумаешь объ этомъ, становится и грустно, и смѣшно. Не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ государь высказалъ твердое намѣреніе преобразовать старое крѣпостное право, и тогда вы восклицали: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Дѣло пошло въ ходъ, собрались созванные правительствомъ комитеты, обсуждаются новыя мѣры. Казалось бы, прежде, нежели комитеты представятъ свои работы, прежде, нежели правительство сдѣлаетъ свое заключеніе, нельзя объ этомъ вопросѣ сказать ничего положительнаго. Вѣдь вы, надѣюсь, не воображаете, что освобожденіе крестьянъ дѣло такое же легкое, какъ написать статейку въ «*Колоколѣ*». Вѣковыя, запутанныя учрежденія, отношенія, обхватывающія жизнь до самой ея глубины, нельзя переворотить въ два, три мѣсяца. Тутъ замѣшаны люди, тутъ дѣйствуютъ страсти, тутъ заживо задѣты самые противоположные и притомъ животрепещущіе интересы. Нужно время чтобы все изслѣдовать, обдумать, согласить и устроить; нужно терпѣніе, чтобы дать преобразованію мирный и законный исходъ. Но терпѣніе, умѣніе выжидать, эта первая политическая добродѣтель зрѣлыхъ народовъ, не въ правахъ людей, которые привыкли истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Прежде, нежели что-либо успѣло совершиться, вы уже забили тревогу, вы отъ восторга перескочили къ отчаянію: все пропало, — правительство пошло

назадъ; крестьяне, точите топоръ! Что же случилось въ этотъ промежутокъ? Закрыты ли комитеты? Измѣнены ли существенныя условія пребразованія? Ничуть не бывало! Разосланъ циркуляръ, который вовсе не относится къ вопросу; говорятъ, приготовленъ плохой проектъ; нѣкоторые помѣщики продолжаютъ употреблять во зло свою власть, что̀ неизбѣжно, пока ихъ власть не ограничена, и тому подобное. Вотъ что̀ произвело такой внезапный переворотъ. Ну, скажите, не похоже ли это на шутку? — Ваши надежды воспламеняются такъ легко и исчезаютъ такъ быстро!

Въ пылу страсти, вы забываете не только время, людей, обстоятельства, вы забываете даже собственное свое положеніе. Слѣдовать за минутными увлеченіями общества, носиться по вѣтру, который измѣняется въ ту или другую сторону, можно еще, когда журналистъ живетъ среди этого общества. Но когда станокъ его на другомъ концѣ Европы, когда слово его едва доходитъ въ отечество спустя два, три мѣсяца, къ чему ведетъ подобная тактика? Удары по неволѣ должны разражаться въ пустотѣ. Положимъ, напримѣръ, что статьи, въ которыхъ вы говорите, что все пропало, дошли въ Москву въ то время, когда государь говорилъ свою рѣчь дворянству. Какое впечатлѣніе произведутъ онѣ на читателей? Звонятъ въ набатъ, а поводъ къ трезвону не только давно забытъ, но оказывается, что это просто пуфъ, подхваченный легковѣріемъ. Какъ вы думаете: увлекаясь такимъ образомъ сами, въ состояніи ли вы увлекать другихъ?

Къ несчастію, даже эти промахи не остаются безъ печальныхъ послѣдствій. Умѣренностію, осторожностію, разумнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ вы могли внушить къ себѣ довѣріе правительства; въ настоящее время вы только его пугаете. Все, что есть въ Россіи невѣжественнаго, отсталаго, закоснѣлаго въ предразсудкахъ,

погрязшаго въ мелкихъ интересахъ, все это съ торжествомъ указываетъ на васъ и говоритъ: вотъ послѣдствія либеральнаго направленія, вотъ что производитъ слово, освобожденное отъ оковъ! Грустно сказать, что первый свободный русскій журналъ служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу цензуры, если только въ пользу цензуры могутъ быть сильныя доказательства.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что вы, который увлекаетесь и увлекаете другихъ, увлекли бы за собой русское общество, и Россія наполнилась бы людьми, которые кидаются въ крайность, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро и умираютъ на полудорогѣ. Представьте себѣ, что въ нѣдрахъ нашего отечества завелось бы нѣсколько «*Колоколовъ*», которые бы всѣ въ разные голоса стали звонить по вашему примѣру, которые бы наперерывъ стали раздувать пламя, разжигать страсти, взывать къ палкѣ и топору для осуществленія своихъ желаній. Что будетъ правительство дѣлать съ такимъ обществомъ? Къ чему можетъ повести разгаръ общественныхъ страстей, какъ не къ самому жестокому деспотизму? Каждая почти революція представляетъ этому примѣръ. И точно, если больной, вмѣсто того, чтобы спокойно и терпѣливо выносить лѣченіе, предается бѣшенымъ порывамъ, растравляетъ себѣ раны и хватается за ножъ чтобы отрѣзать страдающій членъ, съ нимъ нечего больше дѣлать, какъ связать его по рукамъ и по ногамъ.

Въ обществѣ юномъ, которое не привыкло еще выдерживать внутреннія бури и не успѣло пріобрѣсти мужественныхъ добродѣтелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднѣе, нежели гдѣ-либо. У насъ общество должно купить себѣ право на свободу разумнымъ самообладаніемъ, а вы къ чему его пріучаете? Къ раздражительности,

къ нетерпѣнію, къ неуступчивымъ требованіямъ, къ неразборчивости средствъ. Своими желчными выходками, своими незнающими мѣры шутками и сарказмами, которые носятъ на себѣ заманчивый покровъ независимости сужденій, вы потакаете тому легкомысленному отношенію къ политическимъ вопросамъ, которое и такъ уже слишкомъ у насъ въ ходу. Намъ нужно независимое общественное мнѣніе,—это едва ли не первая наша потребность; но общественное мнѣніе умѣренное, стойкое, съ серьёзнымъ взглядомъ на вещи, съ крѣпкимъ закаломъ политической мысли; общественное мнѣніе, которое могло бы служить правительству и опорою въ благихъ начинаніяхъ, и благоразумною задержкой при ложномъ направленіи. Вотъ чего у насъ недостаетъ, вотъ къ чему мы должны стремиться. Бранью-же, Боже мой! и безъ того полнится русская земля. Всѣ бранятъ, отъ малаго до великаго; во всѣхъ сферахъ, на всѣхъ ступеняхъ общества, вездѣ слышишь одно и тоже — критику безцѣльную, безплодную, безтолковую. Тошно становится отъ этого хора. Потому не удивляйтесь, что васъ находятъ еще слишкомъ умѣреннымъ, не радуйтесь, что ваши шутки, насмѣшки встрѣчаютъ себѣ отзывъ и одобреніе. Этою пищею мы всегда готовы пользоваться: она дается и принимается такъ легко, и остроуміе у насъ въ такомъ почетѣ! Оно замѣняетъ все—государственную мудрость, образованіе, трудомъ добытую мысль, знаніе дѣла; на немъ основывались блистательныя карьеры, колоссальныя репутаціи; на немъ выѣзжали въ министры, въ генералы, въ дипломаты. У насъ нѣтъ болѣе вѣрнаго средства пріобрѣсти себѣ всеобщую дань благодарности и удивленія, какъ рѣшать всѣ государственные и философскіе вопросы остроумными выходками. Это избавляетъ читателя отъ работы, отъ умственнаго напряженія. Легко и пріятно получается готовый и притомъ услаждаю-

щій результатъ, который служитъ отвѣтомъ на всѣ возраженія. Неистощимый запасъ остротъ,—вотъ самое надежное ручательство за успѣхъ журнала. Только врядъ ли подобное направленіе встрѣтитъ сочувствіе просвѣщенныхъ людей въ Россіи. Они смотрятъ на дѣло нѣсколько серьёзнѣе. Имъ кажется, что привычка замѣнять дѣло эффектнымъ бездѣліемъ опасна для политическаго образованія народа, что общество, воспитанное на остроумныхъ выходкахъ, становится неспособнымъ къ разумному рѣшенію тяготѣющихъ надъ нимъ вопросовъ; наконецъ, имъ хотѣлось бы, чтобы свободное русское слово отвѣчало на благородную потребность политической мысли, а не на безплодную потребность брани и остроты.

Вотъ, милостивый государь, объясненіе тѣхъ упрековъ, въ которыхъ вы сочли нужнымъ оправдываться передъ публикою. Существенный смыслъ ихъ тотъ, что въ политическомъ журналѣ влеченія страсти должны замѣняться зрѣлостью мысли и разумнымъ самообладаніемъ. Если подобное требованіе есть доктрина, пусть это будетъ доктринерствомъ: объ словѣ нечего спорить. Вамъ такой образъ дѣйствія не нравится; вы предпочитаете быстро перегорать, истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Истошайтесь! таковъ вашъ темпераментъ; его не перемѣнишь. Но позвольте думать, что это не служитъ ни къ пользѣ Россіи, ни къ достоинству журнала, и что во всякомъ случаѣ нечего этимъ величаться . . . . . .

Ноябрь 1858.

II.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПРАВУ,

ЧИТАННАЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 28 ОКТЯБРЯ 1861 ГОДА.

Гг.

Въ настоящее время преподаваніе государственнаго права въ нашихъ университетахъ важнѣе, нежели когда-либо. Мы живемъ въ эпоху великихъ преобразованій въ русскомъ государствѣ. На нашихъ глазахъ совершается одинъ изъ тѣхъ переворотовъ въ народной жизни, которые составляютъ эпоху въ исторіи. Я разумѣю освобожденіе крестьянъ. 22 милліона русскихъ людей получаютъ гражданскія права, измѣняется весь составъ общества, положеніе сословій, состояніе собственности, экономическій бытъ, нравы, обычаи, даже частная жизнь. Сколько нужно знаній, обдуманности, твердости, чтобы, какъ слѣдуетъ, обсудить и привести въ дѣйствіе подобное законоположеніе! Изъ этой одной мѣры вытекаетъ множество другихъ. Новый гражданскій порядокъ требуетъ цѣлой новой администраціи. Свобода рождаетъ множество отношеній и столкновеній, для разрѣшенія которыхъ необходимы особенные органы. Тамъ, гдѣ прежде достаточно было одного помѣщика, теперь нужна полиція, нуженъ судъ. Положеніемъ о крестьянахъ учреждена небывалая еще у насъ должность — мировые посредники, которые получили важное значеніе въ администраціи. Съ этимъ въ связи находится предполагаемое преобразованіе уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій, которыя должны быть приведены въ согласіе съ измѣнившимся положеніемъ со-

словій. Начало реформы положено введеніемъ судебныхъ слѣдователей. Но и самый судъ настоятельно требуетъ преобразованія. Новый порядокъ вещей, уничтожая частный произволъ, имѣетъ въ виду водвореніе въ обществѣ началъ права и законности. Для этого необходимъ просвѣщенный и безпристрастный судъ, охраняющій права, воплощающій въ себѣ идею правды. А между тѣмъ, у насъ нѣтъ еще самыхъ существенныхъ условій правильнаго суда. У насъ нѣтъ магистратуры, нѣтъ адвокатовъ, нѣтъ юриспруденціи. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ настоящее время все наше судебное устройство подвергается обсужденію и что къ этому призываются люди, которые своими знаніями и опытностью могутъ содѣйствовать этому великому предпріятію. Наконецъ, все наше финансовое управленіе получаетъ новую организацію. Одинъ уже выкупъ поземельной собственности для 20 милліоновъ крестьянъ требуетъ огромныхъ средствъ и составляетъ сложную операцію, неизвѣстную доселѣ въ исторіи нашихъ финансовъ. Недавно еще вы могли прочесть указъ, которымъ отмѣняются винные откупа, самая значительная отрасль государственныхъ доходовъ, и вводится акцизъ, менѣе обременительный для народнаго кармана. Нужно ли указывать на новую систему кредитныхъ учрежденій, на предпринятую сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая должна охватить всю Россію и вызвать въ ней неразработанные еще источники богатства?

Вы видите, гг., что дѣла у насъ много, что законодательной дѣятельности государства предстоитъ обширное поприще. Глядя спокойно и безпристрастно на то, что происходитъ вокругъ насъ, мы по совѣсти должны сказать, что мы сѣтовать не въ правѣ. Преобразованія совершаются, преобразованія самыя существенныя для народнаго блага, и всякій безпристрастный человѣкъ долженъ сознаться, что,

вообще говоря, они совершаются обдуманно, съ соблюденіемъ истинныхъ интересовъ государства. Освобожденіе крестьянъ не только великая мысль, но и какъ исполненіе, оно дѣлаетъ честь Россіи. Совершить такое дѣло, особенно въ трудныя времена, при недостаткѣ средствъ, мудренѣе, нежели произвести всевозможные политическіе перевороты. Это преобразованіе даетъ намъ почетное мѣсто въ ряду европейскихъ народовъ. Его одного достаточно для поглощенія силъ цѣлаго поколѣнія. Поэтому въ настоящее время, въ виду совершающихся перемѣнъ, которыя охватываютъ жизнь до самаго корня, одно непростительное легкомысліе можетъ ограничиваться критикой частныхъ стѣснительныхъ мѣръ, или вѣковыхъ злоупотребленій, которыхъ искорененіе требуетъ долговременной работы народа надъ самимъ собою. Мы будемъ остерегаться подобнаго способа сужденія. Близорукая пошлость въ великихъ событіяхъ, въ знаменательныхъ эпохахъ, видитъ одну мелочную сторону, однѣ дрязги, потому что другаго она не въ состояніи понять. Истинный патріотизмъ возвышается надъ этими мелкими побужденіями и обращаетъ свои взоры на то, что составляетъ существенную пользу отечества. Въ наше время русскій патріотъ съ довѣріемъ можетъ глядѣть на будущее, потому что настоящее представляетъ ему прочные залоги совершенствованія. Мы не стоимъ на мѣстѣ, мы идемъ впередъ, и идемъ быстрыми шагами, какъ можетъ засвидѣтельствовать всякій, кому извѣстно, какъ трудно и медленно совершаются вообще государственныя преобразованія.

Но государственной дѣятельности мало. Истинно плодотворное развитіе требуетъ содѣйствія всѣхъ гражданъ. Была пора, когда правительство дѣлало и направляло все. Этимъ достигалась извѣстная степень государственнаго могущества, общественнаго порядка и благосостоянія; но далѣе

извѣстныхъ предѣловъ это идти не можетъ. Для бо́льшаго могущества, для высшаго развитія и благосостоянія, нужны новыя силы, нужна энергія цѣлаго народа. Въ наше время европейскія державы достигли той степени развитія, когда безъ самостоятельной дѣятельности общества обойтись невозможно, когда всякое государство, которое хочетъ сохранить свое мѣсто въ ряду другихъ, обязано призвать на свою помощь общественныя силы. Черезъ это правительственная задача становится гораздо мудренѣе, нежели прежде. Тутъ необходимы новые политическіе взгляды, новыя способности, которымъ не было мѣста въ прежнемъ порядкѣ. Направлять общество, возбуждая въ немъ самостоятельную дѣятельность, гораздо труднѣе, нежели дѣйствовать одному. Но въ настоящее время безъ этого обойтись невозможно.

У насъ въ Россіи эта общественная самостоятельность едва начинается. Мы привыкли всего требовать, всего ожидать отъ правительства, пренебрегая частною дѣятельностью, болѣе тѣсною, но часто болѣе плодотворною, нежели государственное поприще. Однако сознаніе этой самостоятельности въ насъ пробудилось. Это фактъ, который нельзя уничтожить. Общественное мнѣніе начинаетъ предъявлять у насъ свои, правда, еще весьма незрѣлыя, требованія. Съ этимъ вмѣстѣ отвѣтственность каждаго гражданина становится тяжелѣе, ибо общественное мнѣніе тогда только можетъ быть полезнымъ элементомъ государственной жизни, когда оно въ себѣ самомъ носитъ начала общественнаго благоустройства и сознаетъ потребности государственнаго порядка, когда оно знаетъ, чего слѣдуетъ желать и чего можно достигнуть. Разумное общественное мнѣніе — первое условіе свободнаго и плодотворнаго развитія; общественное мнѣніе шаткое, страстное, безразсудное вызываетъ

только реакцію и бросаетъ тѣнь подозрѣнія на свободу. Между тѣмъ у насъ слышится только нестройный говоръ едва пробудившейся мысли. Стòитъ прислушаться къ хаосу разнорѣчащихъ возгласовъ, которые раздаются кругомъ насъ, стòитъ вникнуть въ эту полную анархію умовъ, шатающихся изъ стороны въ сторону и хватающихся за самыя крайнія мнѣнія, въ надеждѣ найти въ нихъ какую-нибудь точку опоры. Весь этотъ буйный разгулъ мысли, все это умственное и литературное казачество составляютъ, къ несчастію, проявленіе одной изъ историческихъ стихій русской жизни. Но ей всегда противодѣйствовали разумныя общественныя силы, которыя поставляли себѣ задачею развитіе гражданственности и порядка. Если въ настоящее время мы выросли изъ пеленокъ, если самыя обстоятельства жизни заставляютъ насъ стать на собственныя ноги, то намъ необходимо выдти изъ этого состоянія. А выдти изъ него можно только упорною работою мысли, воздерживаніемъ кипучихъ своихъ стремленій и разумнымъ взглядомъ на окружающій насъ міръ. Тогда только образуется у насъ общественное мнѣніе, которое станетъ дѣйствительною силой и могущественнымъ дѣятелемъ просвѣщенія. Тогда оно само выставитъ изъ среды себя людей, которые въ состояніи будутъ руководить имъ въ виду государственной пользы и сдѣлаются для него знаменемъ и авторитетомъ

Вы видите, гг., что вездѣ, куда бы мы ни обратились, на верху и внизу, въ центрѣ и въ областяхъ, прежде всего нужны люди. А между тѣмъ, даже и въ обществѣ, въ сословныхъ выборахъ, въ судахъ, въ наукѣ, въ литературѣ, въ нашемъ тѣсномъ университетскомъ кружкѣ, вездѣ камнемъ преткновенія является бѣдность въ людяхъ, недостатокъ подготовленія. Мы вообще слишкомъ еще склонны за все хвататься на обумъ, вкривь и вкось толковать обо всемъ,

не прошедши черезъ ту медленную работу мысли, которая одна можетъ дать прочное основаніе для дѣятельности и для сужденій. При этомъ наши взоры невольно обращаются на университеты, на разсадники нашего образованія. Государственные люди и общественные дѣятели вырабатываются не канцелярскою рутиной, не чтеніемъ газетныхъ статеекъ и не шумными рѣчами на площади, а серьёзнымъ и усидчивымъ трудомъ. Мы надѣемся, что, несмотря на временное увлеченіе, наши университеты не отклонятся отъ существенной своей задачи — готовить полезныхъ дѣятелей для русской земли. Различныя общественныя поприща ожидаютъ васъ впереди; но куда бы вы ни были призваны, вездѣ основной закваской будутъ для васъ тѣ знанія, которыя вы вынесете отсюда, та работа, которой вы посвятите себя здѣсь.

Не думайте, чтобы предстоящій вамъ трудъ былъ маловаженъ. Государственные вопросы разрѣшаются не легко. Тутъ недостаточно однихъ добрыхъ намѣреній и благородныхъ побужденій. Менѣе всего достаточенъ тотъ дешевый либерализмъ, который, являясь нынѣ на всѣхъ перекресткахъ и пренебрегая наукою и трудомъ, питается журнальными крохами. Тутъ нужно изученіе систематическое и серьёзное. Государство — организмъ многосложный, который заключаетъ въ себѣ безчисленное разнообразіе отношеній. Въ науку о государствѣ входятъ и философія, и исторія, и юриспруденція, и бытовыя условія, и экономическіе вопросы. Все это надобно изучить, чтобы составить себѣ полное понятіе о предметѣ. Можно почти сказать, что все это надобно знать, чтобы разумно обсудить всякій практическій вопросъ; ибо въ каждомъ явленіи жизни отражается вся ея полнота, каждое изъ нихъ находится въ зависимости отъ всѣхъ стихій, входящихъ въ составъ цѣлаго организма.

Курсъ нашъ, гг., будетъ раздѣляться на общее государственное право и на изложеніе русскихъ государственныхъ законовъ. Первое полугодіе я буду посвящать исключительно первому. Такимъ образомъ лучше сохранится нить преподаванія, и вы сами лучше будете приготовлены къ изученію нашихъ отечественныхъ законовъ. Преподаваніе положительнаго права безъ предшествующей теоріи можетъ дать только знаніе рутинное, годное единственно для ограниченной практики, а не ясное пониманіе вещей, котораго мы желаемъ достигнуть въ университетѣ. Мало того: какъ скоро мысль возбуждена, такое преподаваніе можетъ повести къ однимъ сомнѣніямъ. Я, напримѣръ, стану излагать вамъ устройство нашихъ административныхъ мѣстъ. А вы спросите: но зачѣмъ нужны чиновники? будто нельзя безъ нихъ обойтись? И укажете на извѣстныя всѣмъ намъ злоупотребленія. Я стану объяснять вамъ, что чиновники необходимы въ государственномъ управленіи; а вы спросите: но зачѣмъ же нужно государство? Это только стѣсненіе свободы. И такимъ образомъ отъ вопроса къ вопросу и отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, вы дойдете до отрицанія всѣхъ существенныхъ основаній общества. Эти сомнѣнія могутъ разрѣшиться только изученіемъ общей науки о государствѣ, которая не идетъ въ разрѣзъ съ положительными законами, съ дѣйствительною жизнью, а способствуетъ ихъ уразумѣнію.

Теорія государства или общее государственное право, какъ называютъ его Нѣмцы, наука, возникшая въ недавнее время. Внѣ Германіи она едва извѣстна, и можно сказать, что до сихъ поръ она еще не получила должной обработки. Прежде она сливалась съ такъ называемымъ естественнымъ правомъ, или съ философіей права, и тогда она носила иной характеръ. Философія права по существу своему имѣетъ на-

правленіе умозрительное. Оставляя въ сторонѣ разнообразныя условія жизни, она часто становится въ противорѣчіе съ дѣйствительностью. Особенно при одностороннемъ развитіи началъ, она нерѣдко являлась то невозможною утопіей, то революціонною пропагандой, то панегирикомъ извѣстному образу правленія. Наука, во всей ея полнотѣ, не ограничивается умозрѣніемъ и избѣгаетъ односторонніхъ взглядовъ. Задача ея — изучить и объяснить всѣ элементы государственной жизни, всѣ ея явленія въ безконечномъ ихъ разнообразіи. Нѣтъ политическаго устройства, нѣтъ сколько-нибудь прочнаго порядка вещей, который бы не имѣлъ глубокихъ корней въ дѣйствительныхъ условіяхъ жизни, который бы не вытекалъ изъ исторіи народа, изъ внутренняго, часто темнаго, сознанія о существенныхъ его потребностяхъ. Наука должна все это объяснить, а не ограничиваться легкомысленнымъ отрицаніемъ положительныхъ данныхъ, приписывая ихъ невѣжеству, предразсудкамъ и т. п. Такъ поступали ученые 18-го вѣка. Въ наше время этотъ способъ сужденія принадлежитъ къ весьма отсталымъ. Въ наше время успѣхи науки привели насъ къ болѣе зрѣлому пониманію вещей, къ сознанію, что положительные факты вытекаютъ изъ весьма положительныхъ причинъ.

Такимъ образомъ общее государственное право должно одинаково обнимать всѣ формы государственнаго устройства, всѣ образы правленія, объясняя ихъ значеніе, ихъ выгоды, ихъ недостатки и необходимую связь ихъ съ тѣми жизненными условіями, среди которыхъ они существуютъ. Одно это воззрѣніе можемъ мы назвать вполнѣ наукообразнымъ, потому что оно обнимаетъ всю полноту явленій.

Теоріи государства я предпошлю исторію развитія политическихъ идей. Это введеніе необходимое. Безъ него нѣтъ полноты, а потому нѣтъ и убѣжденія. Я стану излагать

вамъ теорію государства, но можете ли вы быть увѣрены, что это единственное правильное ученіе? Вы встрѣтите въ литературѣ множество другихъ теорій, часто болѣе заманчивыхъ для молодаго ума. Почему же не дать предпочтеніе послѣднимъ? И вотъ опять возникаютъ сомнѣнія и вопросы. Разъяснить ихъ можетъ одна исторія науки, которая даетъ намъ всю полноту развитія идей, все разнообразіе ученій, возникавшихъ одно за другимъ. Здѣсь только можетъ объясниться мѣсто и значеніе каждаго. Здѣсь вы увидите причины происхожденія той или другой политической теоріи и необходимость перехода ея къ системѣ, болѣе полной и широкой. Односторонность и несбыточность теоріи раскроются здѣсь сами собою. Всѣ элементы сужденія будутъ у васъ на глазахъ. Передъ вами пройдетъ весь рядъ мыслителей отъ Платона и Аристотеля до Макіавелли, Гроція, Гоббеса, Монтескье, Руссо, Канта, Фихте, Гегеля и т. д. Мнѣ останется только слѣдить за этимъ ходомъ и указывать на судъ, произносимый самою исторіею.

Но этого мало. Историческое развитіе политическихъ идей есть самое философское развитіе элементовъ государственной жизни. Нѣтъ политической теоріи, какъ бы она ни была односторонняя, нѣтъ сколько-нибудь значительной системы, которая бы не опиралась на который-нибудь изъ этихъ элементовъ. Недостатокъ той или другой теоріи обыкновенно состоитъ именно въ развитіи одного элемента въ ущербъ другимъ. Но такъ какъ въ цѣльномъ организмѣ государства всѣ эти элементы естественно вяжутся между собою внутреннимъ закономъ своей природы, то односторонняя теорія, вслѣдствіе этой связи, сама прямо указываетъ на необходимость дополненія, т. е., на дальнѣйшую, высшую теорію. Такимъ образомъ естественная связь различныхъ элементовъ государства отражается въ естественной послѣдова-

тельности слѣдующихъ другъ за другомъ ученій. Присущій вещамъ законъ необходимости есть самый логическій законъ человѣческаго разума. Поэтому, изучая исторію идей, мы на фактѣ, въ положительныхъ явленіяхъ жизни, изучаемъ самую полную и всестороннюю философію государства.

Результатъ этого философскаго развитія идей есть понятіе о государствѣ, какъ о живомъ организмѣ народнаго единства. Это не внѣшняя форма, наложенная на общество, не механическое соединеніе лицъ. Нѣтъ, государство — живое единство народа; граждане — живые члены единаго цѣлаго, единаго духовнаго и свободнаго организма, который связываетъ между собою не только существующихъ въ данное время людей, но и давнопрошедшія поколѣнія съ настоящими и будущими. Какъ тѣлесный организмъ живетъ, растетъ и измѣняется въ продолженіе всей человѣческой жизни, и сохраняетъ свое единство, несмотря на постоянную смѣну тѣхъ матеріяльныхъ частицъ, изъ которыхъ онъ составляется, такъ и народный организмъ сохраняетъ свое единство, несмотря на смѣну поколѣній, на измѣненіе потребностей, вѣрованій, устройства. Современное государство, не только нравственно, но и юридически связано со всѣми предшествующими его формами. Связь эта образуется сохраняющеюся въ немъ непрерывностью сознанія и воли. Потому мы народъ иначе и не представляемъ себѣ, какъ единымъ лицемъ, т. е., субъектомъ, имѣющимъ разумную волю, а потому и права. Такимъ онъ является въ международныхъ сношеніяхъ, въ исторіи, въ судьбахъ міра, и это лице есть государство. Потому, когда исторію народа противополагаютъ исторіи государства, какъ будто государство есть что-то внѣшнее и чуждое народу, мы можемъ видѣть въ этомъ только смѣшеніе понятій. Государство есть самъ народъ какъ единое цѣлое, какъ живой организмъ, какъ нравственное

лице, какъ историческій дѣятель. Каково отношеніе этого цѣльнаго организма къ разнообразнымъ, проявляющимся въ народѣ стремленіямъ, къ частнымъ союзамъ, къ самостоятельной дѣятельности лицъ,—это другой вопросъ, о которомъ мы будемъ говорить въ свое время, и который составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ государственной науки.

Изъ этого, господа, вы поймете различіе между народами государственными и народами негосударственными. Государственный народъ тотъ, который способенъ установить надъ собою высшій порядокъ, разумно и единодушно подчиниться верховной власти. Государственные народы одни имѣютъ высшее сознаніе и силу, одни призваны играть роль въ исторіи. Государственные народы — вѣнецъ человѣчества. Оттого, гг., мы, Русскіе, не остались на степени Болгаръ, или Хорватъ. Государственный смыслъ русскаго народа раскинулъ Россію на то необъятное пространство, которое составляетъ для насъ отечество и далъ ему возможность играть историческую роль, которою можетъ гордиться русскій человѣкъ. Поэтому у насъ тотъ только можетъ сознательно кидать камень въ государство, въ комъ исчезло пламя любви къ отечеству. Я не говорю объ огромномъ большинствѣ тѣхъ, которые толкуютъ, не зная о чемъ. Съ этихъ и взыскивать нечего.

Выработанное философіей понятіе о государствѣ принимается юриспруденціей, и здѣсь мы приходимъ къ первой части нашего теоретическаго курса — къ собственно такъ называемому государственному праву, которое излагаетъ юридическое существо государства и весь проистекающій изъ него юридическій его организмъ. Юридическое существо государства не что иное, какъ самое выработанное философіею понятіе о государствѣ. Юриспруденція потому именно можетъ принять это понятіе, что она сама къ нему прихо-

дитъ, своимъ собственнымъ путемъ, путемъ жизненнаго опыта, возведеніемъ явленій политической жизни къ юридическимъ формуламъ. Это совпаденіе философской теоріи съ юридическою служитъ лучшимъ доказательствомъ правильности понятія. Юриспруденція беретъ это понятіе и выводитъ изъ него логическія послѣдствія, развиваетъ входящія въ составъ его стихіи и опредѣляетъ взаимныя ихъ отношенія. Юриспруденція есть логика правъ и обязанностей. Коренное ея начало — правда; выраженія ея — законъ, имѣющій обязательную силу для всѣхъ.

Законъ связываетъ во единое тѣло разрозненныя лица, подчиняя ихъ единой государственной власти. Повиновеніе закону — вотъ первое требованіе правды, первый признакъ гражданственности, первое условіе свободы. Свобода анархическая — преддверіе деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, одна можетъ установить прочный порядокъ. Не думайте притомъ, чтобы повиновеніе закону ограничивалось одними хорошими законами. Еслибъ всякій сталъ исполнять только тѣ законы, которые онъ считаетъ хорошими, то было бы полное господство анархіи. Во всѣхъ странахъ міра есть законы и хорошіе и дурные; но обязанность повиновенія распространяется на всѣ. Это—требованіе общее. Для юриста повиновеніе закону такая же основная аксіома права, какъ дважды два четыре для математика. Кто не врѣзалъ себѣ этого глубоко въ сердце, тотъ не можетъ сдѣлать ни единаго шага въ правовѣдѣніи.

Въ изложеніи теоріи государственнаго права, мы начнемъ съ ученія о составѣ государства, объ элементахъ, въ него входящихъ, каковы: народъ, территорія и наконецъ, какъ существенный признакъ государственнаго союза, отличающій его отъ всякаго другаго, — верховная власть. Затѣмъ мы перейдемъ къ государственному устройству, покажемъ

существо, значеніе и свойства правительства, различные образы правленія, права гражданъ. Наконецъ, мы заключимъ теоріей государственнаго управленія; мы разберемъ составные его элементы и постараемся объяснить всю ту сложную систему учрежденій, которая служитъ для исполненія государственныхъ цѣлей.

Проходя эту первую часть науки о государствѣ, мы встрѣтимся съ важнѣйшими современными вопросами. Но правовѣдѣніе можетъ только подготовить юридическое основаніе для ихъ рѣшенія. Само оно не въ состояніи разрѣшить ихъ вполнѣ, потому что кромѣ юридическаго элемента, каждый изъ этихъ вопросовъ находится въ зависимости отъ множества другихъ условій, которыя имѣютъ вліяніе на государство, и которыя поэтому надобно принять въ соображеніе. Это приводитъ насъ ко второй части нашей науки—къ ученію о жизненныхъ условіяхъ государства.

Въ самомъ дѣлѣ, юридическая сторона государственной науки далеко не исчерпываетъ предмета. Если бы государство строилось по чисто-юридической теоріи, оно всегда и вездѣ было бы одинаково, или по крайней мѣрѣ оно ограничивалось бы весьма немногими видоизмѣненіями, вытекающими изъ самаго его существа. Но государство живетъ среди разнообразнѣйшихъ жизненныхъ условій, которыя налагаютъ на него свою печать и производятъ тѣ безчисленныя политическія формы, которыя являются намъ въ исторіи и въ современномъ мірѣ. Эти жизненныя условія суть свойства тѣхъ самыхъ первоначальныхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ государства, именно области и народа. Въ государственномъ правѣ мы разсматривали ихъ со стороны юридической. Здѣсь мы должны будемъ изучить ихъ съ дѣйствительной, жизненной ихъ стороны и показать ихъ вліяніе на государство.

Прежде всего мы встрѣтимъ здѣсь физическія свойства страны, характеръ почвы, климатъ и т. п. Все это имѣетъ вліяніе не только на образованіе, но и на самое устройство государства. Давно уже, напримѣръ, было замѣчено, что обширныя области благопріятствуютъ развитію абсолютизма, а мелкія напротивъ, представляютъ лучшія условія для народнаго правленія. Но этого мало: естественныя условія, составляя одинъ изъ существенныхъ элементовъ исторической жизни народа, налагаютъ свою печать на постоянныя свойства его духа, которыхъ не изгладитъ никакое развитіе. Объясню это примѣромъ.

Представьте себѣ, съ одной стороны, обширную черноземную равнину, покрытую лѣсомъ, съ другой — страну, представляющую разнообразную поверхность, изобилующую скалами, ущельями, долинами. По обѣимъ скитаются дружины съ своими вождями. Естественно, что въ послѣдней странѣ каждый дружинный начальникъ усядется на неприступную скалу, гдѣ онъ построитъ себѣ каменный замокъ, откуда онъ будетъ владычествовать надъ окрестностью, куда не достанетъ до него чужая рука. На черноземной равнинѣ это невозможно. Деревянные остроги и земляные валы, которые построютъ себѣ дружинники, будутъ служить имъ весьма ненадежнымъ укрывательствомъ отъ враговъ. Для защиты ихъ понадобится гораздо больше силъ, нежели какими можетъ располагать мелкій вождь. Послѣдствія того и другаго порядка очевидны. Въ гористой странѣ образуется несмѣтное множество отдѣльныхъ центровъ жизни и дѣятельности, которые представятъ упорное сопротивленіе соединяющему началу. Отсюда борьба со всѣми ея послѣдствіями, отсюда проистекающія изъ исторіи свойства народнаго характера, которыя отражаются и въ государствѣ — личная энергія, сознаніе права, чувство чести, умѣніе

группироваться около отдѣльныхъ центровъ. На черноземной равнинѣ произойдутъ совершенно другія явленія. Здѣсь личность, не находя прочныхъ частныхъ центровъ, къ которымъ она можетъ примкнуть, будетъ укрываться въ одиночествѣ и легко подчинится всепоглощающей силѣ единства. Здѣсь разовьются мягкія свойства народа и образуется громадное тѣло, которое будетъ имѣть значеніе не силою частей, а крѣпкимъ единствомъ своей массы.

Я не хочу, однако, сказать, что естественныя свойства области всегда и вездѣ имѣютъ одинакія послѣдствія, непреложныя, какъ физическій законъ. Народная жизнь и исторія слагаются изъ множества элементовъ, въ числѣ которыхъ находятся и физическія условія страны. Послѣднія составляютъ только одну изъ дѣйствующихъ причинъ, которая можетъ въ значительной степени видоизмѣниться остальными, именно элементами собственно человѣческими, общественными, которые имѣютъ несравненно большее вліяніе, нежели первые, на государственный бытъ. Сюда относятся племенное начало, народность, составъ общества, степень его развитія, экономическій бытъ, господствующія вѣрованія, предразсудки, нравы, обычаи. Все это вмѣстѣ составляетъ ученіе объ обществѣ.

Повидимому, нѣтъ ничего проще и яснѣе, какъ это вліяніе общественнаго быта на государство. Между тѣмъ, только въ настоящее время начинаютъ приходить къ сознанію, что государство не строится на одномъ умозрѣніи, что существуютъ самобытныя силы, часто независимыя отъ человѣческой воли, которыя противодѣйствуютъ всякой несвоевременной перемѣнѣ и неизбѣжно возвращаютъ государство на прежнюю колею, если оно было выброшено изъ нея переворотомъ, основаннымъ на однихъ теоретическихъ требованіяхъ. До сихъ поръ еще, гг., большая часть либе-

ральныхъ людей убѣждены, что достаточно захотѣть свободы, чтобы ея достигнуть. Ученіе объ обществѣ должно разсѣять эти мечты. Оно показываетъ, что и свобода имѣетъ свои жизненныя условія, независимыя отъ воли, коренящіяся въ народномъ духѣ, въ общественномъ быту, въ естественномъ составѣ государства, въ состояніи сословій и партій, иногда даже въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Безъ этихъ условій всякая попытка водворить свободу ведетъ только къ сильнѣйшему деспотизму.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ, однако, и преувеличивать это вліяніе общественнаго быта на политическое устройство. Государство не остается страдательною формой, которую общество образуетъ по своему. Государство — плодъ человѣческаго сознанія, произведеніе разумной природы человѣка, а потому оно сознательно воздѣйствуетъ на тѣ условія, среди которыхъ оно существуетъ, стараясь подчинить ихъ высшей, разумной своей цѣли. Оно находитъ тѣсную область и стремится къ ея расширенію; оно находитъ общество раздробленное и старается его соединить. Эта новая, третья сторона государственной жизни есть *политика*. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ правомъ, а съ пользою. Это не чистое проявленіе государственныхъ началъ, а приспособленіе ихъ къ разнообразнымъ условіямъ жизни — задача трудная, въ которой проявляется практическая мудрость государственныхъ людей. Повидимому, наукѣ тутъ нечего и дѣлать. Политика является болѣе искусствомъ, нежели наукою. Государственный человѣкъ долженъ естественнымъ тактомъ, высшимъ чутьемъ распознавать, что̀ именно нужно сдѣлать въ данное время, при извѣстныхъ условіяхъ. Сюда входитъ множество данныхъ, почти неуловимыхъ, за которыми наука услѣдить не можетъ. Что̀ же остается тутъ для теоріи? Не собьетъ ли она скорѣе съ

толку практическаго человѣка, нежели дастъ ему надежное руководство для дѣятельности?

Точно, отношеніе политическихъ теорій къ практикѣ часто представляется въ этомъ видѣ, и, можно сказать, не безъ основанія. Нѣтъ ничего гибельнѣе для практики, какъ теорія односторонняя или недостаточная, какова бы она ни была, — охранительная, либеральная, демократическая. Государственный бытъ представляетъ соединеніе всѣхъ жизненныхъ элементовъ, въ той формѣ, которая вытекаетъ изъ естественныхъ условій данной среды. Сочетаніе это происходитъ часто безсознательно, само собою, силою вещей. Односторонняя теорія разрушаетъ это практически-образовавшееся согласіе. Упуская изъ вида нѣкоторыя изъ существенныхъ условій и элементовъ жизни, она вступаетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и является чѣмъ-то для нея чуждымъ и враждебнымъ. Вотъ почему, гг., мы такъ часто видимъ, что въ мірѣ владычествуетъ рутина, тогда какъ благородныя стремленія остаются безсильными и безплодными. Рутина живетъ среди самой жизни; не сознавая ее разумнымъ путемъ, она принимаетъ всѣ ея элементы, какъ они есть, какъ они сложились на практикѣ. А потому она ближе къ дѣйствительности, нежели благородныя стремленія, которыя направляются одностороннею теоріей. Потому послѣднія противъ рутины безсильны. Рутина можетъ быть побѣждена только теоріей всесторонней, которая принимаетъ въ разсчетъ всѣ жизненныя условія и черпаетъ свои уроки изъ самаго опыта. Такова должна быть наука политики. Изучая возможно полнымъ образомъ явленія жизни и исторіи, она должна показать: какими средствами и при какихъ условіяхъ государства образуются и живутъ, чѣмъ опредѣляется различіе образовъ правленія и совершающіяся въ государствахъ перемѣны, въ чемъ состоятъ выгоды

или невыгоды тѣхъ или другихъ политическихъ формъ, что онѣ могутъ дать и чего нельзя отъ нихъ требовать, наконецъ какими средствами можетъ пользоваться государство для достиженія своихъ цѣлей. Теорія политики, основанная на всесторонненъ изученіи философіи права и исторіи народовъ, составляетъ лучшее руководство для практики. Это вѣнецъ науки о государствѣ. Къ несчастью, она далеко еще не достигла желаннаго совершенства. Это часть общаго государственнаго права, которая наименѣе разработана.

Таковъ, гг., общій очеркъ науки, о которой мнѣ придется бесѣдовать съ вами на первое полугодіе. Я бы желалъ сказать вамъ, что я надѣюсь не безъ пользы руководить васъ на этомъ поприщѣ. На первыхъ порахъ своего преподаванія могу только обѣщать вамъ усердно трудиться вмѣстѣ съ вами, чтобы достигнуть желанной обработки слишкомъ обширнаго предмета. Для этого нужно одно — работать, какъ слѣдуетъ людямъ, преданнымъ наукѣ — спокойно, безпристрастно, либерально. Когда я въ дѣлѣ науки говорю о либерализмѣ, я разумѣю не юридическую свободу, а свободу мысли, я разумѣю то просвѣщенное состояніе духа, въ которомъ человѣкъ внимательно выслушиваетъ каждое серьезное мнѣніе и старается извлечь изъ него для себя пользу. Тотъ, кто во имя либерализма хочетъ подавлять чужія убѣжденія, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о свободѣ. Это худшее изъ всѣхъ легкомыслій. Его, я надѣюсь, мы не встрѣтимъ ни на каѳедрѣ, ни на университетскихъ скамьяхъ. Въ стѣны этого зданія, посвященнаго наукѣ, не долженъ проникать шумъ страстей, волнующихъ внѣшнее общество. Здѣсь мы должны, углубляясь въ себя, въ тишинѣ готовиться на жизненное дѣло, или на полезное поученіе. Для васъ время дѣятельности, борьбы, страстнаго участія въ общественныхъ вопросахъ, придетъ своимъ чередомъ.

На долгой, предстоящей вамъ жизненной дорогѣ, вы успѣете утомиться житейскими заботами, и тогда вы съ сожалѣніемъ вспомните о той порѣ, когда вамъ дана была возможность съ несокрушенными силами, съ неопблекшими надеждами, посвящать себя спокойному и безкорыстному труду. Призванный къ жизни и дѣятельности, человѣкъ долженъ дорожить тѣми рѣдкими минутами, когда онъ можетъ собираться внутри себя и устремлять свои взоры на близкій душѣ его идеалъ. Идеалъ этотъ для насъ наука, во имя которой мы собраны здѣсь. Она выводитъ человѣка изъ области житейскихъ стремленій и страстей и, ведя его за руку, даетъ ему силу возвыситься къ тому широкому и свободному созерцанію жизни, которое составляетъ лучшій залогъ основательной мысли и полезной дѣятельности.

И здѣсь, какъ примѣръ и поученіе, возникаютъ передъ нами образы нашихъ предшественниковъ въ Московскомъ Университетѣ, людей, посвящавшихъ свою жизнь святому дѣлу образованія. Объ одномъ я не могу не вспомнить въ настоящую минуту съ сокрушеніемъ сердечнымъ. Я имѣлъ счастіе слушать его, знать и любить. Я говорю о Грановскомъ. И въ васъ, гг., живо преданіе о немъ, хотя вамъ не дано было слышать его изящную и благородную рѣчь, испытывать его могущественное дѣйствіе на юные умы, которые влеклись къ нему съ страстною любовью. Это даръ, который дается немногимъ. Тайна этой силы заключалась не въ пошломъ исканіи мимолетной популярности, не въ лести юношескимъ страстямъ, или даже и заблужденіямъ, не въ громкомъ провозглашеніи новыхъ идей, плѣнительныхъ для молодаго воображенія, а въ самомъ благородствѣ природы человѣка, въ его пламенной любви къ истинѣ и добру, въ томъ возвышенномъ настроеніи духа, которое побуждало его съ вершины науки, съ высоты человѣческихъ идей,

сочувствовать всему человѣческому, и мягко и любовно относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни, въ которыхъ выражалось искреннее чувство, или благородная мысль. Онъ былъ олицетворенная поэзія, воплощеніе всѣхъ лучшихъ стремленій человѣка. Онъ былъ и остается красою Университета, и мы, его преемники, можемъ обращаться къ его памяти для поддержки и возбужденія на предстоящемъ намъ пути. И кажется мнѣ, что дорогая тѣнь блуждаетъ еще по этимъ аудиторіямъ; мнѣ кажется, что она невидимо присутствуетъ между нами, благословляя и поучающихъ и слушателей на общее служеніе отечеству въ дѣлѣ образованія.

Но эта драгоцѣнная для насъ память, гг., не должна служить намъ предлогомъ для шумныхъ манифестацій. Мы не должны призывать ее въ свидѣтели своихъ страстныхъ увлеченій; но, какъ душевное сокровище, мы должны беречь ее для освященія того мирнаго и плодотворнаго труда, который составляетъ жизненное дѣло Университета. Въ этомъ состоитъ завѣщанное намъ преданіе, которое мы обязаны свято хранить, преданіе, которое, непрерывною цѣпью передаваясь отъ поколѣнія поколѣнію, дѣлаетъ изъ Университета учрежденіе незыблемое, краеугольный камень русскаго просвѣщенія и надежду русской земли.

III.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ?

1.

Въ нашихъ журналахъ возникла жаркая полемика по поводу замѣтки г. Костомарова о нашихъ университетахъ, помѣщенной въ № 237 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Этотъ вопросъ отвѣчаетъ самому живому современному интересу. Положеніе нашихъ университетовъ, по очень понятнымъ причинамъ, занимаетъ всѣ умы. Съ судьбою русскаго просвѣщенія связана, можно сказать, самая судьба Россіи, для которой просвѣщеніе составляетъ насущную потребность. Мы считаемъ не лишнимъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ, потому что, по нашему убѣжденію, для русскаго просвѣщенія не можетъ быть бо́льшаго удара, какъ исполненіе мысли г. Костомарова. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе высшаго преподаванія и обращеніе нашихъ университетовъ въ дѣло общественнаго развлеченія.

Г. Костомаровъ отправляется отъ различія воспитанія и образованія. Это различіе проводится въ рядъ самыхъ блистательныхъ антитезовъ: «Воспитаніе есть приготовленіе къ жизни, образованіе есть душа жизни. Воспитаніе принадлежитъ дѣтскимъ и отроческимъ лѣтамъ и оканчивается со вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ; образованіе есть достояніе всякихъ возрастовъ и не прекращается до старости.... Воспитаніе даетъ нѣжный и, такъ сказать, тающій

матеріалъ; образованіе сообщаетъ ему плотность и крѣпость. Воспитаніе и образованіе въ жизни словно абрисъ и растушовка въ рисункѣ» и т. д. и т. д.

Безподобно! Одного только мы здѣсь напрасно станемъ искать, именно что̀ нужно для молодыхъ людей, вышедшихъ изъ отрочества, и не вступившихъ еще въ зрѣлый возрастъ, т. е., не избравшихъ себѣ поприща, не начавшихъ еще дѣйствовать въ жизни; однимъ словомъ, что̀ нужно для юношей: воспитаніе или образованіе? А въ этомъ состоитъ все дѣло. Это единственное, что̀ слѣдовало разъяснить. Г. Костомаровъ просто забылъ, что существуетъ возрастъ средній между отрочествомъ и зрѣлостью, возрастъ, въ которомъ люди готовятся еще къ жизни, въ которомъ свободное и систематическое ученіе составляетъ спеціяльное занятіе. Вспомни онъ объ этомъ — и всѣ его блистательные антитезы изчезли бы, какъ дымъ. Не было бы возможности противопоставить воспитательно-учебныя заведенія образовательно-ученымъ, и рѣзко разграничить способы преподаванія въ тѣхъ и другихъ; не было бы возможности сказать, что воспитаніе есть гимнастика, что задача его—наполнять память матеріяломъ, что ученикъ долженъ принимать сказанное учителемъ на вѣру, жить его умомъ и тому подобныя глубокомысленныя педагогическія замѣчанія.

Между тѣмъ забыть юношество было не совсѣмъ легко. Оно постоянно было на глазахъ у г. Костомарова; онъ читалъ для него лекціи въ Петербургскомъ Университетѣ. Но вниманіе г. Костомарова обращено не на студентовъ, а на массу публики, на людей всѣхъ половъ, возрастовъ и званій, которые могутъ стекаться въ аудиторіи и слушать краснорѣчиваго преподавателя. Для публики онъ приберегъ все свое сочувствіе. О юношествѣ нѣтъ и помину.

И вотъ, изъ этого опущенія возникаетъ цѣлый великолѣпный планъ для будущности нашихъ университетовъ. Тутъ есть все, что̀ можетъ плѣнить современнаго русскаго либерала — и радикальное преобразованіе, и современныя потребности, и открытыя настежъ двери, и контроль общественнаго мнѣнія. Нѣтъ только студентовъ и университетовъ: одни преданы забвенію, другіе преданы погибели. О преобразовательная мудрость нашихъ передовыхъ людей, вожатаевъ молодаго поколѣнія! Бѣдная Россія!

Юность существуетъ. Въ этомъ трудно сомнѣваться. Молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ гимназіи, или получившій соотвѣтствующее этому курсу домашнее воспитаніе, прежде нежели вступаетъ въ жизнь и избираетъ себѣ извѣстное поприще, долженъ пройдти черезъ высшую школу, которая служитъ ему окончательнымъ приготовленіемъ для жизни. Въ эту пору университетъ принимаетъ его въ свои нѣдра. Здѣсь онъ находитъ умственную атмосферу, преданія науки, необходимость труда, товарищество и свободу, которыя облагораживаютъ его стремленія и даютъ возможность пріобрѣсть запасъ знанія и силъ для дальнѣйшей дѣятельности. Кто въ университетѣ видитъ одно чтеніе лекцій, на которыя можетъ стекаться публика, тотъ умѣлъ понять одну внѣшнюю форму преподаванія; тому чуждъ духъ университета.

Подъ именемъ университетовъ разумѣются именно высшія школы для молодыхъ людей. Подобныя учрежденія естественно вытекаютъ изъ потребностей юношескаго возраста. Во всѣхъ странахъ міра они существуютъ на этихъ основаніяхъ. Въ Германіи они дѣйствуютъ превосходно. Въ нихъ молодые люди пріобрѣтаютъ ту основательность знаній и ту привычку къ честному труду, которыя составляютъ лучшія свойства Нѣмцевъ. Но г. Костомаровъ не по-

трудился навесть на этотъ счетъ какія бы то ни было справки. Въ его глазахъ университеты были осуждены заранѣе, потому что они не подходятъ подъ его антитезъ воспитательно-учебныхъ и образовательно-ученыхъ заведеній. Они, по его мнѣнію, не въ состояніи исполнить свое назначеніе, потому что составляютъ нѣчто неопредѣленное между тѣми и другими. А потому прочь ихъ! Давайте намъ чего-нибудь новенькаго!

У насъ въ Россіи, въ особенности, пребываніе въ университетѣ составляетъ свѣтлую точку между застоемъ провинціяльной жизни и безпокойною пустотой жизни столичной. Нравственная сила университета, возможность плодотворнаго дѣйствія его на молодые умы, заключаются въ его удаленіи отъ общественной среды, въ той особенной атмосферѣ, которая образуется въ немъ вслѣдствіе живаго общенія преподавателей и учащихся, занятыхъ однимъ дѣломъ, имѣющихъ одну цѣль — науку. Чѣмъ болѣе примѣшивается въ него посторонніхъ и чуждыхъ стихій, чѣмъ живѣе въ немъ возбуждаются общественные вопросы и общественныя страсти, тѣмъ болѣе онъ уклоняется отъ своей цѣли, тѣмъ онъ становится безсильнѣе и безплоднѣе. Тѣ прискорбныя явленія, которыя были у насъ на глазахъ, слѣдуетъ приписать именно этому наплыву постороннихъ стихій. Университеты не съумѣли противостоять вторженію въ нихъ общественнаго безразсудства. Ихъ ли въ томъ вина, или нѣтъ, — объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить.

Мы не хотимъ однако сказать, что университетъ долженъ быть замкнутымъ заведеніемъ. Студенты живутъ въ обществѣ, въ семьяхъ — этого требуетъ свобода, которая должна быть предоставлена юношескому возрасту. Университетъ всегда либерально растворялъ свои двери и посторонніимъ слушателямъ, которые могли быть въ него допу-

щены. Но они были въ немъ гости, а не хозяева. Аудиторія состояла изъ массы студентовъ, исключительно посвящающихъ себя систематическому труду подъ руководствомъ профессора, а не изъ пестрой толпы лицъ разныхъ половъ, возрастовъ и званій, случайно стекающихся около каѳедры. Забывъ о существованіи юношества, г. Костомаровъ естественно не могъ обратить вниманіе на это простое различіе студентовъ отъ публики. Для студентовъ ученіе составляетъ жизненное занятіе. Оканчивая свое воспитаніе, они систематически изучаютъ извѣстную область наукъ. У нихъ впереди цѣль — экзаменъ, который побуждаетъ ихъ къ труду и составляетъ какъ бы двери, въ которыя они проходятъ при вступленіи въ жизнь. Напротивъ, для публики, въ которой каждый имѣетъ свои занятія, свою дѣятельность, изученіе науки всегда остается дѣломъ второстепеннымъ и посторонпимъ. Каждый ограничивается тѣмъ, что его интересуетъ, и беретъ то, что ему кажется полезнымъ, или пріятнымъ. Тутъ два рѣзко разграниченныхъ направленія; тутъ можно сдѣлать антитезъ, основанный на фактѣ. Но именно поэтому его и нѣтъ у г. Костомарова.

Уничтожьте это различіе, смѣшайте оба элемента, погрузите студентовъ въ массу публики, и они непремѣнно примутъ ея характеръ. Человѣкъ по неволѣ подчиняется вліянію той среды, въ которой онъ находится, заражается тѣмъ духомъ, который въ ней господствуетъ. Это вдвойнѣ справедливо относительно молодежи, въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ такъ мало побужденій къ труду, гдѣ человѣкъ такъ легко поддается развращающему вліянію общества. Для поддержанія студента на пути научнаго труда, ему необходимы и особенность университетской жизни, въ которой онъ чувствуетъ себя дома, и ближайшее-нравственное отношеніе къ преподавателямъ, и удаленіе отъ обществен-

ныхъ развлеченій, и предстоящій экзаменъ, и наконецъ кругъ товарищей, которые всѣ заняты однимъ дѣломъ, которые всѣ имѣютъ одну цѣль и одни интересы.

Г. Костомаровъ возстаетъ на корпоративное устройство студентовъ. Онъ утверждаетъ, что корпорація «можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о взаимной защитѣ общаго дѣла или о сохраненіи общихъ привилегій». Мало того: г. Костомаровъ убѣжденъ, что корпоративное устройство противно духу русскаго народа, что это у насъ «заимствованіе извнѣ, чистый анахронизмъ, непрактическая подражательность, столь свойственная намъ въ послѣдніе вѣка». Позвольте! восклицаетъ на это возражатель (см. № 241 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*), корпоративное устройство дѣйствительно заимствовано нами у иностранцевъ и не приходится русскому народу. Но у русскаго народа есть самобытное учрежденіе. Это — міръ. Не составляя корпораціи, студенты могутъ образовать изъ себя міръ. Это будетъ совершенно по-русски. (Отличная мысль — превратить университетъ въ мірскую сходку!) — Посмотрите, продолжаетъ г. Костомаровъ, вотъ самъ Хомяковъ, «человѣкъ вполнѣ русскій, говоритъ совсѣмъ не то: онъ хочетъ даже, чтобы всѣ учебныя заведенія вообще были открыты и чтобы экзамены производились публично».

Боже мой, гдѣ мы? Изъ какихъ закоулковъ человѣческаго мозга вытаскиваются у насъ доказательства при обсужденіи самыхъ живыхъ современныхъ вопросовъ? Къ чему эта лесть славянофильству, когда славянофильство здѣсь совершено въ сторонѣ? Къ чему эта почтительная ссылка на Хомякова, который никогда не былъ педагогомъ и не имѣетъ въ этомъ дѣлѣ даже и тѣни авторитета? Увы! мы воображали, что подобные доводы, отжившіе свой вѣкъ, отнесены въ давно забытый литературный хламъ. Горькое

разочарованіе! Ну, скажите, вмѣсто того чтобы смотрѣть на дѣло сквозь призму различныхъ мечтаній о свойствѣ русскаго духа, не лучше ли подойдти къ вопросу просто и прямо, и спросить себя: что̀ полезно для 20-лѣтнихъ юношей? въ какихъ отношеніяхъ состоятъ между собою молодые люди, которые учатся въ одномъ заведеніи?

Къ чему тутъ свойства народнаго духа? Къ чему противоположеніе русскаго міра и германской корпораціи? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, стòитъ взглянуть на то, что̀ дѣлается вокругъ насъ. Всегда и вездѣ молодые люди, которые учатся въ одномъ заведеніи, считаютъ себя товарищами, и всякому извѣстно, что эта связь вовсе не та, которая существуетъ между сочленами одного гражданскаго общества. Учащіеся говорятъ о себѣ: *мы*, въ отличіе отъ посторонніхъ, и естественно составляютъ родъ братства, хотя имъ не нужно ни защищать себя отъ враговъ, ни отстаивать общія привилегіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ имѣетъ и корпоративное устройство, но оно обнимаетъ не однихъ студентовъ, а весь университетъ, составляетъ корпорацію учащихъ и учащихся. Пока онъ остается университетомъ, онъ не можетъ не составлять корпораціи именно по тому, что это — особенное учрежденіе, имѣющее извѣстную цѣль и организацію приспособленную къ этой цѣли. Эта корпорація не замкнута: она принимаетъ въ себя всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ учиться; она допускаетъ въ себя и постороннія лица, не нарушая однако своего существеннаго характера, оставаясь университетомъ, назначеннымъ для высшаго преподаванія юношамъ. Послѣдніе, по самому своему положенію, тѣснѣе связаны между собою, нежели чуждые другъ другу члены гражданскаго общества. Товарищество — это жизнь студенчества. Сдержанное въ должныхъ предѣлахъ, это—лучшая школа для юношей, это—

соревнованіе въ успѣхахъ, общеніе мыслей и интересовъ въ благороднѣйшей изъ цѣлей — въ общемъ дѣлѣ образованія; наконецъ, главное, это — привязанность къ мѣсту ученія, одно изъ лучшихъ чувствъ человѣка, но о которомъ г. Костомаровъ, по видимому, никогда и не помышлялъ. Превратите университеты въ публичныя мѣста, и все это разлетится въ прахъ. Лучшая пора жизни человѣка будетъ втоптана въ общую житейскую пошлость.

Что же сдѣлается тогда съ преподаваніемъ? Какой характеръ приметъ оно съ превращеніемъ университетовъ въ публичныя каѳедры? На немъ, безъ сомнѣнія, отразятся свойства слушателей. Аудиторія образуетъ профессора. Когда преподаватель, которому не чужды нравственныя побужденія, имѣетъ передъ собою студентовъ, въ немъ естественно пробуждается сознаніе той священной обязанности, которая на немъ лежитъ, обязанности — готовить на жизненное поприще молодыхъ людей, нѣкоторымъ образомъ ввѣренныхъ его руководству. Тутъ совѣстно сказать легкомысленное слово, которое можетъ имѣть вредныя послѣдствія; еще недостойнѣе обращать свое высокое призваніе въ средство для забавы, или въ орудіе тщеславія. Тутъ есть нравственная связь между профессоромъ и аудиторіей, и это чувство долга и любви, эта pietas къ молодому поколѣнію, согрѣваетъ и воодушевляетъ преподавателя, когда онъ вступаетъ на каѳедру. Но когда, вмѣсто того, передъ нимъ пестрая толпа людей всѣхъ половъ, возрастовъ и званій, людей, для которыхъ изученіе науки не составляетъ серьёзнаго дѣла жизни, но которые стеклись сюда, иные отъ скуки, другіе для праздднаго удовольствія, третьи изъ моды или изъ тщеславія, и самая малая, можетъ-быть, часть — изъ чистой жажды просвѣщенія; когда обязанность профессора популяризировать науку, превращать ее

въ обиходную статью, размѣнивать ее на мелкую монету для обращенія на площади, тогда положеніе измѣняется; тогда по неволѣ закрадывается въ душу и желаніе играть общественную роль, и поползновеніе къ эффектамъ, которые получатъ громкую огласку, и стремленіе превратить науку въ орудіе для обсужденія живыхъ современныхъ вопросовъ, въ особенности же лесть публикѣ, которая составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ современнаго нашего либерализма, которая такъ и пышетъ изъ каждой строки тѣхъ мимолетныхъ произведеній, которыми украшается текущая наша литература, — лесть общественному мнѣнію, лесть извѣстному кружку, или извѣстному направленію, но прежде всего лесть невѣжественной толпѣ, которая съ жадностью хватается за каждое слово, ниспадающее изъ устъ передоваго человѣка.

Противъ этого превращенія серьёзнаго преподаванія въ общественную пропаганду или даже и забаву, нельзя принять никакихъ мѣръ. Контроль общественнаго мнѣнія? Но сама публика ликуетъ и рукоплещетъ при каждой блистательной фразѣ, при каждомъ громкомъ эффектѣ. Контроль власти? Но опытомъ дознано, что въ этихъ случаяхъ онъ можетъ приносить много вреда, никогда — пользу, и непремѣнно остается недѣйствительнымъ. Кому неизвѣстно, что мысль умѣетъ ускользнуть отъ всякаго надзора, что она, неуловимая, проникаетъ всюду и, какъ электрическая искра, сообщается умамъ, приготовленнымъ къ ея принятію? Достаточно малѣйшаго намёка, малѣйшаго оттѣнка выраженія, чтобы поразить чуткость общественнаго вниманія, устремленнаго исключительно въ эту сторону. Мало того: даже серьёзная мысль, когда налагается на нее чужая рука, содрагается и негодуетъ, и старается отстоять драгоцѣнную для нея независимость уязвленіемъ враждебнаго ей направленія.

Много ли преподавателей устоятъ противъ подобныхъ искушеній, когда они повторяются ежедневно и осаждаютъ всю жизнь человѣка? На это нужно слишкомъ много нравственной силы. Не только у насъ, но и въ странахъ, гдѣ наука пустила болѣе глубокіе корни, гдѣ публика болѣе приготовлена къ серьёзному преподаванію, мы видимъ замѣчательные примѣры подобнаго увлеченія. Стоитъ вспомнить нѣкоторые изъ самыхъ популярныхъ курсовъ въ Collège de France, гдѣ наука приноравливается къ цѣлямъ современной пропаганды, гдѣ весь смыслъ лекціи заключается въ завостреніи, которое возбуждаетъ громкія рукоплесканія живыми намеками на то, чего нельзя говорить прямо и открыто. Подобные курсы не только не приносятъ пользы, но развращаютъ публику, пріучая ее къ легкомысленному обращенію съ серьёзнымъ дѣломъ.

Вообще публичные курсы — случайность, или роскошь. Иногда они могутъ имѣть свою пользу. Когда общество дремлетъ, они служатъ ему нѣкоторымъ возбужденіемъ; когда оно погружено въ житейскія заботы, они вносятъ въ него духовные интересы. Таково было значеніе нѣкоторыхъ курсовъ, которые читались въ Московскомъ Университетѣ. Но это всегда дѣло второстепенное. На это не нужно особеннаго постояннаго учрежденія. Публичные курсы не созданы для систематическаго преподаванія науки, потому что публика въ систематическомъ преподаваніи не нуждается. Люди, достигшіе зрѣлаго возраста, заняты своимъ дѣломъ, продолжаютъ свое образованіе самостоятельною работой, чтеніемъ и литературой, которая имѣетъ значеніе для несравненно бо́льшаго числа людей, нежели какое можетъ вмѣстить въ себя аудиторія. Тѣмъ же, которые захотятъ прослушать какой-нибудь университетскій курсъ, университетъ всегда готовъ открыть свои двери. Публичные кур-

сы имѣли общее образовательное значеніе въ средніе вѣка, до изобрѣтенія книгопечатанія. Въ новое время, вслѣдствіе самой жизненной необходимости, университеты приняли ту форму, которую имѣютъ нынѣ. Возвращаться къ средневѣковому порядку, разрушая учрежденія, сложившіяся изъ опыта столѣтій, вытекшія изъ всего развитія новой исторіи, можно развѣ только въ обществѣ, которое представляетъ небывалое явленіе профессора, предлагающаго уничтоженіе университетовъ и превращеніе ихъ въ совершенно другаго рода заведенія.

Мы въ Россіи находимся въ странномъ положеніи. Вездѣ кругомъ раздаются голоса: преобразованія! преобразованія! Это какъ бы потокъ, увлекающій людей въ невѣдомыя страны. Въ этомъ движеніи все созданное вѣками, все, что утвердилось на историческомъ преданіи, кажется ветхимъ хламомъ, рубищемъ, которое надобно съ себя сбросить. Намъ нужно новаго, небывалаго, нигдѣ неизвѣстнаго. Чужой опытъ намъ не урокъ; собственный опытъ мы презираемъ и довѣряемся одной только своей младенческой мысли. Наконецъ, на самыя лучшія учрежденія налагается святотатственная рука: скорѣй, скорѣй долой!

Одно изъ такихъ почтенныхъ, временемъ освященныхъ учрежденій, одно изъ лучшихъ созданій новой Россіи, это— наши университеты. Проходя чрезъ нихъ, русское юношество совлекаетъ съ себя первобытную закоснѣлую пошлость Гоголевскихъ героевъ и начинаетъ пріобрѣтать духовные интересы и идеальныя стремленія. Пускай эти стремленія являются иногда въ нѣсколько безобразныхъ формахъ. Это естественный признакъ молодости. На университетахъ неизбѣжно отражается та шаткость, которая господствуетъ въ современномъ обществѣ. Но въ нихъ живетъ крѣпкое и серьёзное преданіе, которое можетъ служить самымъ наде-

жнымъ противодѣйствіемъ легкомысленнымъ увлеченіямъ общества, и которое одно въ состояніи возвратить разбредшіеся умы къ строгости и спокойствію научнаго труда. Университетъ — одно изъ тѣхъ учрежденій, которыя надо трогать осторожно, потому что они слишкомъ дороги сердцу русскаго человѣка. На нихъ смотрятъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, какъ на старцевъ, которые въ теченіи многихъ лѣтъ расточали свои благодѣянія на русской землѣ. Съ ними соединены имена людей, которыми мы гордимся. Къ нимъ многія поколѣнія обращаются, какъ къ святилищамъ, изъ которыхъ они вынесли лучшія надежды жизни и самыя завѣтныя воспоминанія молодости. Порвите эту нить, превратите университеты въ публичныя мѣста, въ общественныя каѳедры, тогда изчезнетъ послѣдній отпоръ тому невѣжественному легкомыслію, тому нравственному безначалію, той страсти къ мечтательнымъ нововведеніямъ, по которымъ безъ паруса и кормила носится русская мысль.

Мы рѣшаемся сказать прямо и явно: наши университеты не нуждаются въ радикальномъ преобразованіи. Имъ нуженъ пересмотръ уставовъ, но скорѣе для того, чтобы возвратить имъ должное значеніе, чтобы утвердить ихъ на установленномъ преданіемъ пути, нежели для перестройки ихъ на новый ладъ. Университетамъ нужно не столько преобразованіе, сколько поддержка, а прежде всего нужны осторожность, уваженіе и любовь. Создаваемое сегодня можетъ уноситься завтра. Но того, что пустило въ жизнь глубокіе корни, и принесло многіе полезные плоды, особенно же учрежденій, которыя зиждутся на нравственномъ духѣ, слѣдуетъ касаться не легкою рукою журнальнаго борзописца, а со страхомъ и трепетомъ. Тутъ преобразованія должны совершаться не иначе, какъ по настоятельной необходимости, на основаніи зрѣлаго сужденія и ясно дознаннаго

опыта. Иначе общество лишится всякихъ прочныхъ жизненныхъ основъ.

2.

Въ предыдущей статьѣ мы старались доказать необходимость сохраненія университетовъ въ настоящемъ ихъ видѣ и съ настоящимъ ихъ устройствомъ. Мы считаемъ не безполезнымъ обсудить и другой вопросъ, который теперь въ большомъ ходу, вопросъ о служебныхъ преимуществахъ университетовъ. Не нужно ли ихъ отмѣнить, чтобы сдѣлать изъ университетовъ чисто-учебныя заведенія, а не средства для практическихъ цѣлей? По нашему мнѣнію, это было бы и непрактично и несправедливо.

Прежде всего надобно замѣтить, что, съ уничтоженіемъ разрядовъ, преимущества университетовъ вовсе не велики. Въ 21 годъ получить 12-й классъ, какъ это бываетъ съ большинствомъ студентовъ, — не большой соблазнъ. Но, кромѣ того, служебныя преимущества университетовъ связаны съ цѣлою системой службы и народнаго образованія. Отмѣна ихъ возможна только при отмѣнѣ подобныхъ преимуществъ во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и при уничтоженіи чиновъ.

Чинъ, который дается при поступленіи на службу, означаетъ ту степень служебной іерархіи, съ которой служащій начинаетъ свое восхожденіе по этой лѣствицѣ. Это начало не можетъ быть одинаково для всѣхъ. Оно должно соразмѣряться прежде всего съ способностью человѣка: этого требуетъ не только справедливость, но и самая польза государства. Способность вступающаго на службу можетъ опредѣлиться только степенью его образованія. Поэтому кончившій

курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи никакъ не можетъ быть уравненъ съ тѣмъ, который кончилъ курсъ въ низшемъ, или даже вовсе не проходилъ никакого курса. Если они будутъ поставлены на одну ногу, то первому будетъ оказана несправедливость. Между тѣмъ съ уничтоженіемъ служебныхъ преимуществъ университетовъ вся выгода будетъ на сторонѣ меньшаго образованія. У насъ для восхожденія по чиновной лѣстницѣ требуется долгое время; слѣдовательно, чѣмъ раньше начинать, тѣмъ лучше. Неужели же студентъ будетъ опереженъ своими сверстниками за то, что онъ четыре года учился, вмѣсто того, чтобъ 16-ти лѣтъ поступить на службу совершеннымъ неучемъ? Уничтоженіе служебныхъ преимуществъ университетовъ было бы не чѣмъ инымъ, какъ премiей, данной невѣжеству. Подвигаться на службѣ можно будетъ всѣми путями, кромѣ пути образованія. Легко можетъ статься, что выгоднѣе всего будетъ вступать въ юнкера и потомъ переходить на службу гражданскую. Въ системѣ чиновъ все вяжется одно съ другимъ. Она обнимаетъ всѣ отрасли службы и всѣ учебныя заведенія. Нѣтъ возможности вырвать какую-нибудь одну часть и построить ее на иныхъ основаніяхъ, безъ соображенія со всѣми остальными и безъ измѣненія цѣлой системы.

Кромѣ того, преимущества, которыми пользуется образованіе на службѣ, важны не только для пользы самой службы, но и по нравственному вліянію на общество. Въ послѣднемъ естественно развивается мысль, что правительство считаетъ образованіе дѣломъ важнымъ; всѣ видятъ, что человѣкъ не можетъ иначе пробить себѣ путь, какъ образованіемъ. Эта мысль въ нашемъ обществѣ, значительно погруженномъ еще въ невѣжество, до сихъ поръ оказывалась весьма благодѣтельною. Выгоды службы становились побужденіемъ къ ученью. Едва ли возможно совершенно осудить

этого рода побужденія. Правда, что ученіе дѣлалось черезъ это средствомъ для практическихъ разсчетовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе въ глазахъ общества поднималось нравственно тѣмъ значеніемъ, которое придавалось ему государствомъ. Законы и учрежденія всегда имѣютъ огромное вліяніе на общественное мнѣніе. Прочныхъ успѣховъ можно ожидать только тогда, когда самъ законъ оказываетъ покровительство тому, что полезно само по себѣ.

Въ настоящее время въ русское общество вселилось, повидимому, болѣе безкорыстное стремленіе къ просвѣщенію. Однако и теперь трудно сказать, какое дѣйствіе можетъ произвесть уничтоженіе служебныхъ преимуществъ университетовъ. Мы полагаемъ, что къ этому преобразованію можно приступить только съ крайнею осторожностью. Едва ли государство выиграетъ въ нравственномъ своемъ значеніи, если при этомъ стремленіи русскаго общества къ просвѣщенію, вдругъ будетъ объявлено, что на государственной службѣ образованіе вовсе не считается существеннымъ дѣломъ, и что если молодые люди хотятъ учиться, то они могутъ это дѣлать на собственную свою голову, съ потерею на службѣ противъ своихъ сверстниковъ.

На это возразятъ, что всѣ эти препятствія устранятся, если будутъ установлены особенные служебные экзамены для вступающихъ на службу. Тогда вопросъ сведется къ тому, полезно ли этими экзаменами замѣнить университетскіе? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Служебные экзамены могутъ быть двоякаго рода: общіе и спеціяльные. Первые доставляютъ правительству удостовѣреніе въ томъ, что вступающій на службу имѣетъ достаточное общее образованіе. Таковы экзамены, которые существуютъ въ Англіи. Они учреждены нѣсколько лѣтъ тому назадъ для огражденія гражданской службы отъ наплыва

невѣжества, какъ это очевидно изъ доклада учрежденной съ этою цѣлью парламентской коммиссіи. Недавно еще лордъ Малмсбери утверждалъ, что секретарю министерства иностранныхъ дѣлъ вовсе не нужно знать англійской орѳографіи. Подобные экзамены становятся необходимы, главнымъ образомъ, за отсутствіемъ общей системы учрежденій для народнаго образованія.

Спеціяльные экзамены существуютъ въ Германіи. Они введены вслѣдствіе того, что университетскіе экзамены кажутся недостаточными. Правительство требуетъ отъ служащихъ весьма значительныхъ спеціяльныхъ свѣдѣній по тѣмъ отраслямъ службы, которымъ они себя посвящаютъ. Но вездѣ необходимое условіе испытанія — свидѣтельство, что экзаменующійся прослушалъ извѣстное число университетскихъ курсовъ. Университетское образованіе все-таки должно предшествовать.

Какого же рода служебные экзамены могутъ быть введены у насъ? Очевидно, не послѣдніе. Въ другихъ странахъ можно спорить о томъ, чего слѣдуетъ требовать отъ вступающихъ на службу: спеціяльныхъ ли свѣдѣній, или одного общаго образованія, послѣднее въ томъ предположеніи, что спеціяльныя свѣдѣнія будутъ пріобрѣтаться по мѣрѣ практическаго знакомства съ предметомъ. У насъ этотъ вопросъ не можетъ быть спорнымъ; господствующій уровень образованія исключаетъ возможность требованія спеціяльныхъ свѣдѣній. Единственное, чего можно желать, это то, чтобы на службу вступали люди, имѣющіе достаточное общее образованіе. И этого трудно добиться. Но для этого рѣшительно нѣтъ нужды замѣнять университетскіе экзамены служебными. Какъ было уже замѣчено выше, служебные экзамены этого рода могутъ существовать только въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ нѣтъ общей системы учрежденій

для народнаго образованія. У насъ аттестатъ учебнаго заведенія совершенно можетъ замѣнить всякій служебный экзаменъ. Такъ это дѣлается и во Франціи. Мы полагаемъ даже, что въ этомъ отношеніи университетскій экзаменъ имѣетъ значительныя преимущества передъ служебнымъ.

Прежде всего въ Россіи никто не можетъ поручиться за то, что служебные экзамены будутъ сколько-нибудь серьёзны. Здѣсь все зависитъ отъ людей, а мы слишкомъ хорошо знаемъ по опыту, что на добросовѣстное исполненіе своего долга у насъ нельзя всегда полагаться. Служебные экзамены на чинъ коллежскаго ассессора были введены у насъ въ 1809 году. Цѣль была превосходная, но испытаніе силою вещей обратилось въ пустую формальность. Въ настоящее время даже университетскіе экзамены слишкомъ часто бываютъ неудовлетворительны. Но студентъ, плохо сдавшій свой экзаменъ, все же выноситъ нѣкоторую пользу изъ своего пребыванія въ университетѣ: онъ слушалъ лекціи, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ сферѣ умственныхъ занятій, въ которой главный интересъ — наука. Когда же все дѣло будетъ ограничиваться плохимъ испытаніемъ, то пользы изъ этого не будетъ никакой. Это опять обратится въ пустую форму, чрезъ которую можно будетъ пройдти съ помощью легкаго зубренія, а часто и просто протекціи.

Во избѣжаніе этого можно, пожалуй, требовать, чтобы держащій экзаменъ на службу предварительно прослушалъ нѣсколько университетскихъ курсовъ, какъ это дѣлается въ Германіи. Но возможно ли у насъ подобное требованіе? Очевидно, что служебныя преимущества университетовъ не только не уничтожатся, но значительно увеличатся, если предварительное слушаніе университетскихъ курсовъ будетъ вмѣнено въ обязанность всѣмъ чиновникамъ. Между тѣмъ выгоды отъ новыхъ экзаменовъ не будетъ никакой.

Если испытаніе будетъ производиться изъ тѣхъ же предметовъ, и экзаменовать будутъ тѣ же самые профессора, которые преподаютъ въ университетѣ, то это не болѣе, какъ перенесеніе экзамена изъ одного зданія въ другое. Если же захотятъ экзаменаторами сдѣлать постороннія университету лица, то гдѣ найти людей, спеціяльно знакомыхъ съ науками? Въ губернскихъ городахъ это просто невозможно. И по какой программѣ будутъ производиться испытанія? Въ университетахъ студенты экзаменуются изъ тѣхъ курсовъ, которые читали имъ профессора. Каждый профессоръ знаетъ, что онъ читалъ, а потому знаетъ, что можно спрашивать. Этого рода испытанія безспорно имѣютъ многія неудобства: достаточно выучить лекціи, чтобы блистательнымъ образомъ пройдти университетскій курсъ. Но, по крайней мѣрѣ, здѣсь есть возможность исполнить требованіе. При экзаменѣ посторонними лицами необходимо прибѣгать къ учебнымъ пособіямъ. А гдѣ ихъ найти на русскомъ языкѣ? Положимъ даже, что для этого нарочно будутъ составлены учебники. Прежде всего можно утвердительно сказать, что большая часть изъ нихъ будутъ плохи. Но даже и хорошее пособіе не можетъ замѣнить живаго чтенія лекцій. Профессоръ, который слѣдитъ за наукой, можетъ сообщить слушателямъ множество свѣдѣній и взглядовъ, которыхъ они не найдутъ ни въ какомъ учебникѣ. Между тѣмъ все вниманіе учащихся будетъ устремлено на послѣдній. Онъ будетъ составлять для нихъ настоящую цѣль занятій, тогда какъ на слушаніе лекцій они будутъ смотрѣть, какъ на дѣло весьма второстепенное. Опытъ показываетъ, что мы не слишкомъ должны довѣрять безкорыстной работѣ студентовъ. Въ университетахъ недавно уничтожены переходные экзамены съ перваго курса на второй и съ третьяго на четвертый. Опытъ не показалъ благодѣтельныхъ послѣдствій этой мѣры: повидимому, даже совсѣмъ напротивъ.

Вообще въ дѣлѣ народнаго образованія слѣдуетъ поступать съ крайнею осторожностью. Канцелярскій порядокъ можно измѣнять по произволу. Изъ этого большой бѣды не выйдетъ. Но когда имѣешь дѣло съ нравственными силами, которыя не поддаются произволу, когда нужно соображаться съ духомъ учрежденія, или общества, тогда слѣдуетъ осмотрѣться десять разъ прежде, нежели приступить къ какой-нибудь реформѣ. Въ народномъ просвѣщеніи малѣйшая мѣра можетъ имѣть послѣдствія, за которыми едва можетъ услѣдить даже человѣкъ, близко знающій дѣло. Такъ, наприм., самая, повидимому, незначительная вещь—запрещеніе студентамъ оставаться два года на одномъ курсѣ, лишаетъ университетъ возможности дѣлать строгіе экзамены, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ самое сильное побужденіе къ труду. Въ преобразованіяхъ такого рода нужно, прежде всего, очень близкое знакомство съ дѣломъ. На однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, или на либеральныхъ желаніяхъ, ничего нельзя основать. Тутъ прежде всего надобно знать: каковъ у насъ уровень просвѣщенія? чего можно требовать отъ учащихся? какими мы располагаемъ образовательными средствами? наконецъ, какіе способы дѣйствій, при существующихъ условіяхъ, могутъ принести пользу, или вредъ? Затѣмъ необходима твердая и послѣдовательная система дѣйствій. Шаткость мѣръ производитъ шаткость въ умахъ, а для молодыхъ людей прежде всего нужно постоянство направленія. Тогда они чувствуютъ себя подъ разумнымъ руководствомъ и легко подчиняются этому руководству. Наконецъ прибавимъ, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, дѣло больше въ людяхъ, нежели въ учрежденіяхъ. Это бываетъ вездѣ. Когда извѣстная часть управленія идетъ неудовлетворительно, первое движеніе мысли—требовать перестройки и передѣлки. Составляются

новыя правила, создаются новыя учрежденія, а дѣло идетъ такъ же плохо, какъ и прежде. Отчего? оттого, что люди остались тѣ же.

3.

Г. Костомаровъ правъ, когда говоритъ [1]), что, возражая ему, я имѣлъ въ виду не столько то, что̀ нужно, сколько то, что̀ нужно для русскихъ университетовъ. Я думаю, что не въ газетной полемикѣ можно, какъ слѣдуетъ, обсуждать эти вопросы. Тутъ необходимо серьёзное и основательное изслѣдованіе, изученіе состоянія какъ нашихъ университетовъ, такъ и другихъ, имъ подобныхъ. Я взялся за перо единственно потому, что въ томъ шаткомъ положеніи, въ которомъ мы находимся, при господствующей подвижности общественнаго мнѣнія, вдругъ изъ среды самаго университетскаго сословія раздался голосъ въ пользу уничтоженія настоящаго значенія университетовъ, значенія, которое утвердилось опытомъ вѣковъ и въ другихъ государствахъ, и у насъ. Когда затрогиваются самыя живыя наши привязанности, самые драгоцѣнные намъ интересы, волею или неволею вырывается слово протеста. Если я снова рѣшаюсь возражать г. Костомарову, несмотря на свое отвращеніе отъ безконечныхъ полемикъ, то цѣль моя возстановить истинный смыслъ и значеніе того, что̀ я сказалъ въ первой статьѣ. Читатель не найдетъ здѣсь ничего болѣе.

Г. Костомаровъ замѣтилъ, что я нахожу необходимымъ предоставить юношеству свободу и открыть университетъ для посторонникъ посѣтителей, на сколько это возможно

[1]) Въ статьѣ: «Еще нѣсколько словъ объ университетахъ», въ № 268 «С. Петербургскихъ Вѣдомостей».

безъ нарушенія существеннаго его значенія. Несмотря на то, въ своихъ возраженіяхъ г. Костомаровъ постоянно говоритъ, что не нужно подвергать учащееся юношество обращенію, какъ съ дѣтьми, имѣть за ними надзоръ, какъ за ребенкомъ, чего никто никогда и не утверждалъ. Г. Костомаровъ выводитъ даже изъ моихъ словъ, что если сохранить университеты отдѣльными отъ общества, то ужь лучше упрятать ихъ въ пинскія болота, или муромскіе лѣса. У г. Костомарова нѣтъ середины: или дитя, или зрѣлый мужъ, или твердить урокъ наизусть, или совершенно свободное и публичное преподаваніе, или открыть университеты для всѣхъ и каждаго безъ различія пола, возраста и способностей, или упрятать ихъ въ муромскіе лѣса. Г. Костомаровъ признаетъ однѣ противоположности; переходы для него не существуютъ.

Между тѣмъ, въ дѣлѣ университетовъ именно нужна середина, потому что сама юность составляетъ середину между отрочествомъ и зрѣлымъ возрастомъ, какъ это доказываетъ сознаніе и опытъ всѣхъ временъ и народовъ. Возьмите гражданское законодательство. У насъ, напр., до 17 лѣтъ надъ ребенкомъ существуетъ опека, въ 17 лѣтъ опека снимается, но юноша не прямо становится полноправнымъ гражданиномъ: онъ подчиняется попечительству, пока не достигнетъ совершеннолѣтія, т. е. 21 года. Подобныя постановленія существуютъ во всѣхъ законодательствахъ въ мірѣ. Для юношей учреждены и университеты, которые открываютъ и Европу и Америку. Если бы этотъ возрастъ не существовалъ, то едва ли ему было бы посвящено такое множество заведеній во всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ странахъ. Но для г. Костомарова юношество — *понятіе относительное*. «Юность, говоритъ онъ, можно сравнить съ весною. Что такое весна? Или кончающаяся зима, или

наступающее лѣто. Снѣгъ еще несовсѣмъ сошелъ, видна голая земля — это конецъ зимы; земля покрылась травою, деревья распустились — молодое лѣто. Такъ точно отрочество граничитъ съ зрѣлымъ возрастомъ. Отрокъ нуждается въ руководствѣ; человѣкъ дѣйствуетъ свободно. Начало зрѣлаго возраста есть юность. Послѣдки отрочества заходятъ въ юность, но разнообразно. Одинъ созрѣваетъ ранѣе, другой позже. Одинъ въ 22 года еще ребенокъ, другой 16 лѣтъ развитъ до возможности быть свободнымъ судьею своихъ поступковъ. Притомъ, въ сравненіи съ 80-лѣтнимъ старикомъ, 30-ти-лѣтній еще юноша».

Читатель ожидаетъ опредѣленныхъ мыслей, доказательствъ, ссылки на способы образованія юношества въ различныхъ странахъ; вмѣсто того онъ находитъ пріятное описаніе весны. Къ удивленію оказывается, на перекоръ всѣмъ понятіямъ человѣчества о четырехъ временахъ года, что весна даже вовсе и не существуетъ, потому что имѣетъ несчастіе обрѣтаться между зимою и лѣтомъ. Иной разъ она начинается въ мартѣ, другой разъ — въ апрѣлѣ. Ясно, что это понятіе относительное. Если бы садовникъ вздумалъ руководствоваться описаніемъ г. Костомарова, то онъ, вѣроятно, поморозилъ бы всѣ свои растенія; такъ точно и педагогъ врядъ ли извлечетъ какія бы то ни было данныя для своего дѣла изъ этого отрицанія цѣлаго возраста на томъ основаніи, что для однихъ онъ наступаетъ раньше, а для другихъ позднѣе. За то юноши (можно надѣяться, что не всѣ), безъ сомнѣнія, будутъ польщены, узнавъ, что отрочество прямо граничитъ съ зрѣлымъ возрастомъ, и что отъ нянекъ и гувернеровъ одинъ скачекъ до полной гражданской свободы и полноправія. Можно даже полагать, что г. Костомаровъ употребилъ этотъ оборотъ единственно для того, чтобы доставить удовольствіе молодымъ людямъ. Не-

льзя же предполагать въ почтенномъ профессорѣ невѣдѣнія всемірныхъ явленій, ясныхъ какъ день!

Точно также трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ г. Костомаровъ находитъ различіе между студентами и публикой сбивчивымъ и непонятнымъ. Люди, принадлежащіе къ публикѣ, дѣйствуютъ въ жизни и занимаются наукой на сколько имъ остается времени отъ дѣлъ. Студенты, напротивъ, еще не начинали дѣйствовать, а только *готовятся* къ этому, и приготовленіемъ для нихъ служитъ систематическое изученіе извѣстной области наукъ, которая поэтому составляетъ для нихъ жизненную цѣль и спеціяльное занятіе. Кажется, это ясно, какъ дважды два четыре.

Г. Костомаровъ находитъ несправедливымъ, что студенты считаются еще учениками, когда ихъ сверстники имѣютъ уже самостоятельное положеніе въ жизни. Изъ трехъ молодыхъ людей, вышедшихъ изъ гимназіи, говоритъ онъ, «одинъ идетъ въ военную службу, другой занимается торговлею, третій поступаетъ въ университетъ. Проходятъ 3 года; первый получаетъ уже офицерскій чинъ и *начальствуетъ*, второй женился и сдѣлался домохозяиномъ и отцемъ семейства, оба пользуются правомъ зрѣлаго возраста; только тотъ, кто избралъ себѣ науку, долженъ считаться еще не дозрѣлымъ до этихъ правъ. Стало-быть, одна наука имѣетъ то качество, что занимающійся ею долженъ стоять въ положеніи особомъ отъ другихъ вѣтвей общественной дѣятельности, и это особое положеніе — надзоръ надъ нимъ какъ за ребенкомъ. Не есть ли это остатокъ тѣхъ грубыхъ понятій» и т. д.....

О надзорѣ, какъ за ребенкомъ, какъ уже было объяснено выше, въ университетѣ нѣтъ и рѣчи. Это маленькая гипербола. Университетская жизнь предоставляетъ студентамъ должную свободу и не подвергаетъ ихъ никакому умаленію

гражданскихъ правъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что студентъ долженъ стоять въ положеніи особомъ отъ другихъ вѣтвей общественной дѣятельности, именно потому, что общественная дѣятельность для него еще не начиналась. Это не остатокъ грубыхъ понятій, а самый простой фактъ. Студентъ не можетъ ни начальствовать, ни богатѣть, ни пользоваться преимуществами, сопряженными съ положеніемъ человѣка, который уже основался въ жизни, именно потому, что студентъ не служитъ, не торгуетъ, а учится. Но наука вознаградитъ его сторицею за тѣ жертвы, которыя онъ ей приноситъ, и за тѣ ограниченія, которымъ онъ добровольно себя подвергаетъ. Казалось бы, что преподавателя должна преимущественно поразить эта сторона дѣла, а не первая. Что сказали бы мы объ учителѣ гимназіи, который бы обратился къ своимъ десятилѣтнимъ ученикамъ съ слѣдующею рѣчью: «Вы ходите сюда каждый день, учитесь по 5, по 6 часовъ. Играть васъ не пускаютъ, а насильно посылаютъ въ гимназію. Не придете — васъ наказываютъ, не знаете урока — васъ опять наказываютъ, зашумите въ классѣ — [illegible] наказаніе. А посмотрите-ка: ваши сверстники, крестьянскіе мальчики — вольныя птицы, играютъ себѣ въ бабки и знать никого не хотятъ. А иной уже сидитъ за прилавкомъ и добываетъ деньгу! Нѣтъ, нѣтъ, самъ будетъ приказывать. За что же вы, несчастные, противъ нихъ обижены?» При этомъ учитель гимназіи могъ бы даже сравнить отрочество съ весною, отнести зиму нѣсколько далѣе назадъ, нежели г. Костомаровъ.

Университетъ существуетъ для юношей, которые, предпочитая высшее образованіе непосредственнымъ житейскимъ выгодамъ, или жертвуя ближайшими выгодами болѣе отдаленнымъ, хотятъ докончить свое воспитаніе прежде, нежели изберутъ себѣ извѣстное поприще. Нельзя себѣ представить

лучшаго перехода отъ опеки, которой подвергается отрокъ, къ совершенно свободной жизненной дѣятельности. Нельзя себѣ представить учрежденія, болѣе соотвѣтствующаго потребностямъ этого возраста. Недаромъ оно выросло изъ вѣковаго опыта. Въ университетѣ то удивительно и ничѣмъ не замѣнимо, что онъ дѣйствуетъ на юношей не матеріяльными стѣсненіями, не физическимъ надзоромъ и попеченіемъ, а главнымъ образомъ нравственнымъ своимъ вліяніемъ на стекающуюся въ него молодежь, тою умственною атмосферой, которою онъ ихъ окружаетъ, тѣмъ товарищескимъ духомъ, тѣмъ живымъ общеніемъ между преподавателями и учащимися, которые возникаютъ въ немъ естественно и свободно, не силою казеннаго предписанія, а силою положенія, въ которое поставлены люди. Молодой человѣкъ находитъ здѣсь среду, особенную отъ общественной жизни, но которая не отрѣзываетъ его отъ этой жизни, а потому служитъ лучшимъ къ ней приготовленіемъ. Онъ пользуется свободою, но состоитъ подъ нравственнымъ вліяніемъ корпораціи, которая его имѣетъ въ виду и для него учреждена. Только въ корпораціи возможна эта нравственная сила, этотъ духъ, который свободно и животворно дѣйствуетъ на юношей. Его нѣтъ на площади, или въ публичныхъ мѣстахъ.

Но г. Костомаровъ не признаетъ ни университетскаго товарищества, ни теплой любви къ мѣсту ученія, ни нравственнаго отношенія профессора къ аудиторіи. Для него университетское товарищество ничѣмъ не отличается отъ дружбы, случайно возникшей въ гостинницѣ, за обѣдомъ; любовь къ мѣсту ученія въ его глазахъ не болѣе какъ воспоминаніе о пріятномъ препровожденіи времени. Читаетъ онъ лекціи, по собственному заявленію, совершенно равнодушный къ слушателямъ, заботясь единственно о ясномъ и систематическомъ изложеніи науки.

Могу только пожалѣть о немъ. Г. Костомаровъ изъ своей гимназической и университетской жизни вынесъ, какъ онъ говоритъ, «только воспоминаніе о бездарности, недобросовѣстности, корыстолюбіи и грубости наставниковъ, о невѣжествѣ, умственной лѣни и безнравственности большинства товарищей, да вдобавокъ о той неутѣшительной, нравственно грязной средѣ, въ которой прозябало его воспитаніе и образованіе». Того, на котораго пала такая тяжелая доля, нельзя упрекать за непониманіе духа и за равнодушіе къ значенію тѣхъ учрежденій, которыя наложили на его молодость такую суровую печать. Да, это одно изъ самыхъ грустныхъ явленій въ нашемъ родномъ краю — эта жизненная грязь, которая проникаетъ всюду. Въ грязной средѣ университетъ можетъ сдѣлатся центромъ грубости, лѣни и невѣжества, точно также, какъ съ другой стороны онъ можетъ превратиться въ гнѣздо общественнаго легкомыслія. Растворите только двери настежъ, впускайте всѣхъ безъ экзамена, приглашайте и дамъ и дѣтей, пусть сами преподаватели потеряютъ смыслъ и чутье духа и значенія университетовъ, — тогда передъ нами останутся только развалины того учрежденія, которое могло служить воспитателемъ молодыхъ поколѣній; тогда юношество лишится того нравственнаго пріюта, подъ сѣнью котораго оно могло въ мирной работѣ готовиться на далекій жизненный путь.

По мнѣнію г. Костомарова, я ошибаюсь, полагая, что при публичномъ преподаваніи измѣнится составъ и характеръ аудиторіи. Не могу съ этимъ согласиться. Стоитъ взглянуть на слушателей, которые стекаются на публичныя лекціи, чтобъ убѣдится въ противномъ. При публичномъ преподаваніи, половина аудиторіи популярнаго профессора будетъ наполнена дамами, а допущеніе женщинъ въ университеты есть уже совершенное искаженіе университе-

товъ. Женщины, безъ сомнѣнія, имѣютъ потребность въ образованіи, но для нихъ нужны другія заведенія, нежели для молодыхъ людей. Въ подтвержденіе сошлюсь на всѣ европейскіе университеты.

Если кто-нибудь намъ скажетъ: «Я въ молодости видѣлъ въ своемъ семействѣ однѣ картины нищеты и порока; отецъ мой былъ воръ, мать была пьяница, братъ негодяй. Всѣ мои дѣтскіе годы были отравлены семейною средою. У меня есть друзья, которыхъ я люблю отъ всего сердца; но это люди посторонніе, которыхъ я случайно встрѣчалъ въ обществѣ, въ гостинницахъ, на большихъ дорогахъ. Другихъ связей я не понимаю. Я считаю семейства насильственною рамкою, въ которую втѣсняютъ людей, но которая несовмѣстна съ ихъ свободою. Люди должны сближаться по призванію сердца, а не по животной связи». Мы поймемъ его воззрѣніе, мы уважимъ его скорбное чувство, но мы не станемъ повторять за нимъ, что семейство должо быть уничтожено и что слѣдуетъ замѣнить его свободнымъ общеніемъ между людьми. Университетъ для юношей, въ него вступающихъ, долженъ представлять семейство, а не театръ. Между всѣми его членами должна существовать нравственная связь, которая сильнѣе дѣйствуетъ на молодые умы и служитъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ, нежели физическій надзоръ, наказанія и горькіе уроки жизни.

Вы скажете, что это не болѣе какъ идеалъ. Да, это идеалъ, но идеалъ, къ которому можно и должно приближаться. Надобно поддерживать эту связь, возстановлять ее, когда она нарушена, а не уничтожать ее поспѣшными преобразованіями. Корпорація важна, потому что въ ней существуетъ нравственный духъ, котораго, повторяю, нѣтъ въ гостинницѣ, или на площади, точно также, какъ существуетъ

духъ семейный, который не замѣнится дружескими связями, заключенными за трактирнымъ обѣдомъ.

Мы твердо надѣемся, что такое средневѣковое преобразованіе, какое предлагаетъ г. Костомаровъ, не постигнетъ нашего отечества. Всемірный опытъ слишкомъ громко говоритъ противъ него. Главный вопросъ, который можетъ возникнуть относительно русскихъ университетовъ, касается не превращенія ихъ въ публичныя каѳедры, а самой внутренней ихъ организаціи. Это тотъ вопросъ, который повторяется вездѣ: должна ли въ университетѣ господствовать свобода преподаванія и ученія съ экзаменомъ на степень, какъ это дѣлается въ Германіи, или же должны быть сохранены курсовые экзамены съ обязательнымъ слушаніемъ извѣстныхъ профессоровъ? Трактовать объ этомъ здѣсь не мѣсто. Это вопросъ слишкомъ обширный, который требуетъ подробнаго изслѣдованія и о которомъ могутъ быть весьма различныя мнѣнія. Скажу, что, по моему убѣжденію, первое есть идеалъ, который должно имѣть въ виду; второе — дѣйствительность, которой слѣдуетъ пока придерживаться. У насъ въ университетахъ существуютъ обѣ категоріи въ видѣ студентовъ и вольныхъ слушателей. Опытъ не доказываетъ потребности превратить студентовъ въ вольныхъ слушателей. Пусть и то и другое существуетъ рядомъ. Сама жизнь будетъ служить лучшимъ указаніемъ того, что̀ нужно дѣлать

Въ заключеніе прибавлю, что я никогда не думалъ придавать эпитетъ журнальнаго борзописца ученому, который заявилъ себя серьёзными трудами, и что я писаніе статей въ журналахъ нисколько не считаю унизительнымъ. Я хотѣлъ только сказать, что предлагать въ легкихъ журнальныхъ статейкахъ такія радикальныя преобразованія, въ столь важныхъ вопросахъ, особенно же въ такое время,

когда это можетъ имѣть прямое практическое приложеніе, прилично не ученому, а журнальному борзописцу. Если бы я подъ этою статьею встрѣтилъ подпись какого-нибудь юнаго топтателя мостовой, я нашелъ бы это весьма естественнымъ. Но, признаюсь, я былъ болѣе, нежели удивленъ, встрѣтивъ здѣсь имя г. Костомарова, котораго привыкъ знать съ совершенно другой стороны.

IV.

МѢРА И ГРАНИЦЫ.

Отличительное свойство русскаго ума состоитъ въ отсутствіи понятія о границахъ. Можно подумать, что все необъятное пространство нашего отечества отпечаталось у насъ въ мозгу. Всякое понятіе является намъ въ формѣ безусловной. Для насъ изчезаютъ линіи, которыя отдѣляютъ его отъ смежныхъ съ нимъ областей; мы не постигаемъ ни мѣста, которое оно занимаетъ въ ряду другихъ, ни отношенія его къ тѣмъ понятіямъ, которыя находятся съ нимъ въ соприкосновеніи. Въ этомъ западный человѣкъ имѣетъ передъ нами огромное преимущество. Онъ выработался изъ борьбы разнообразныхъ и разнородныхъ стихій, изъ которыхъ каждая, вошедши въ общую жизнь, отмежевала себѣ принадлежащее ей мѣсто. Оттого русскому человѣку западный часто кажется ограниченнымъ, и дѣйствительно Нѣмецъ, Французъ, Англичанинъ вращаются иногда въ слишкомъ тѣсной средѣ. Но эта ограниченность не что иное, какъ обратная сторона того драгоцѣннаго смысла мѣста, мѣры и границъ, безъ котораго едва возможно жить образованному человѣку, и котораго мы по большей части лишены. У насъ, какъ у восточныхъ народовъ, все расплывается въ безконечность.

Возьмемъ, напримѣръ, понятіе о власти. Оно содержитъ въ себѣ множество видоизмѣненій, изъ которыхъ каждое

имѣетъ значеніе на своемъ мѣстѣ. Одна власть есть верховная въ государствѣ, другая — подчиненная, имѣетъ ограниченныя права и юридически опредѣленный кругъ дѣйствія. Въ самодержавіи вся государственная власть сосредоточивается въ одномъ лицѣ; въ правленіи смѣшанномъ или выборномъ она раздѣляется между нѣсколькими лицами, изъ которыхъ каждое имѣетъ долю верховной власти. Но несовмѣстно съ разумнымъ понятіемъ объ обществѣ представлять себѣ *всякую* власть, сверху до низу, безграничною и безусловною. Между тѣмъ у насъ всякій начальникъ склоненъ считать свою власть таковою. На самый законный отпоръ подчиненныхъ онъ смотритъ, какъ на своеволіе и бунтъ. Съ своей стороны, подчиненные вѣрятъ въ полновластіе начальника; одни покоряются ему безусловно, другіе безусловно его ненавидятъ. Точно также и помѣщикъ держался начала безграничной власти; ему казалось просто нелѣпостью имѣть надъ крестьянами опредѣленныя права. Отсюда всеобщее ополченіе на переходное состояніе. Или все, или ничего; середины не существуетъ.

Съ другой стороны, возьмемъ понятіе о свободѣ. Оно еще болѣе представляется намъ условнымъ. Свобода одного лица ограничивается свободою другихъ; свобода всѣхъ ограничивается дѣятельностью власти. Безъ этихъ ограниченій общежитіе невозможно. Въ какой мѣрѣ они установляются, — это зависитъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій; но, во всякомъ случаѣ, понятіе о свободѣ въ общественной жизни не мыслимо иначе, какъ въ предѣлахъ постановленныхъ закономъ или обычаемъ. Между тѣмъ русскому человѣку и это понятіе представляется безграничнымъ. Русскій либералъ теоретически не признаетъ никакой власти. Онъ хочетъ повиноваться только тому закону, который ему нравится. Самая необходимая дѣятельность государства кажется

ему притѣсненіемъ. Онъ въ иностранномъ городѣ завидитъ на улицѣ полицейскаго чиновника или солдата, и въ немъ кипитъ негодованіе. Русскій либералъ выѣзжаетъ на нѣсколькихъ громкихъ словахъ: свобода, гласность, общественное мнѣніе, сліяніе съ народомъ и т. п., которымъ онъ не знаетъ границъ, и которыя поэтому остаются общими мѣстами, лишенными всякаго существеннаго содержанія. Оттого самыя элементарныя понятія: повиновеніе закону, потребность полиціи, необходимость чиновниковъ кажутся ему порожденіемъ возмутительнаго деспотизма. Этотъ присущій русскому обществу и глубоко коренящійся въ свойствахъ русскаго духа элементъ разгульной свободы, которая не знаетъ себѣ предѣловъ и не признаетъ ничего, кромѣ самой себя, — это именно то, что̀ можно назвать казачествомъ.

Русская исторія представляетъ замѣчательные примѣры этого восточнаго склада русскаго ума, который все понимаетъ подъ формою безусловнаго. Извѣстно, что въ старину бояре и слуги были вольные люди, которые ѣздили отъ одного князя къ другому, предлагая свои услуги, и отъѣзжая, какъ скоро они были недовольны. Тутъ не было ни постоянной связи съ обществомъ, ни постоянныхъ обязанностей. Какъ вольныя птицы, они повиновались только собственному влеченію, не зная надъ собою власти. Съ возникновеніемъ государства, такой порядокъ не могъ продолжаться. Въ концѣ XV вѣка бояре и слуги лишились права отъѣзда и были прикрѣплены къ государственной службѣ. Что̀ же? были ли эти новыя отношенія ограниченіемъ прежней свободы? выработались-ли изъ этого опредѣленныя служебныя отношенія къ князю? Ничуть не бывало. Перемѣнился только уголъ зрѣнія, — и тутъ же, на мѣсто прежняго безусловнаго понятія, явилось другое, столь же безусловное, хотя совершенно противоположное. Вольный боярин̀ сдѣлался

холопомъ. Какъ скоро прекратилась полная свобода, такъ наступило полное рабство.

Почти тоже случилось и съ крестьянами. Переходъ отъ одного землевладѣльца къ другому былъ имъ воспрещенъ. Въ другой странѣ изъ этого сопоставленія двухъ сословій выработались бы опредѣленныя права тѣхъ и другихъ; въ Россіи развилось полновластіе помѣщика. Оно вытекло изъ самой жизни, изъ чисто русскаго воззрѣнія на свойство юридическихъ отношеній. Законодательство большею частью слѣдовало только за обычаемъ.

Обратимся-ли мы къ понятіямъ другаго рода, изъ области административной? Мы увидимъ тоже самое. Первое, что намъ здѣсь представляется, это — централизація. Подъ именемъ централизаціи у насъ понимаютъ... впрочемъ, чего не понимаютъ у насъ подъ именемъ централизаціи? Можно ожидать, что скоро послѣдуетъ формальное обвиненіе на солнце, за то, что оно составляетъ центръ планетной системы! Обыкновенно же подъ этимъ разумѣютъ то, что *всѣ* дѣла разрѣшаются въ центрѣ, а не на мѣстахъ. Никому въ голову не приходитъ, что *всѣ* дѣла никогда не восходятъ къ центру, а только *нѣкоторыя*, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Централизація можетъ не переходить извѣстныхъ предѣловъ, и все-таки будетъ существовать. Еслибы возраженія были направлены только противъ излишней централизаціи, то съ этимъ во многихъ случаяхъ можно было бы охотно согласиться; но они направлены противъ нея безусловно. Изъ того, что не слѣдуетъ для самыхъ пустыхъ дѣлъ ожидать разрѣшенія сверху, выводятъ, что централизація совершенно должна быть уничтожена.

Противоположно централизаціи самоуправленіе. Самоуправленіе—такъ самоуправленіе! Подавайте намъ выборныхъ всюду, — чтобы всѣ дѣла рѣшались міромъ или со-

браніями представителей. Чуть гдѣ появился чиновникъ,— это непослѣдовательность, противъ которой надобно протестовать. Никому опять въ голову не приходитъ, что самоуправленіе и выборное начало хороши на своемъ мѣстѣ, также какъ централизація и правительственное начало на своемъ, что въ администраціи, какъ и въ цѣломъ обществѣ, существуетъ не одинъ элементъ, а разные, — что весь вопросъ заключается здѣсь въ мѣрѣ, въ сочетаніи, въ томъ, чтобы каждому началу дать надлежащее мѣсто и значеніе, сообразно съ существующими условіями и обстоятельствами.

Этотъ безусловный способъ сужденія нерѣдко производитъ въ литературѣ самыя странныя недоразумѣнія. Вы доказываете существованіе извѣстнаго понятія или начала; васъ разумѣютъ такъ, что кромѣ этого начала не существуетъ ничего другаго, что оно въ вашихъ глазахъ исключаетъ или поглощаетъ въ себѣ всѣ остальныя. Иногда приходишь въ недоумѣніе: въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, выразился неясно. Посмотришь: ничуть не бывало! Сказано такъ ясно, какъ только можно говорить человѣческимъ языкомъ. Вы, напр., буквально сказали, что правительство не можетъ дѣлать все, что необходима самостоятельная дѣятельность общества; вы сѣтуете на то, что мы, русскіе, слишкомъ привыкли всего требовать, всего ожидать отъ правительства; а критикъ тутъ же, не запинаясь, утверждаетъ, что, по вашему мнѣнію, все совершается и должно совершаться отъ власти и посредствомъ власти [1]). Въ другой странѣ подобныя сужденія слѣдовало бы приписать безсовѣстности; у насъ это просто размахъ русскаго ума, неумѣніе читать и пони-

[1]) См. передовую статью въ 5-мъ № *Дня*, который можетъ служить образцомъ этого рода критики.

мать то, что̀ мы читаемъ, совершенная неспособность вникнуть въ чужую мысль, вытекающая изъ неспособности опредѣлить свою. Далѣе вы говорите, что государство не можетъ строиться на одной юридической теоріи, на однихъ отвлеченныхъ началахъ; вы посвящаете цѣлый отдѣлъ науки ученію о вліяніи жизненныхъ условій на государство, вы за вѣнецъ политическихъ наукъ выдаете политику, т. е. ученіе о приспособленіи государственныхъ началъ къ разнообразнымъ условіямъ жизни: вамъ отвѣчаютъ, что вы жизнь совершенно отрицаете и признаете, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ мертваго государственнаго механизма. Вы говорите о повиновеніи закону, какъ объ основномъ юридическомъ началѣ, безъ котораго не можетъ существовать никакое общество, что̀ само по себѣ очевидно: вамъ возражаютъ, что ученому юристу до повиновенія закону дѣла нѣтъ, что юристъ не оффиціяльный блюститель правосудія, а законъ не есть непреложная истина или непогрѣшимое изреченіе оракула, неподверженное измѣненіямъ, съ чѣмъ вы, разумѣется, заранѣе согласны. При этомъ происходятъ гвалтъ и остервенѣніе. Сама Пруссія отказывается отъ вашихъ теорій, а русскіе чиновники обижаются тѣмъ, что вы хотите отягощать ими народъ. (У насъ чиновники стали такими прогрессистами, что такъ и рвутся къ самоуничтоженію!) Между тѣмъ вы, въ невинности сердца, не строили никакихъ теорій и никогда не предлагали держать лишнее количество чиновниковъ.

Откуда же все это происходитъ? отчего противъ васъ поднимается вопль въ извѣстномъ разрядѣ журналистики? Оттого, что вы имѣли неосторожность или дерзость произнести нѣкоторыя слова, которыя возбуждаютъ колеръ въ либеральныхъ дѣтяхъ: государство, законъ, чиновникъ, централизація. Мало того; вы даже не произносили слова:

централизація, но подозрѣваютъ, что вы *могли* его произнести. Этого довольно: либеральныя дѣти больше ничего не видятъ; зажмуривъ глаза и закусивъ удила, они стремглавъ кидаются впередъ и побѣдоносно низпровергаютъ вѣтряныя мельницы.

А между тѣмъ, если мы не выучимся читать и понимать то, что̀ читаемъ, если всякое понятіе будетъ расплываться у насъ въ умѣ, если мы не съумѣемъ давать ему опредѣленныя очертанія и ставить его на принадлежащее ему мѣсто въ ряду другихъ, если мы не убѣдимся наконецъ въ томъ, что общественная жизнь слагается не изъ одного куска, а изъ разнообразныхъ стихій, изъ которыхъ каждая должна имѣть свое мѣсто и значеніе въ цѣломъ, то не выбиться намъ на разумный путь. Чувство мѣры и границъ— вотъ что̀ потребно просвѣщенному обществу. Гдѣ лежатъ эти границы, какова должна быть мѣра въ сочетаніи различныхъ общественныхъ стихій, — это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется различно. Каждый народъ имѣетъ свой духъ, свои жизненныя условія, свое строеніе, которое вырабатывается и измѣняется исторически. Общественное мнѣніе должно носить въ себѣ сознаніе этихъ условій. Оно тогда только можетъ получить вліяніе на ходъ дѣлъ, когда оно не будетъ пробавляться общими мѣстами, ликовать при звукѣ извѣстныхъ фразъ и пугаться другихъ, — когда оно въ своихъ требованіяхъ не будетъ заходить далеко за предѣлы того, что̀ въ данное время по силамъ народу, но съумѣетъ держаться въ границахъ примѣнимаго и полезнаго.

Съ своей стороны, разумная власть, не упуская изъ рукъ необходимой для общественнаго порядка силы, должна себя умѣрять, чтобы дать просторъ другимъ общественнымъ стихіямъ, безъ которыхъ невозможно просвѣщенное общежитіе. Чѣмъ власть безпредѣльнѣе въ своихъ правахъ, тѣмъ

легче подвергается она искушенію преувеличивать собственное начало, тѣмъ необходимѣе для нея разумное воздержаніе.

Только при такихъ условіяхъ, при взаимномъ воздержаніи и при взаимномъ уваженіи, возможно у насъ мирное и правильное развитіе общества. Если же вопросъ будетъ поставленъ не между мѣрою и безмѣрностью, а между казачествомъ и кнутомъ, тогда нѣтъ мѣста разумному порядку въ нашемъ отечествѣ.

V.

РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО.

1.

Освобожденіе крестьянъ вызвало множество вопросовъ, которые неотразимо просятся на мысль. Одинъ изъ первыхъ есть вопросъ о положеніи или даже о существованіи дворянства. До сихъ поръ главнымъ отличительнымъ признакомъ, отдѣлявшимъ дворянство отъ другихъ сословій, было крѣпостное право. Теперь крѣпостное право уничтожается; что же должно статься съ дворянстомъ?

Самая обиходная либеральная мысль, — это то, что съ отмѣною крѣпостнаго права должно быть уничтожено и дворянство. Не нужно долго рыться въ своемъ умѣ, чтобы напасть на это общее мѣсто либерализма. На Западѣ оно давно рыскаетъ по улицамъ и вошло въ составъ самыхъ элементарныхъ убѣжденій каждаго демократа и большей части либераловъ. Оттуда оно перешло и къ намъ; ему, волею или неволею, поддаются самые злые враги западныхъ идей. Въ настоящую минуту это мнѣніе въ большой модѣ. Нѣкоторые предлагаютъ даже уничтожить дворянство немедленно, въ нынѣшнемъ же году.

На послѣднемъ останавливаться нечего. Воображать, что крѣпостной вопросъ порѣшенъ изданіемъ «Положенія», и что

сословіе, которое существовало непоколебимо въ продолженіи многихъ вѣковъ, можетъ изчезнуть въ одно прекрасное утро, это — совершенное дѣтство политической мысли. Но вопросъ о сохраненіи или уничтоженіи дворянства, какъ сословія, самъ по себѣ имѣетъ существенную важность. Только рѣшеніе его должно быть различно, смотря по тому, разсматривается ли онъ отвлеченно, или въ приложеніи къ той или другой странѣ. Если насъ спросятъ: нужно ли дворянство въ идеальномъ государствѣ, или, пожалуй, во Франціи или въ Сѣверной Америкѣ? то мы отвѣтимъ: нѣтъ. Но если спросятъ: полезно-ли сохранить дворянство въ настоящее время въ Россіи? мы рѣшительно скажемъ: да.

Прежде всего намъ представляется тотъ фактъ, что дворянство существуетъ, и что уничтожать его нѣтъ пока никакой нужды. Ниспровергать вѣковыя учрежденія, когда жизнь не требуетъ того настоятельнымъ образомъ, это — политическое легкомысліе, которое дорого обходится народу. Притомъ, здѣсь могутъ встрѣтиться значительныя затрудненія. Дворянство современно русскому государству. Оно имѣетъ свои преданія, свои чувства, свои предразсудки, которые сложились вѣками, которые вытекли изъ всей русской исторіи. Все это, съ отмѣною крѣпостнаго права, не можетъ внезапно изчезнуть; а въ государственной жизни этими элементами пренебрегать невозможно. Нѣтъ ничего легче, какъ написать статейку объ уничтоженіи дворянства; но государственному человѣку, которому приходится приводить это въ исполненіе, нужны весьма настоятельныя политическія соображенія, чтобы покончить съ первымъ сословіемъ въ имперіи. Такихъ соображеній у насъ не представляется; практическая жизнь подобной мѣры не требуетъ. А что само дворянство принесетъ себя въ жертву отвлеченнымъ либеральнымъ идеямъ, когда нѣтъ неотразимыхъ со-

бытій на то понуждающихъ, объ этомъ можно мечтать на подобіе Манилова, но серьёзно объ этомъ говорить непозволительно.

Дворянство не одними правами отдѣлено отъ другихъ сословій, но и цѣлымъ строемъ жизни. Обычай устанавливаетъ между дворянскимъ обществомъ и купеческимъ или крестьянскимъ несравненно болѣе широкое разстояніе, нежели законъ. Разумѣется, есть многія исключенія; къ счастью, эти исключенія съ каждымъ днемъ становятся многочисленнѣе. Жизнь явно идетъ къ сближенію сословій. Но въ настоящее время господствующій типъ есть раздѣленіе, и это раздѣленіе основано не на однихъ предразсудкахъ, а имѣетъ гораздо болѣе глубокіе корни. Дворянство, преимущественно передъ другими сословіями, приняло европейское образованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ усвоило себѣ новые нравы, обычаи, образъ жизни, воззрѣнія, интересы. Въ прежнія времена, изъ другихъ сословій всякій, кто получалъ европейское образованіе, рано или поздно возводился въ дворянство. Много ли было существеннаго въ этомъ образованіи, — это другой вопросъ, о которомъ здѣсь излишне распространяться. Очевидный фактъ тотъ, что оно вызвало цѣлый міръ новыхъ общественныхъ отношеній и создало совершенно особенную общественную жизнь, къ которой слишкомъ еще мало причастно наше купечество и вовсе не причастно крестьянство. Это особенно замѣтно въ провинціяхъ. Какъ единственное, можно сказать, образованное сословіе въ имперіи, дворянство естественно становится поодаль отъ другихъ и занимаетъ особенное, возвышенное положеніе въ обществѣ и государствѣ.

Этого мало. Дворянство, сверхъ того, единственное сословіе въ Россіи, которое имѣетъ какое-нибудь сознаніе своихъ правъ. Это сознаніе выработалось у него историче-

ски. Дворянство издавна чувствовало себя первымъ сословіемъ государства, первою опорою престола, какъ сказано въ нашихъ законахъ; оно владѣло 20 милліонами крѣпостныхъ людей, которыми распоряжалось самовольно; оно въ губерніяхъ играло и играетъ первенствующую роль; дворянинъ считалъ себя безконечно выше другихъ сословій. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому примѣшивались грубые предразсудки, что дворянинъ сознаніе своихъ правъ доводилъ до самаго дикаго произвола, точно также какъ, съ другой стороны, онъ нерѣдко унижался до полнаго раболѣпства; нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право налагало на дворянство печать безнравственности, и во многихъ отношеніяхъ было для него болѣе ярмомъ, нежели привиллегіей; но несомнѣнно и то, что изъ этого положенія развилось въ дворянствѣ такое сознаніе правъ, какого нѣтъ въ другихъ сословіяхъ. А это, въ соединеніи съ образованіемъ, дѣлаетъ дворянство единственнымъ возможнымъ политическимъ дѣятелемъ въ Россіи. Въ немъ одномъ есть зародыши политической жизни. Если все въ государствѣ, сверху до низу, не должно быть возложено на одно правительство, если общественныя силы должны быть призваны къ участію въ политической жизни, то имѣть такого дѣятеля — дѣло первостепенной важности, какъ для правительства, такъ и для народа; а чѣмъ менѣе распространенъ въ обществѣ политическій смыслъ, чѣмъ менѣе людей, способныхъ къ общественной дѣятельности, тѣмъ необходимѣе, чтобы они соединялись въ одно организованное тѣло, проникнутое общимъ духомъ, носящее въ себѣ преданія и сознающее свою честь и свои права.

Правда, можно опасаться, чтобы такое тѣло, пользуясь своимъ положеніемъ, не стало употреблять предоставленныя ему права въ пользу частныхъ своихъ интересовъ, въ ущербъ другимъ. Особенно въ настоящую минуту дворян-

ство раздражено; оно находится въ переходномъ, состояніи и не успѣло еще освоиться съ новымъ своимъ положеніемъ. Естественно, что въ такое время у него на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ сословный, а не общій государственный интересъ. Но дѣло высшей власти удерживать каждое сословіе на своемъ мѣстѣ, не допускать расширенія сословныхъ правъ съ нарушеніемъ справедливости и общественной пользы, сохранять между всѣми должное равновѣсіе, удовлетворять только тѣмъ требованіямъ, которыя разумны и исполнимы. Дворянство, какъ сословіе, не должно быть поставлено во главѣ государства, но, сдержанное высшею властью, оно можетъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ полезныхъ политическихъ элементовъ въ Россіи; оно можетъ стать вмѣстѣ и опорою престола и защитникомъ свободы.

Наконецъ, нельзя упустить изъ вида, что дворянство въ настоящее время имѣетъ права и интересы, прямо противоположные интересамъ другихъ сословій, именно крестьянъ. Крѣпостной вопросъ далеко еще не рѣшенъ. Пока существуютъ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, пока не совершится окончательный выкупъ, — дворяне и крестьяне неизбѣжно остаются въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ; а выкупъ можетъ быть покончетъ только въ теченіи неопредѣленнаго періода времени, да и не желательно, чтобы онъ былъ покончетъ вдругъ. Обязательный оброкъ, разверстаніе угодій, взысканіе повинностей, сумма выкупа, — вотъ для дворянства самые животрепещущіе современные вопросы, въ которыхъ оно не можетъ не имѣть своего особеннаго, сословнаго интереса. Поэтому теперь не можетъ быть и рѣчи о сліяніи дворянства съ крестьянами. Надобно потерять всякій практическій смыслъ, надобно закрыть глаза на самыя простыя жизненныя явле-

нія, которыя происходятъ у насъ подъ носомъ, чтобы предъявлять подобныя требованія.

Но даже и по прекращеніи обязательныхъ отношеній долго еще не предвидится возможности сліянія обоихъ сословій. Дворянинъ останется во многихъ случаяхъ единственнымъ крупнымъ землевладѣльцемъ среди общины бывшихъ своихъ крѣпостныхъ. Въ какое отношеніе станетъ онъ къ ней? Сдѣлается ли онъ равноправнымъ членомъ общины или станетъ въ положеніе исключительное? Въ послѣднемъ случаѣ онъ сохранитъ сословный характеръ. А между тѣмъ, на первыхъ порахъ, это неизбѣжно. Дворянинъ не можетъ ни участвовать въ мірскомъ надѣлѣ, ни подлежать мірской раскладкѣ, ни подчиняться крестьянскому суду. Въ Германіи вопросъ о соединеніи въ одной общинѣ крупнаго землевладѣльца со множествомъ мелкихъ до сихъ поръ представляетъ безчисленныя трудности. Къ экономическимъ препятствіямъ присоединяются и различіе общественнаго положенія, и старыя отношенія, и даже предразсудки, съ которыми на дѣлѣ справиться не такъ легко, какъ на бумагѣ. У насъ этотъ вопросъ осложняется еще общиннымъ землевладѣніемъ, которое ставитъ личнаго землевладѣльца въ совершенно особую категорію. Мы даже еще и не знаемъ, что̀ изъ этого можетъ выдти, ка̀къ устроится наша сельская община. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ проповѣдывать сліяніе съ народомъ; но это значитъ замѣнять естественное теченіе жизни и правильное развитіе гражданскихъ отношеній либеральными общими фразами.

По всѣмъ изложеннымъ причинамъ, мы думаемъ, что въ настоящее время въ Россіи дворянство, какъ сословіе, не можетъ и не должно быть уничтожено. Мы даже убѣждены, что, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, это вопросъ совершенно пустой. Онъ серьёзнымъ образомъ можетъ возни-

кнуть только тогда, когда у насъ разовьется среднее сословіе, образованное, богатое и нравственно и матеріяльно, — сословіе, которое не будетъ отдѣлено отъ дворянства цѣлою бездной, какъ въ настоящее время, но будетъ сливаться съ нимъ въ общую массу образованнаго общества. Вездѣ, гдѣ вопросъ шелъ объ уничтоженіи дворянства, онъ поднимался такимъ образомъ, по требованію средняго сословія, и иначе онъ на практикѣ возникнуть не можетъ, потому что политическое значеніе дворянства должно быть замѣнено чѣмъ-нибудь другимъ. На мѣсто существующей общественной организаціи надобно поставить новую, и притомъ организацію, имѣющую крѣпкія основанія. Надобно, чтобы существовала какая-нибудь разумная сила, на которую можно надѣяться и опереться. Просто же уничтожить дворянство, распустить его въ общей массѣ народонаселенія или въ земствѣ, по выраженію любящихъ играть въ до-петровскіе термины, это просто не мыслимо для всякаго человѣка, который имѣетъ малѣйшее понятіе о политическихъ дѣлахъ. Юридическая раздѣльность сословій уничтожается тогда, когда преобладающее значеніе получаетъ среднее сословіе, которое, соединяя собою крайности политическаго и общественнаго положенія, служитъ лучшимъ цементомъ для общества и самою надежною опорою государства. Съ крѣпкимъ и образованнымъ среднимъ сословіемъ, изъ какихъ бы впрочемъ стихій оно ни слагалось, является политическая сила, при которой возможны и общественное единство и разумная государственная жизнь. Это доказывается исторіею всѣхъ образованныхъ народовъ, и древнихъ, и новыхъ; это сознавали величайшіе политическіе мыслители древняго міра. Это не можетъ не повториться и у насъ, потому что это вѣчный законъ развитія человѣческихъ обществъ. Но образованіе средняго сословія, имѣющаго внутреннюю самостоятельность,

просвѣщеннаго, богатаго политическою мыслью, могущаго получить политическій вѣсъ и значеніе въ государствѣ, — дѣло времени. Мы даже не предвидимъ, какъ и когда это можетъ у насъ совершиться; а потому мы должны довольствоваться тѣми элементами, которые у насъ есть. Наше дворянство въ настоящее время — единственное сословіе, которое имѣетъ образованіе и политическій духъ. Съ нимъ намъ и слѣдуетъ жить. Мы надѣемся, что оно окажетъ еще не одну услугу русской землѣ.

Что касается до крестьянъ, то они безспорно составляютъ самое крѣпкое основаніе государственнаго могущества и національнаго единства. Это — первобытная народная сила, которая, въ нормальномъ положеніи, при разумномъ руководствѣ, всегда готова стоять за основныя начала общественной жизни. Благосостояніе крестьянъ должно быть однимъ изъ главныхъ предметовъ заботы правительства. Но воображать, что крестьяне могутъ быть мыслящею и дѣятельною частью государства, что мы можемъ отъ нихъ заимствовать гражданскія начала и политическія мысли, — это опять литературная фантазія, о которой не можетъ быть рѣчи, когда дѣло идетъ о государственныхъ вопросахъ. Здравый смыслъ не позволяетъ объ этомъ распространяться.

Говоря о сохраненіи дворянства, какъ отдѣльнаго сословія, мы не хотимъ однако сказать, что положеніе его не должно измѣниться. Съ крѣпостнымъ правомъ рушилась одна изъ самыхъ существенныхъ его опоръ. Съ этимъ вмѣстѣ возникаетъ вопросъ: должно ли дворянство остаться тѣмъ, чѣмъ оно было доселѣ, или даже еще болѣе замкнуться въ себѣ, или же должно оно превратиться въ сословіе землевладѣльцевъ, или, наконецъ, существуетъ нѣчто среднее, чего слѣдуетъ желать?

Объ этомъ мы поговоримъ въ другой статьѣ.

2.

Русское дворянство, также какъ и западное, вышло изъ дружины: и то и другое одинаково сложились въ сословіе военное и землевладѣльческое. Съ развитіемъ государства, къ этому присоединилось дворянство, возникшее изъ гражданской службы. Во Франціи оно называлось noblesse de robe; у насъ дьяки заняли мѣсто въ ряду чиновъ, на которые раздѣлялись служилые люди. Однако военное значеніе осталось преобладающимъ. Поэтому, со времени табели о рангахъ, потомственное дворянство давалось 8-мъ классомъ въ гражданской службѣ, тогда какъ въ военной оно пріобрѣталось первымъ оберъ-офицерскимъ чиномъ. По оба дворянства: гражданское и военное соединялись въ одно потомственное сословіе, которое слагалось изъ двухъ началъ: служебнаго и землевладѣльческаго. Службою дворянство пріобрѣтало значеніе политическое, которое ставило его на первое мѣсто въ ряду сословій; земельная собственность, съ которою соединялось крѣпостное право, давала ему матеріяльную основу въ общественной жизни.

Но служба, какъ она сложилась въ Россіи, обращала дворянство въ сословіе совершенно крѣпостное. Дворяне, съ раннихъ лѣтъ, высылались на смотръ, обучались насильно, назначались на службу противъ воли, и не могли выходить въ отставку; однимъ словомъ, — состояли въ полномъ и вѣчномъ распоряженіи правительства. Здѣсь не было мѣста для независимости, безъ которой невозможно истинно политическое значеніе въ государствѣ. Эту независимость дворянство получило жалованными грамотами Петра III-го и Екатерины II й. Оно было освобождено отъ обязательной службы; оно пріобрѣло право полной собственности на

помѣстныя земли, которыя прежде раздавались въ видѣ жалованья; наконецъ, ему дарованы были значительныя выборныя права.

Съ этихъ поръ дворянство стало сословіемъ политическимъ, независимымъ по своему положенію, и по собственному праву принимающимъ участіе въ дѣлахъ государства. Дворянинъ уже не высылался на службу; но онъ считалъ честью и обязанностію хотя нѣсколько лѣтъ прослужить царю и отечеству. Служба и хозяйство, — вотъ почти единственныя его занятія до сихъ поръ. Дворянство предводительствовало войсками, занимало высшія мѣста въ гражданскомъ управленіи и, въ свою очередь, пополнялось всѣми, кто восходилъ по чиновной лѣстницѣ. Когда же дворянинъ выходилъ въ отставку, онъ, относительно своихъ крѣпостныхъ, оставался прирожденнымъ носителемъ государственной власти: на него было возложено все управленіе крестьянами. Однимъ словомъ, положеніе дворянства было независимое и первенствующее. Въ каждой губерніи образовался союзъ людей, соединенныхъ въ одно тѣло, проникнутыхъ общимъ духомъ, имѣющихъ общіе интересы, заправляющихъ значительною частью мѣстныхъ дѣлъ, обладающихъ мѣстнымъ вліяніемъ, и эти частные союзы сливались въ одно государственное сословіе, которое стояло во главѣ народа и, подчиняясь верховной власти, сосредоточивало въ своихъ рукахъ значительнѣйшія дѣла государства.

Получивши независимое отъ службы положеніе, дворянство должно было рано или поздно отдѣлиться отъ собственно служебнаго сословія. Государству нужны были чиновники, вполнѣ посвящающіе себя службѣ. Съ развитіемъ и умноженіемъ государственныхъ потребностей, они были вдвойнѣ необходимы. И вотъ, помимо дворянства, образуется бюрократія, въ которую входятъ люди всѣхъ званій,

получившіе извѣстное образованіе. Значеніе обоихъ сословій было неодинаково: дворянство состояло изъ независимыхъ, потомственныхъ землевладѣльцевъ, съ политическимъ положеніемъ въ государствѣ; чиновничество — изъ людей, исключительно посвящавшихъ себя службѣ. Нужно было постановить грань между ними. Эта грань была положена возвышеніемъ чиновъ, дающихъ потомственное дворянство. Отнынѣ чиновникъ могъ сдѣлаться потомственнымъ дворяниномъ, только вступая въ ряды высшихъ служителей государства. Дворянство осталось сословіемъ, открытымъ для службы; но оно пополняется уже не массою людей, работающихъ въ департаментахъ и канцеляріяхъ, а только тѣми, которые, по своему чину, могутъ имѣть дѣйствительный политическій вѣсъ.

Таково было положеніе, которое было создано для дворянства Екатериною и ея преемниками. Что положеніе это, при данныхъ условіяхъ, было нормально и вполнѣ приходилось къ тогдашнему состоянію Россіи, доказывается тѣмъ, что, въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія, дворянство стояло непоколебимо на этихъ основахъ. Во все это время не было ни шаткости, ни вопроса, ни даже тѣни сомнѣнія относительно его правъ и его положенія. Всякій, кому знакомъ провинціяльный бытъ, какъ онъ сохранялся еще 10 или 15 лѣтъ тому назадъ, кто испыталъ на себѣ вліяніе этой среды, знаетъ, что это была жизнь, которая не давала ни утонченнаго образованія, ни живыхъ интересовъ, ни даже значительнаго благосостоянія, но жизнь здоровая, могучая, — жизнь, которая, вполнѣ приходилась по русскому складу и по русскимъ привычкамъ. И Россія во весь этотъ періодъ росла и расширялась, опираясь на эту организацію.

Несмотря на то, въ положеніи дворянства была слабая сторона. Какими бы практическими потребностями ни вы-

зывалось это устройство, какъ бы оно въ свое время ни было полезно Россіи, — несомнѣнно то, что относительно другихъ сословій не была соблюдена справедливость. Крѣпостное право было дано дворянству для поддержанія его на службѣ: вѣчная служба дворянъ государству повлекла за собою вѣчную службу крестьянъ помѣщику. Но со второй половины XVIII вѣка дворянство было освобождено отъ обязательной службы, а крестьяне остались крѣпостными. Очевидно, что, рано или поздно, жалованная дворянская грамота должна была повести за собою жалованную грамоту крестьянамъ. Эта грамота была дана, когда самое теченіе жизни вызвало необходимость освобожденія. Силою изданнаго въ прошедшемъ году «Положенія», крестьяне выходятъ изъ крѣпостной зависимости. Съ этимъ вмѣстѣ измѣняется и положеніе дворянства.

Отъ дворянства отходитъ около половины земли, которою оно владѣло; отходитъ власть надъ 23 милліонами людей; отходитъ, наконецъ, монополія личной земельной собственности, которая до сихъ поръ держалась помощью крѣпостныхъ. Явятся соперники, покупатели, которые силою капитала отвлекутъ отъ дворянства еще бо́льшую массу земель. Рядомъ съ дворянскою собственностью образуется другая, которая будетъ имѣть и матеріяльное вліяніе на окружающую среду и притязаніе на общественное значеніе. Однимъ словомъ, весьма существенная часть матеріяльной опоры дворянства рушилась. Между тѣмъ, не только собственная выгода, но и польза отечества требуютъ, чтобы оно осталось отдѣльнымъ сословіемъ. Въ силу чувства самосохраненія, также какъ изъ политическихъ видовъ, оно должно стараться удержать свой политическій вѣсъ и свое положеніе. Гдѣ же искать ему новыхъ гарантій? Какъ утвердить поколебленное зданіе?

Естественно, что привилегированное сословіе, когда падаетъ застава, отдѣляющая его отъ другихъ, стремится возстановить эту грань въ другомъ видѣ, можетъ-быть еще болѣе рѣзкомъ, чтобы тѣмъ вознаградить себя за потерю. Между нашими дворянами существуетъ мысль, что обезпечить свое положеніе можно не иначе, какъ заперевъ себя со всѣхъ сторонъ: надобно, чтобы дворянству предоставлено было право допускать въ свою среду членовъ другихъ сословій не иначе, какъ по балотировкѣ.

Мысль самая гибельная. Она не только не упрочитъ дворянства, но поставитъ его въ совершенно ложное положеніе. Раздѣльность сословій вовсе не есть замкнутость. Можетъ существовать сословіе открытое, въ которое каждый имѣетъ право вступать, при соблюденіи извѣстныхъ условій, болѣе или менѣе строгихъ. Таково было наше дворянство до сихъ поръ, относительно служащихъ. Но если сословіе само себя пополняетъ, оно черезъ это самое становится закрытымъ; свободнаго доступа въ него нѣтъ. Между тѣмъ въ каждомъ сословіи самая опасная для него и самая вредная для народа сторона его существованія состоитъ именно въ замкнутости сословнаго духа и въ исключительномъ положеніи относительно другихъ.

Замкнутое сословіе неизбѣжно отрѣшается отъ общей государственной жизни; оно развиваетъ въ себѣ свой особенный духъ и болѣе дорожитъ своими привилегіями, нежели общими интересами отечества. Замкнутое сословіе перестаетъ быть полезнымъ членомъ цѣлаго организма; оно становится чуждымъ наростомъ, если не положительно вреднымъ, то по крайней мѣрѣ стѣснительнымъ. Дворянство, въ особенности, какъ сословіе стоящее во главѣ другихъ, должно носить въ себѣ духъ политическій, а не сословный. Оно тѣмъ полезнѣе для государства, чѣмъ болѣе оно устремля-

етъ свое вниманіе и свою дѣятельность на общіе интересы отечества, а не на частныя свои выгоды. Но политическій духъ можетъ образоваться только въ сословіи открытомъ, которое не чувствуетъ себя совершенно выдѣленнымъ изъ народа, и постоянно обновляется приливомъ новыхъ силъ.

Съ другой стороны, рѣзкая граница отдѣляющая привилегированное сословіе отъ другихъ, порождаетъ ненависть, зависть и взаимную вражду сословій. При неизбѣжно возникающемъ отсюда раздраженіи, главный интересъ дворянства обратится не на существенныя его права, не на пользу отечества, а на привилегіи, т. е. на самую слабую его сторону. Дворянинъ будетъ полагать свою честь не столько въ томъ, чтобы стать полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ и служителемъ государства, сколько въ томъ, чтобы величаться своими преимуществами передъ другими. Низшія сословія, съ своей стороны, будутъ видѣть въ дворянствѣ не вожатая народа, не перваго слугу отечества, а собраніе людей съ исключительнымъ духомъ, съ незаслуженными привилегіями, людей, препятствующихъ общему уравненію правъ, и отъ которыхъ поэтому надобно скорѣе отдѣлаться.

Восполненіе себя посредствомъ выбора можетъ быть предоставлено частному обществу или корпораціи, имѣющей спеціяльную цѣль. Но значеніе дворянства не частное, не спеціяльное, а государственное. Свои права, свое первенствующее политическое положеніе оно получаетъ отъ государства и для пользы государства. Поэтому одинъ законъ или верховная власть могутъ опредѣлить условія для вступленія въ дворянство. Предоставить ему самому право восполнять себя новыми членами значитъ отнять у него государственный характеръ и обратить его въ союзъ частныхъ интересовъ. Не надобно притомъ забывать, что дворянство,

какъ первое сословіе въ государствѣ, есть дворянство всероссійское, а не тульское или рязанское. На какомъ же основаніи тульское или рязанское дворянство будетъ возводить въ достоинство русскаго дворянина? Очевидно, что, съ подобнымъ правомъ, дворянство перестанетъ быть цѣльнымъ сословіемъ и раздробится на представительство мѣстныхъ интересовъ.

Посмотримъ, съ другой стороны, на лица, которыя могутъ быть допущены въ дворянство, посредствомъ избранія. Эти лица суть или высшіе сановники государства, которые въ настоящее время становятся дворянами по праву чина, или люди ознаменовавшіе себя заслугами на какомъ бы то ни было общественномъ поприщѣ, или, наконецъ, мѣстные землевладѣльцы. Во всѣхъ трехъ случаяхъ предоставленіе дворянству права выбора будетъ имѣть положительно вредныя послѣдствія.

Высшіе сановники государства должны, по праву, быть членами дворянскаго сословія. Если дворянство хочетъ сохранять свое первенствующее политическое положеніе, то для него дѣло первостепенной важности имѣть въ своей средѣ тѣ лица, которыя обладаютъ наибольшимъ политическимъ вѣсомъ, и въ рукахъ которыхъ сосредоточивается правительственная власть. Доступъ ихъ въ дворянство не долженъ быть дѣломъ произвола, а долженъ вытекать изъ самаго существа пріобрѣтеннаго ими положенія. Самое мѣсто, дающее политическій вѣсъ, должно быть дворянское. Всякая грань, отдѣляющая дворянство отъ высшей политической жизни, можетъ быть только вредною для него. Какъ скоро изчезнетъ правило, что высшіе сановники государства—дворяне по праву своего чина или своего званія, такъ дворянство низойдетъ на низшую ступень въ политической организаціи.

Что касается до лицъ, которыя ознаменовали себя чѣмъ бы то ни было на различныхъ общественныхъ поприщахъ, то, относительно ихъ, избраніе потому неумѣстно, что они вовсе не должны принадлежать къ дворянству. Они, по существу своему, должны составлять цвѣтъ и красоту средняго сословія. Наше среднее сословіе не довольно богато силами, чтобъ отнимать у него эти. Напротивъ, надобно стараться придать ему какъ можно болѣе крѣпости. Среднее сословіе, состоящее изъ нынѣшнихъ личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ, могло бы составить почтенное зерно, изъ котораго со временемъ выработался бы тотъ связующій общественный элементъ, котораго намъ нынѣ не достаетъ. Дворянству, безъ сомнѣнія, выгодно подкрѣпить себя лучшими людьми по всѣмъ отраслямъ дѣятельности; но оно не должно вытягивать всѣ соки изъ другихъ сословій.

Наконецъ, крупные мѣстные землевладѣльцы ближе всего подойдутъ къ дворянству, по своему положенію и по своимъ мѣстнымъ интересамъ. Земельная собственность составляетъ матеріяльное основаніе дворянства, то, что̀ даетъ ему матеріяльный вѣсъ и значеніе въ странѣ. Поэтому для дворянства въ высшей степени важно, чтобы рядомъ съ нимъ не образовался другой, подобный же интересъ, который не только будетъ съ нимъ соперничать, но и, по всей вѣроятности, станетъ ему прямо враждебнымъ; а такой интересъ непремѣнно образуется, при совершенномъ исключеніи мѣстныхъ землевладѣльцевъ изъ среды дворянъ. Доступъ въ дворянство по выбору не только не уничтожитъ этихъ враждебныхъ отношеній, а напротивъ усилитъ раздраженіе. Здѣсь на первый планъ выступятъ личные вопросы и сословные предразсудки. Какой землевладѣлецъ изъ низшихъ сословій захочетъ подвергать себя избранію, зная

заранѣе, что онъ будетъ имѣть дѣло съ сословною спѣсью и рискуетъ подвергнуться оскорбительному исключенію? Здѣсь опять, какъ и въ первомъ случаѣ, должно существовать не право избранія, а доступъ на извѣстныхъ условіяхъ. Дворянство должно быть открыто для землевладѣльцевъ, какъ оно открыто для государственныхъ сановниковъ.

Значитъ ли это однако, что дворянство, лишившись крѣпостнаго права, должно совершенно превратиться въ сословіе землевладѣльцевъ, какъ предлагаютъ нѣкоторые?

По нашему мнѣнію, это предложеніе беретъ одну только сторону предмета. Земельная собственность составляетъ матеріяльную опору дворянства; но она далеко не изчерпываетъ всей сущности сословія. Въ дворянствѣ владѣніе землею соединяется съ политическимъ значеніемъ, съ первенствующимъ положеніемъ въ государствѣ; а для этого нужны не одно матеріяльное достояніе, но и нравственныя силы. Эту нравственную сторону сословія не слѣдуетъ упускать изъ вида. Она состоитъ въ наслѣдственномъ политическомъ положеніи, въ преданіяхъ, которыя отсюда вытекаютъ, въ постоянномъ участіи въ государственной и выборной службѣ, соединенномъ съ независимымъ положеніемъ, въ привычкѣ къ власти, пріобрѣтенной вѣковымъ владычествомъ надъ крѣпостными, въ образованіи, которому причастно высшее сословіе, наконецъ, въ сословной чести, которая соединяетъ въ себѣ чувство политическаго долга съ сознаніемъ своего достоинства. Вотъ что даетъ дворянству назначеніе политическое.

Земельная собственность присоединяется къ этому не даромъ. На ней, всегда и вездѣ, дворянство основывало свое матеріяльное положеніе. Крупная земельная собственность даетъ владѣльцу независимость, утверждаетъ постоянство наслѣдственнаго достоянія и промышленныхъ выгодъ, раз-

виваетъ въ живущихъ на мѣстѣ крѣпкій духъ и здоровые нравы. Она не подлежитъ такимъ колебаніямъ, перемѣнамъ и опасностямъ, какъ движимая собственность, по природѣ своей подверженная спекуляціи. Вокругъ землевладѣльца собирается цѣлый земледѣльческій міръ, который вступаетъ къ нему въ прочныя отношенія, и надъ которымъ онъ властвуетъ юридически или фактически. Однимъ словомъ, земельная собственность составляетъ лучшую матеріяльную опору для нравственнаго существа дворянскаго сословія. Дворянство, имѣющее не только юридическое значеніе, но и дѣйствительный вѣсъ въ странѣ, непремѣнно должно быть сословіемъ землевладѣльцевъ.

Но одной земельной собственности не достаточно для созданія дворянства; она одна не даетъ тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя потребны для первенствующаго положенія въ государствѣ. Сама по себѣ взятая, земельная собственность рождаетъ только землевладѣльческій интересъ, весьма ограниченный. Землевладѣльцы, какъ особенное сословіе, требуютъ не болѣе какъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій, да мѣстнаго представительства для раскладки поземельной подати. Поэтому, превратить дворянство въ сословіе землевладѣльцевъ значитъ отнять у него политическій характеръ и сдѣлать изъ него союзъ мѣстныхъ матеріяльныхъ интересовъ извѣстнаго разряда. Если дворянство должно быть сохранено, то этого допустить невозможно.

Еще менѣе можно согласиться съ мыслью предоставить всѣ выборныя права сословію землевладѣльцевъ, оставивъ дворянство съ одними личными преимуществами. Въ этомъ предположеніи соединяются невыгоды сословной исключительности съ недостатками чисто землевладѣльческаго союза. Дворянство лишится всякаго существеннаго значенія; а между тѣмъ оно останется сословіемъ ненавистнымъ свои-

ми привилегіями, ни на что не нужнымъ, стѣснительнымъ для народа, и съ притязаніями, которымъ не соотвѣтствуетъ его положеніе.

Но если дворянство, въ силу нравственнаго и политическаго своего значенія, не можетъ слиться съ сословіемъ землевладѣльцевъ, то изъ этого слѣдуетъ, что оно не можетъ принять въ свою среду *всякаго* землевладѣльца, кто бы онъ ни былъ. Я не говорю о предложеніи открыть доступъ въ дворянскія собранія представителямъ крестьянской общины, въ качествѣ самаго крупнаго землевладѣльца въ Россіи. Это — игра словами, при совершенномъ отсутствіи политической мысли. Дворянство можетъ принять въ среду свою только тѣхъ землевладѣльцевъ, которые ему сродны, которыхъ оно можетъ себѣ ассимилировать, которые способны играть общественную роль и занять полититическое положеніе.

На это нужны извѣстныя условія, именно цензъ и образованіе.

Значеніе ценза извѣстно всякому, кто сколько-нибудь занимался политическими вопросами. Но въ нашей литературѣ оказывается еще совершенное невѣдѣніе этихъ элементарныхъ политическихъ понятій. У насъ еще спрашиваютъ: обезпечиваетъ ли цензъ нравственность избирателя? и т. п. О частной нравственности здѣсь нѣтъ и рѣчи. Можно быть отличнымъ отцомъ семейства, примѣрнымъ супругомъ, и все-таки не имѣть ни малѣйшей способности участвовать въ государственныхъ дѣлахъ. Цензъ служитъ нѣкоторымъ обезпеченіемъ этой послѣдней способности, разумѣется, не для отдѣльныхъ лицъ, которыя здѣсь не принимаются въ соображеніе, а для цѣлыхъ классовъ людей. Извѣстное достояніе, опредѣляемое цензомъ, даетъ 1) возможность образованія, котораго нѣтъ въ классахъ народа, исключительно

занятыхъ матеріяльнымъ трудомъ; образованіе же необходимо для участія въ политическихъ дѣлахъ, которыя требуютъ общихъ соображеній; 2) матеріяльную привязанность къ гражданской жизни и къ существующему порядку; 3) общественное положеніе, изъ котораго развиваются болѣе широкіе взгляды на вещи и болѣе обширный кругъ дѣятельности, нежели какіе существуютъ въ тѣсной крестьянской общинѣ. Цензъ имѣетъ то громадное значеніе, что онъ доставляетъ преобладаніе высшимъ, болѣе образованнымъ классамъ, не дѣлая изъ нихъ исключительнаго сословія; ибо онъ полагаетъ грань, независимую отъ сословныхъ страстей и предразсудковъ и доступную всякому, при исполненіи извѣстныхъ условій. Поэтому цензъ, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ государственной жизни, игралъ значительную роль въ исторіи всѣхъ образованныхъ народовъ.

Если, послѣ всего этого, насъ спросятъ: чѣмъ владѣлецъ ста десятинъ земли лучше владѣльца 99? то на это Греки отвѣчали, 2,000 лѣтъ тому назадъ, софизмомъ «Плѣшиваго». Вырвите у человѣка волосъ, — разницы съ прежнимъ положеніемъ почти нѣтъ. Вырвите другой — то же самое. При каждой повторенной операціи, является различіе почти незамѣтное. Но, наконецъ, человѣкъ изъ кудряваго превращается въ лысаго. Этотъ примѣръ, изображающій свойство количественныхъ опредѣленій, можно найти въ любомъ руководствѣ къ логикѣ.

При всемъ томъ, цензъ не всегда и не вездѣ умѣстенъ. Когда народъ слился въ одну сплошную массу, подъ владычествомъ демократіи, цензъ можетъ быть или безполезенъ, или даже вреденъ. Но когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы сохранить сословіе, оставляя въ немъ доступъ для другихъ,— цензъ необходимъ. Цыфра его опять зависитъ отъ условій данной среды. Чѣмъ болѣе распространено въ народѣ поли-

тическое образованіе, тѣмъ, разумѣется, она должна быть ниже. Для поступленія въ дворянство цензъ не можетъ быть низокъ именно потому, что дворянство, какъ высшее сословіе въ государствѣ, должно принять въ себя не всѣ землевладѣльческіе элементы, а только значительные, которые могутъ служить ему подкрѣпленіемъ. Но съ другой стороны, онъ не долженъ быть и высокъ, чтобы не исключить изъ дворянства слишкомъ большаго количества земельныхъ интересовъ. Кажется, что цензъ въ 500 десятинъ могъ бы удовлетворить обоимъ условіямъ, по крайней мѣрѣ на первое время, ибо пониженіе всегда возможно, если окажется въ томъ нужда.

Но одного ценза мало. Какъ мы уже объяснили выше, политическое значеніе дворянства основано не на одномъ матеріяльномъ владѣніи землею, а прежде всего на нравственныхъ качествахъ. Поэтому необходимо, чтобы допуская въ себя постороннія лица, оно потребовало бы не только матеріяльныхъ, но и нравственныхъ гарантій. Такою гарантіею можетъ служить образованіе. Образованный землевладѣлецъ не только легко можетъ освоиться съ дворянскою средою, но и принесетъ ей значительную пользу. Поэтому мы вполнѣ сочувствуемъ тому предложенію, сдѣланному на совѣщаніяхъ московскаго дворянства, которое открываетъ доступъ въ дворянское сословіе владѣльцамъ 500 десятинъ, окончившимъ курсъ въ университетѣ. Мы убѣждены, что это единственное постановленіе, выгодное и для дворянства и для государства. Дворянство подкрѣпится приливомъ свѣжихъ, образованныхъ силъ; а государство будетъ обезпечено противъ преобладанія въ первомъ сословіи русской имперіи исключительно дворянскихъ интересовъ.

Противъ этого можетъ быть одно возраженіе, и весьма существенное. Оба эти условія представляютъ нѣкоторыя

гарантіи для способности личной, но отнюдь не распространяются на потомство. И цензъ, и образованіе, по существу своему, могутъ дать только право личное, а не наслѣдственное. У достаточнаго и образованнаго отца можетъ быть множество сыновей и бѣдныхъ и невѣждъ. Между тѣмъ всѣ они будутъ потомственными дворянами.

Во избѣжаніе этого, предлагается землевладѣльцамъ, исполнившимъ оба условія, давать дворянское достоинство лично. Но когда утвердилась наслѣдственность имущества и общественнаго положенія, когда два поколѣнія непрерывно пробыли личными дворянами, тогда третьему поколѣнію можно даровать и дворянство потомственное. Это будетъ звѣно, соединяющее оба элемента, изъ которыхъ составится дворянство, — элементы личный и наслѣдственный. Полагаемъ, что соединеніе ихъ, въ одномъ сословіи можетъ принести послѣднему только пользу.

Противъ этого предложенія возстаетъ сословная исключительность, возстаетъ и крайній консерватизмъ, который не хочетъ приноравливаться къ новымъ условіямъ и потребностямъ. Но сословная исключительность ведетъ къ тому, что существенное забывается за случайнымъ, что сословнымъ предразсудкамъ приносятся въ жертву истинные интересы дворянства. Политическій духъ сословія, способность его не только кое-какъ продолжать свое существованіе, но и дѣйствовать и занимать высшее положеніе въ государствѣ, выказываются въ томъ, что оно дорожитъ не привилегіями, которыя дѣлаютъ его ненавистнымъ, а существеннымъ своимъ вѣсомъ и значеніемъ въ обществѣ. Сохранять же можно только то, что имѣетъ въ себѣ прочное основаніе. Сохранять прошедшее, при измѣнившихся обстоятельствахъ, не мыслимо. Когда одна поддержка зданія изчезла, надобно укрѣпить его на новыхъ столбахъ; иначе оно рано или поздно

обрушится. Дворянство не можетъ висѣть на воздухѣ; ему небходима матеріяльная основа для мѣстнаго вліянія и для общественнаго положенія. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права рушилась значительная часть матеріяльной опоры. Чтобы сохранить дворянство, ему нужно дать новыя поддержки, ему необходимо расшириться и вобрать въ себя новые элементы. Эта цѣль будетъ достигнута, если оно останется открытымъ съ обѣихъ сторонъ — для высшихъ сановниковъ и для образованныхъ землевладѣльцевъ. Эти стихіи представляютъ оба начала, изъ которыхъ слагается дворянство: начало политическое и начало землевладѣльческое. Ими оно и должно обновляться, переработывая ихъ въ себя.

Всѣ эти три мнѣнія: допущеніе постороннихъ лицъ въ дворянство не иначе, какъ по балотировкѣ, превращеніе дворянства въ сословіе землевладѣльцевъ, наконецъ, открытіе дворянства для новыхъ лицъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, — были уже высказаны въ послѣднее время. Первое выражаетъ мысль сословную; второе—мысль либеральную; третье — мысль политическую. Но такъ какъ сословныя и либеральныя мысли несравненно доступнѣе политическихъ, то послѣднее мнѣніе находитъ наименѣе приверженцевъ.

Намъ остается поговорить о личныхъ и корпоративныхъ правахъ дворянства. Объ этомъ до другой статьи.

3.

Права, принадлежащія каждому дворянину въ особенности, состоятъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія, 2) свобода отъ личныхъ по-

датей, 3) свобода отъ рекрутской повинности, 4) права по службѣ, 5) права по суду.

Первыя три льготы дворянинъ раздѣляетъ съ почетными гражданами и купцами, съ тѣмъ исключеніемъ, что купцы 3-й гильдіи не избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. Только относительно двухъ послѣднихъ пунктовъ дворянство пользуется нѣкоторыми преимуществами.

На счетъ тѣлеснаго наказанія говорить нѣчего. Здѣсь вопросъ можетъ состоять единственно въ обсужденіи возможности распространить эту привилегію высшихъ сословій на всѣ, такъ чтобы власть удержала въ своихъ рукахъ достаточныя средства для наказанія виновныхъ, и чтобы народъ не былъ бо́лѣе отягощенъ денежными штрафами и тюремнымъ заключеніемъ, нежели наказаніемъ тѣлеснымъ. Слѣдовательно, дѣло не въ принципѣ, не въ сохраненіи различія правъ, а во времени, когда оно можетъ быть отмѣнено.

Свобода отъ личныхъ податей изчезнетъ сама собою, съ превращеніемъ подушной подати въ поземельную. Послѣдняя распространится и на дворянскія земли. Конечно, это преобразованіе не можетъ быть совершено немедленно. Дворянская собственность и безъ того обременена значительными затрудненіями, возникающими изъ отмѣны крѣпостнаго права и изъ перевода барщинскаго хозяйства на вольнонаемное; налагать на нее новыя подати теперь невозможно. Но со временемъ уравненіе неизбѣжно. Во многихъ европейскихъ государствахъ дворянская собственность долго оставалась изъятою отъ податей; но это было всегда одною изъ самыхъ несправедливыхъ и ненавистныхъ привилегій высшаго сословія. Ничто такъ не способствовало униженію дворянства въ глазахъ народа и окончательному его паденію. Мы надѣемся, что наше дворянство не будетъ стоять за это изъятіе отъ общихъ обязанностей, лежащихъ на всѣхъ гражданахъ.

Тоже самое можно было бы сказать и о рекрутской повинности; но здѣсь требованіе, идущее отъ общей идеи справедливости, значительно видоизмѣняется практическими соображеніями. Устройство нашей арміи, положеніе рекрута и солдата, наконецъ сословныя чувства и привычки, которыя нигдѣ не выскажутся въ такой рѣзкости, какъ въ этомъ случаѣ, дѣлаютъ почти невозможнымъ уравненіе дворянъ съ податными сословіями въ низшихъ рядахъ войска. Съ распространеніемъ рекрутской повинности на всѣхъ гражданъ безъ исключенія, огромное большинство дворянства будетъ откупаться отъ нея деньгами; слѣдовательно, вся тяжесть рекрутчины падетъ на карманъ, и личная сторона повинности изчезнетъ. Въ Германіи, гдѣ дворянство весьма дорожитъ своими привилегіями, оно повсюду подчинилось общей гражданской обязанности. Но у насъ едва ли удобно касаться такого права, котораго отмѣна не принесетъ существенной пользы государству, а между тѣмъ возбудитъ самое сильное негодованіе дворянства. Когда сословіе лишается значительной части своихъ преимуществъ, не слѣдуетъ трогать его болѣе, нежели необходимо.

Подобныя соображенія представляются намъ и относительно преимуществъ дворянъ въ военной службѣ. Здѣсь нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что военная служба держится на чести, а военная честь ближе всего подходитъ къ понятію о чести дворянской. Между ними есть историческое и нравственное сродство, которое даетъ дворянству нѣкоторое право на привилегированное положеніе въ военной службѣ.

Нельзя сказать тоже самое о службѣ гражданской. Здѣсь главное начало — не корпоративная честь, а способность и образованіе. Поэтому у насъ кончившіе курсъ въ универ-

ситетѣ вступаютъ на службу съ одинакими правами, какого-бы они ни были происхожденія. Желательно, чтобы то-же преимущество было распространено на гимназіи.

Наконецъ, права дворянства по суду (если не включать сюда изъятія отъ тѣлеснаго наказанія) состоятъ въ томъ, что дворянинъ судится только равными себѣ, и что приговоры, лишающіе его жизни или правъ состоянія, восходятъ въ сенатъ и подносятся на Высочайшее утвержденіе. Первое право, дарованное жалованною грамотою, не находитъ почти приложенія съ тѣхъ поръ, какъ по закону 1802 года, купеческіе засѣдатели гражданской и уголовной палатъ участвуютъ, наравнѣ съ другими, въ сужденіи дѣлъ, касающихся до дворянъ. Только въ уѣздномъ судѣ сельскіе засѣдатели устраняются отъ подобныхъ дѣлъ. Второе же право есть почетное преимущество, которое никому не вредитъ и котораго, поэтому, касаться нѣтъ нужды.

Таковы личныя преимущества дворянъ. Къ этому можно прибавить право быть избираемымъ въ нѣкоторыя общественныя должности другими сословіями и право записываться въ гильдіи. Первое слѣдовало бы очистить отъ существующаго ограниченія, въ силу котораго дворянинъ можетъ быть выбранъ только за недостаткомъ лицъ изъ среды избирающаго сословія. Достоинство выборовъ низшихъ сословій могло бы только возвыситься, еслибы это стѣсненіе было снято. Что касается до права вступать въ гильдіи, то оно останется. Но едва ли возможно допустить вступленіе дворянъ въ податныя сословія иначе, какъ съ выходомъ изъ общества дворянскаго. Если дворянство должно имѣть нравственное и политическое положеніе въ государствѣ, то дворянинъ не можетъ вступить въ совершенно иное состояніе, не отказавшись отъ своихъ правъ. Начало же добровольнаго перехода можетъ быть только выгодно для

дворянства, которое не будетъ имѣть въ своей средѣ членовъ, не желающихъ поддерживать свое званіе.

Но личныя преимущества дворянъ составляютъ самую малую и самую несущественную часть дворянскихъ правъ. Дворянство имѣетъ политическое значеніе не въ силу принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ привилегій, а въ силу своего корпоративнаго устройства. Оно имѣетъ вѣсъ какъ сословіе. Поэтому главныя права дворянства суть тѣ, которыя принадлежатъ ему въ составѣ цѣлыхъ обществъ, именно: право составлять губернскія и уѣздныя собранія, совѣщаться о своихъ нуждахъ, заводить полезныя для сословія учрежденія, наконецъ выбирать въ нѣкоторыя должности мѣстнаго управленія.

Извѣстно, что дворянство каждой губерніи избираетъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей, депутатовъ, секретаря дворянскаго собранія, депутатовъ для раскладки земскихъ повинностей, почетнаго попечителя гимназіи, предсѣдателей и по два засѣдателя палатъ гражданскаго и уголовнаго суда, совѣстнаго судью, уѣздныхъ судей и засѣдателей уѣздныхъ судовъ, исправниковъ и засѣдателей земскихъ судовъ, непремѣнныхъ членовъ коммиссіи продовольствія и губернской строительной и дорожной коммиссіи, попечителей запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, межевыхъ посредниковъ; оно же составляетъ списки лицъ, способныхъ занять мѣста становыхъ приставовъ. Губернскій и уѣздные предводители, кромѣ вѣдомства собственно дворянскихъ дѣлъ, засѣдаютъ въ нѣкоторыхъ общихъ административныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ рекрутскихъ присутствіяхъ, въ комитетѣ земскихъ повинностей, въ ревизскихъ коммиссіяхъ, когда онѣ учреждаются, въ губернской строительной и дорожной коммиссіи, въ уѣздныхъ дорожныхъ коммиссіяхъ, въ комитетахъ для освидѣтельствованія станцій, въ комитетахъ губернскаго

коннозаводства, общественнаго здравія, общества попечительнаго о тюрьмахъ, въ попечительствѣ о дѣтскихъ пріютахъ. Засѣдатели судебныхъ палатъ назначаются также засѣдателями въ приказы общественнаго призрѣнія, на мѣсто прежнихъ засѣдателей совѣстнаго суда. Сверхъ того, на основаніи новаго «Положенія о крестьянахъ», дворянство избираетъ депутатовъ въ губернское присутствіе, котораго губернскій предводитель — членъ по своему званію; изъ среды мѣстнаго дворянства назначаются и мировые посредники, которые составляютъ мировые съѣзды, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя. Наконецъ, въ иныхъ губерніяхъ дворянству предоставлены нѣкоторыя особенныя выборныя права: такъ, въ Петербургѣ оно избираетъ членовъ въ совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій, въ обѣихъ столицахъ депутатовъ въ окружныя управленія путей сообщенія и т. п. Въ Петербургѣ дворянство, вмѣстѣ съ городскими сословіями, участвуетъ и въ городовомъ управленіи. Изъ этого видно, какой обширный кругъ дѣятельности предоставленъ первому сословію имперіи. Дворянство непосредственно завѣдываетъ многими изъ мѣстныхъ дѣлъ и участвуетъ почти во всѣхъ. Несмотря на то, слышатся постоянныя жалобы на недостатокъ мѣстнаго самоуправленія, и лѣкарствомъ отъ этого зла выставляется еще большее распространеніе выборнаго начала.

Эти жалобы отчасти справедливы, отчасти преувеличены. Справедливы въ томъ смыслѣ, что администрація, особенно въ прежнее время, нерѣдко обращала слишкомъ мало вниманія на требованія сословій и ихъ представителей; преувеличены же въ томъ отношеніи, что само дворянство виновато въ этомъ въ значительной степени.

Нельзя не признаться, что дворянство до сихъ поръ болѣе дорожило крѣпостнымъ правомъ, нежели обществен-

нымъ своемъ вліяніемъ. Оно крѣпко держалось выгодной привилегіи, а какимъ образомъ шли общественныя дѣла, — объ этомъ оно мало безпокоилось. Выборныя должности привлекали къ себѣ дворянъ болѣе почетомъ, который онѣ доставляли, нежели пользою, которую можно было принести на этихъ мѣстахъ. Деньги тратились неразсчетливо и произвольно, потому что онѣ выходили изъ крестьянскаго кармана, а не изъ дворянскаго. Вообще, едва ли кто станетъ отрицать, что, по той или другой причинѣ, господствующею чертою дворянскихъ выборовъ до сихъ поръ было равнодушіе къ интересамъ управленія.

Изъ этого произошло, что правительственныя лица болѣе и болѣе забирали мѣстную администрацію въ свои руки. Фактически дворянство гораздо менѣе участвуетъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, нежели юридически. А потому лѣкарствомъ противъ этого зла можетъ служить не столько распространеніе выборнаго начала, сколько лучшее пользованіе пріобрѣтенными уже правами, большее вниманіе дворянства къ мѣстнымъ интересамъ, большая настойчивость сословія, которое занимаетъ первенствующее положеніе въ губерніяхъ.

Доказательствомъ господствующаго пренебреженія къ мѣстнымъ дѣламъ служитъ замѣщеніе должностей, которыя предоставлены выбору дворянства. Никто не скажетъ, что въ нашихъ уѣздахъ выбираются примѣрные исправники. Разумѣется, найдутся не только хорошіе, но и отличные; да много-ли ихъ? Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, возражаютъ обыкновенно, что исправники находятся въ слишкомъ большой зависимости отъ губернатора и губернскаго правленія, вслѣдствіе чего дворяне поступаютъ въ эту должность не охотно. Это отчасти справедливо; но возьмемъ судебныя должности, въ которыхъ нѣтъ такой зависимости. Никто опять, вѣро-

ятно, не станетъ оспаривать, что хорошій составъ нашихъ судебныхъ мѣстъ принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ исключеній. Вообще же въ нашихъ выборныхъ судахъ взяточничество и другіе недостатки нашего управленія нисколько не менѣе распространены, нежели въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ чиновники назначаются отъ правительства. Между тѣмъ, казалось-бы, что для мѣстныхъ жителей нѣтъ болѣе существенной потребности, какъ имѣть дѣльный и нелицепріятный судъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что выборное начало вовсе не есть всеобщая панацея противъ всевозможныхъ недуговъ. Выборное начало тогда только дѣйствуетъ хорошо, когда въ избирателяхъ и избираемыхъ есть способность и ревность къ дѣлу, — условія, которыя точно также прилагаются и къ назначенію чиновниковъ отъ правительства. Послѣднее, кромѣ того, имѣетъ несравненно болѣе средствъ привлечь къ себѣ способныхъ людей, нежели общество. Во всякомъ случаѣ, способность и ревность къ дѣлу доказываются фактически. Требовать расширенія выборныхъ правъ можетъ только тотъ, кто на дѣлѣ показалъ, что онъ предоставленными ему правами пользовался хорошо, и что на него можно положиться. Выставлять же такое требованіе, какъ общее правило, — совершенно непрактично.

Сверхъ того, выборное начало не имѣетъ одинакого приложенія ко всѣмъ отраслямъ управленія. Судъ, полиція и хозяйство, различные по своей природѣ, требуютъ различнаго устройства и различнаго участія обоихъ началъ управленія: выборнаго и правительственнаго.

Судъ выборныхъ—первобытная форма суда. Она можетъ существовать нормальнымъ образомъ только въ общинѣ, и то при извѣстныхъ условіяхъ. Съ расширеніемъ круга дѣятельности судовъ, при болѣе сложномъ гражданскомъ уст-

ройствѣ, является назначеніе судей отъ правительства. Причина этого заключается въ томъ, что отъ судьи требуются два качества: спеціяльное образованіе и безпристрастіе, которыя оба несовмѣстны съ выборнымъ началомъ. Спеціялиста можетъ избирать только спеціялистъ, знакомый съ дѣломъ, а не масса людей, которая о спеціяльныхъ знаніяхъ судить не въ состояніи. Что же касается до безпристрастія; то первое для этого условіе — независимость судьи отъ тяжущихся и подсудимыхъ, и вообще отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній. Судья долженъ быть посторонній человѣкъ, не имѣющій никакой связи съ подлежащими его суду. Это невозможно при выборѣ, который, по существу своему, предполагаетъ зависимость отъ избирателей и пристрастіе къ нимъ. Поэтому въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ существуютъ выборные судьи, партія состоящая въ меньшинствѣ, часто не можетъ добиться суда.

Однако, съ другой стороны, необходимо дать подсудимымъ нѣкоторыя гарантіи, при назначеніи судей отъ правительства; но для этого существуютъ другія средства. Первое состоитъ въ несмѣняемости судей, которая дѣлаетъ ихъ болѣе или менѣе независимыми отъ власти. Можно сказать, что въ обширномъ и благоустроенномъ государствѣ не можетъ быть удовлетворительнаго суда, пока нѣтъ спеціяльнаго сословія безсмѣнныхъ судей. Второю гарантіею служитъ судъ присяжныхъ. Къ правительственному элементу суда прибавляется народный. Но и здѣсь установляется не выборъ, который предполагаетъ пристрастіе, а жребій, въ которомъ невозможно лицепріятіе. Присяжные признаны необходимыми въ дѣлахъ уголовныхъ; на сколько они полезны въ гражданскихъ тяжбахъ, это — вопросъ весьма спорный, о которомъ здѣсь не мѣсто распространяться. Наконецъ, главнымъ обезпеченіемъ подсудимыхъ противъ пристрастія

и злоупотребленій служатъ публичность и гласность судопроизводства, которыя ставятъ судъ подъ контроль общественнаго мнѣнія.

Изъ этихъ положеній, вытекающихъ изъ самаго существа судоустройства, очевидно, что рано или поздно дворянство должно отказаться отъ избранія предсѣдателей судебныхъ палатъ, не говоря о другихъ должностяхъ. Въ области суда выборныя права дворянства должны съузиться, а не расшириться.

Однако мы отнюдь не предполагаемъ, чтобы подобную перемѣну слѣдовало произвести немедленно. У насъ нѣтъ судебнаго сословія, а образованіе его — дѣло времени; у насъ нѣтъ и адвокатовъ, необходимыхъ при новомъ судоустройствѣ; наконецъ введеніе присяжныхъ, безъ надлежащаго руководства со стороны судей и адвокатовъ, представляетъ по крайней мѣрѣ весьма значительныя трудности. Мы въ настоящее время можемъ желать только публичнаго и гласнаго судопроизводства, не мечтая о наилучшемъ устройствѣ судебной части. Простое же замѣненіе выборныхъ судей коронными едва ли не принесетъ болѣе вреда, нежели пользы. Правда, у правительства подъ руками болѣе спеціялистовъ, чѣмъ у дворянскихъ обществъ; но составъ нашихъ высшихъ судилищъ не даетъ намъ права думать, что съ означенною перемѣною суды наши сдѣлаются лучше, нежели они теперь. Новая организація судебнаго сословія должна начаться сверху. А пока, сохраненіе выборныхъ судей все-таки служитъ нѣкоторымъ обезпеченіемъ противъ притѣсненій.

Что касается до уѣздной полиціи, то и здѣсь основнымъ началомъ должна быть независимость полицейской власти отъ мѣстнаго народонаселенія. Полиція исполняетъ законъ и распоряженія правительства, дѣлаетъ взысканія, охраня-

етъ порядокъ, повелѣваетъ и распоряжается. Для всего этого нужна власть. Зависимость же отъ избирателей неизбѣжно ведетъ къ послабленіямъ и потачкамъ. Всякій, естественно, выбираетъ человѣка, въ которомъ онъ надѣется найти наименьшую къ себѣ строгость. У насъ полиція нерѣдко употребляетъ власть свою во зло, и противъ этого надобно искать гарантій особенно въ отдѣленіи, по возможности, права суда и наказанія отъ собственно полицейской власти. Но никто не жалуется у насъ на излишнюю строгость взысканій; напротивъ, слышится общій ропотъ на то, что отъ взысканій слишкомъ легко избавиться. Бо́льшая зависимость полиціи отъ мѣстнаго народонаселенія можетъ только усилить этотъ недостатокъ.

Изъ этого видно, что предоставленіе дворянству права выбирать исправниковъ было величайшимъ знакомъ довѣрія къ этому сословію. Дѣйствительно, выборъ исправниковъ могъ быть возложенъ на одно только дворянство, которое, по своему положенію, менѣе подлежитъ взысканіямъ и полицейскимъ распоряженіямъ, нежели низшіе классы. Участіе крестьянъ въ выборѣ исправника просто немыслимо. Но, съ другой стороны, нельзя не опасаться отъ выборнаго исправника излишняго послабленія дворянамъ; нельзя не опасаться въ особенности того, что казенныя и частныя взысканія съ дворянскихъ имѣній будутъ производиться весьма неудовлетворительно.

Но и здѣсь опять мы не хотимъ сказать, что выборъ исправниковъ долженъ быть немедленно отнятъ у дворянства и предоставленъ губернаторамъ. Въ настоящее время такая перемѣна могла бы повести къ худшему. Мы разумѣемъ только то, что въ полицейскихъ должностяхъ выборное начало вовсе не нормальный порядокъ и не служитъ обезпеченіемъ хорошаго управленія. Напротивъ, опытъ по-

казываетъ, что полиція бываетъ хорошо устроена только тамъ, гдѣ она не выборная.

Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о хозяйствѣ. Здѣсь — настоящее поприще для мѣстнаго самоуправленія. Безчисленныя коммиссіи и комитеты, которые въ настоящее время существуютъ въ губерніяхъ, могли бы быть съ пользою соединены въ одно общее учрежденіе, составленное изъ выборныхъ отъ сословій. Такимъ образомъ земскія повинности, общая раскладка податей, отчасти пути сообщенія и почты, народное здравіе, народное продовольствіе, общественное призрѣніе, тюрьмы могли бы подлежать вѣдомству и контролю представителей мѣстныхъ интересовъ. Проектъ подобнаго учрежденія уже обсуждается правительствомъ. На сколько оно удовлетворитъ нуждамъ и желаніямъ сословій, — объ этомъ мы еще судить не можемъ. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, въ этомъ заключается единственная практическая задача въ вопросѣ о расширеніи мѣстнаго самоуправленія сословій. На этомъ поприщѣ могутъ выказаться способности каждаго къ управленію дѣлами; здѣсь же сословія, соединяясь въ дѣятельности болѣе или менѣе доступной всѣмъ, могутъ сближаться и привыкать къ дѣйствію совокупными силами, а не врозь, что для мѣстнаго благоустройства весьма желательно.

При этомъ возникаетъ вопросъ: должно ли господствовать начало равноправности сословій, или же дворянство должно преобладать надъ другими?

4.

Равноправность сословій—начало вытекающее изъ общей идеи справедливости. Если мы вопросъ возьмемъ отрѣшенно отъ жизненныхъ условій — нѣтъ никакой причины, по-

чему бы одно сословіе имѣло преимущество передъ другими. Изъ того, что дворянство составляетъ первое сословіе въ государствѣ, вовсе не слѣдуетъ, что оно въ представительствѣ мѣстныхъ интересовъ должно имѣть львиную часть. Политическое значеніе дворянства будетъ упрочено, если оно получитъ, хотя не бо́льшее, но отдѣльное отъ другихъ представительство. Дворянство числительно составляетъ весьма незначительное меньшинство народонаселенія, но для меньшинства имѣть особую организацію и отдѣльное представительство есть уже огромное преимущество. Если-же это меньшинство богаче другихъ внутренними силами и образованіемъ, если оно владѣетъ значительною частью земли, если оно въ государствѣ занимаетъ первое мѣсто и заключаетъ въ своей средѣ высшихъ правительственныхъ сановниковъ, то фактическое преобладаніе его несомнѣнно. Въ Англіи палата лордовъ не имѣетъ болѣе правъ, нежели палата общинъ; въ финансовыхъ дѣлахъ она имѣетъ ихъ даже гораздо менѣе, но это не мѣшаетъ ей занимать въ государствѣ первенствующее положеніе и имѣть огромное вліяніе на всѣ дѣла. Будь палата общинъ пониже уровнемъ, перевѣсъ палаты лордовъ былъ бы еще значительнѣе.

Такимъ образомъ, говоря вообще, дворянству нѣтъ нужды домогаться бо́льшаго противъ другихъ сословій количества правъ. Но эти общія соображенія значительно видоизмѣняются двумя началами, которыя входятъ, какъ существенные элементы, въ устройство сословій и управленія, именно: способность избирателей и назначеніе сословій.

Избирательное право не есть право, прирожденное человѣку въ качествѣ человѣка, право неотъемлемое и неизмѣнное. Иначе слѣдовало бы не только распространить его одинаково на всѣхъ гражданъ, но было бы несправедливо исключать женщинъ и дѣтей, которыя такіе-же люди, какъ

и всѣ. Женщины и дѣти потому не причастны политической жизни, что они къ этому естественно неспособны. Политическое право — не только право, но и обязанность гражданина относительно общества. Участіе въ политическихъ дѣлахъ есть своего рода должность; благосостояніе цѣлаго союза зависитъ отъ хорошаго ея исполненія; а потому она можетъ быть предоставлена только тѣмъ, которые способны употреблять свое право сообразно съ цѣлями общаго блага. Разумѣется, здѣсь нѣтъ рѣчи объ отдѣльныхъ личностяхъ, которыя изчезаютъ въ толпѣ. Но масса, призываемая къ выбору, должна быть способна сдѣлать хорошій выборъ именно въ этой области. Отсюда слѣдуетъ, что когда въ государствѣ существуютъ различныя сословія, — распредѣленіе правъ между ними должно сообразоваться не съ отвлеченнымъ началомъ равенства, а съ способностью ихъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ. Это — начало правды распредѣляющей, въ отличіе отъ ариѳметическаго равенства людей.

Въ связи съ этимъ находится и второе изъ означенныхъ выше началъ. Каждое сословіе имѣетъ то назначеніе, къ которому оно способно по своей природѣ. Мы не говоримъ здѣсь о томъ порядкѣ вещей, когда всѣ сословія слились въ одну общую массу: тамъ являются иныя условія и иныя соображенія. Здѣсь рѣчь идетъ о назначеніи сословій, существующихъ раздѣльно.

Назначеніе крестьянъ — общинная жизнь. Мысль крестьянина и его дѣятельность не выходятъ за предѣлы тѣсной крестьянской сферы. Но здѣсь онъ полный хозяинъ; онъ знаетъ, какъ вести свои дѣла, и никакое другое сословіе, можетъ-быть, не въ состояніи съ нимъ въ этомъ сравняться.

Назначеніе средняго сословія — городовое и государственное. Городъ не только община и средоточіе торговли, но и

центръ образованности, поприще, на которомъ развивается политическая мысль. Поэтому онъ имѣетъ гораздо болѣе общее значеніе, нежели сельскій міръ. Городское сословіе, которое при извѣстномъ развитіи должно содержать въ себѣ цвѣтъ труда и образованія, призвано къ значительной роли въ государственной жизни.

Наконецъ, назначеніе дворянства—областное и государственное. Дворянство составляетъ союзъ крупныхъ землевладѣльцевъ извѣстной области. Оно не стѣсняется предѣлами общины, но представляетъ важнѣйшіе интересы цѣлой страны. Имѣя значеніе политическое, оно занимаетъ въ государствѣ первое мѣсто. Если къ этому присоединяется перевѣсъ образованія, то дворянство, и по способности, и по назначенію, призвано быть руководителемъ остальныхъ сословій.

Но если таково различное назначеніе сословій, то очевидно, что каждое, сообразно своей природѣ, должно имѣть преобладающее вліяніе къ той средѣ, которая ему принадлежитъ: крестьянство—въ сельскомъ управленіи, среднее сословіе—въ городскомъ, дворянство—въ областномъ. Этимъ установляется равноправность сословій; но она состоитъ не въ томъ, что всѣ они имѣютъ вездѣ одинакія права, а въ томъ, что каждое является первенствующимъ на своемъ мѣстѣ. Въ сельскомъ и городскомъ управленіи, дворянству, какъ первому сословію въ государствѣ, принадлежитъ почетъ и право быть выбираемымъ другими; въ областномъ же управленіи очевидно, что оно должно остаться преобладающимъ. Въ учрежденіяхъ, гдѣ сходятся представители различныхъ сословій, это преобладаніе можетъ выражаться въ большемъ количествѣ членовъ отъ дворянства и въ выборѣ предсѣдателей. Мы главный вѣсъ полагаемъ въ послѣднемъ правѣ. Предсѣдатель, заправляющій дѣлами, всегда

имѣетъ на нихъ огромное вліяніе, и выборъ его составляетъ значительное преимущество сословія.

Мы сказали, что дворянство имѣетъ значеніе не только областное, но и государственное. Если его призваніе — политическое, если оно составляетъ цѣльное, всероссійское сословіе, то очевидно, что роль его не можетъ ограничиться представительствомъ мѣстныхъ интересовъ. Оно теряетъ свой характеръ, какъ скоро оно остается раздробленнымъ на губернскія общества, ничѣмъ между собою не связанныя. Отсюда въ дворянствѣ мысль, что выборныя его права не должны ограничиваться областнымъ управленіемъ, но должны распространяться и на центральныя мѣста. Посмотримъ, на сколько это осуществимо.

Отрасли высшей правительственной власти, которыя развиваются въ центральныхъ учрежденіяхъ, суть законодательство, управленіе въ тѣсномъ смыслѣ, и судъ. Въ высшихъ судилищахъ присутствіе выборныхъ отъ сословій — еще менѣе умѣстно, нежели въ губернскихъ. Послѣ того, что̀ мы сказали въ предъидущей статьѣ, объ этомъ распространяться излишне. Въ центральномъ управленіи выборное начало точно также неприложимо. Расширеніе выборнаго начала въ администраціи однозначительно съ расширеніемъ круга дѣятельности мѣстныхъ властей на счетъ центральныхъ. Въ конституціонныхъ государствахъ представителямъ народа предоставляется только контроль надъ министрами, а не участіе въ управленіи. Остается, слѣдовательно, законодательство, и здѣсь дѣйствительно участіе выборнаго начала возможно и примѣнимо.

Не говоря о другихъ государствахъ, у насъ въ старину бывали земскіе соборы, которые созывались для избранія царей или когда цари считали нужнымъ совѣщаться съ народомъ. Екатерина собрала депутатовъ отъ всѣхъ сословій

въ коммиссію для составленія «Уложенія». Наконецъ, въ послѣднее время, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, участіе дворянства въ законодательствѣ было вызвано особеннымъ путемъ. Извѣстно, что по губерніямъ учреждены были изъ дворянъ комитеты, которымъ поручено было составленіе проектовъ положенія. За тѣмъ всѣ эти частные проекты были переработаны въ одинъ общій уставъ редакціонною коммиссіею, въ которую призваны были эксперты изъ дворянъ. Къ совѣщаніямъ редакціонной коммиссіи приглашались и депутаты отъ губернскихъ комитетовъ.

Этотъ способъ законодательства былъ совершенно умѣстенъ въ этомъ вопросѣ и принесъ несомнѣнную пользу. Здѣсь нужно было основательно обслѣдовать всѣ данныя по различнымъ мѣстностямъ обширнаго пространства Россіи; нужно было допросить каждую часть того сословія, котораго вся судьба измѣнялась единымъ законодательнымъ актомъ. Между тѣмъ, такъ какъ вопросъ былъ сословный, а дворянство представляло только одну изъ сторонъ, притомъ сторону, имѣвшую наиболѣе вѣса, и единственную, способную заявить разумнымъ образомъ свои требованія, то естественно, что оно не могло быть призвано къ принятію общихъ рѣшеній, а должно было ограничиться проектами и совѣщаніями. Несмотря на всѣ несовершенства комитетскихъ работъ, онѣ представили громадный матеріялъ, раскрыли нужды и условія мѣстностей; изъ нихъ могло выработаться законоположеніе, не отрѣшенное отъ жизни, не составленное канцелярскимъ порядкомъ, а вытекшее изъ потребностей Россіи и примѣнимое, если не легко (объ этомъ въ такомъ вопросѣ и рѣчи быть не можетъ), то по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ стараніемъ и съ нѣкоторою поддержкою отъ заинтересованныхъ сторонъ.—Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ участіе дворянства въ законода-

тельствѣ принесло огромную пользу. Но въ иныхъ вопросахъ, въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, этотъ способъ законодательства представляетъ значительныя неудобства. Законодательство — дѣло общее, а не мѣстное. При составленіи законовъ, нельзя не принимать въ разсчетъ мѣстныхъ условій; но они не должны стоять на первомъ планѣ. Раздробленіе приготовительныхъ работъ ведетъ къ тому, что бо́льшая часть ихъ совершенно излишняя; это — потеря времени и труда. Въ центрѣ, гдѣ господствуютъ общія соображенія, нужно все передѣлывать сызнова, а это возбуждаетъ неудовольствіе въ мѣстныхъ жителяхъ, которымъ кажется, что на ихъ работы не обращено должнаго вниманія и что призваніе ихъ къ участію въ законодательствѣ дѣлается только для вида.

Если правительство желаетъ слышать мнѣнія сословій въ законодательныхъ вопросахъ, то единственное, удобное къ этому средство состоитъ въ призваніи ихъ къ центру имперіи. На это существуютъ четыре способа, совмѣстныхъ съ самодержавною властію: 1) вызовъ экспертовъ по частнымъ вопросамъ, 2) вызовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ депутатовъ отъ сословій, 3) постоянное присутствіе депутатовъ въ преніяхъ государственнаго совѣта, 4) особенное совѣщательное собраніе изъ представителей отъ сословій.

Мы не думаемъ разрѣшать здѣсь вопросъ: что̀ желательно и что̀ возможно у насъ въ настоящее время? Это зависитъ отъ многихъ соображеній, которыя намъ неизвѣстны, и прежде всего отъ воли верховной власти. Мы хотѣли бы только разъяснить, по возможности, выгоды и недостатки этихъ различныхъ способовъ законодательства и показать отношеніе ихъ къ интересамъ дворянства и государства.

Никто не станетъ отрицать, какъ общее начало, что законодательство, имѣющее живую связь съ народомъ, заклю-

чаетъ въ себѣ гораздо болѣе залоговъ силы, примѣнимости и соотвѣтствія настоящимъ нуждамъ страны, нежели законодательство составленное бюрократическимъ путемъ. Неоспоримо и то, что правительство, которое довѣряется выборнымъ отъ сословій, пріобрѣтаетъ черезъ это, съ своей стороны, огромное довѣріе и поддержку. Несомнѣнно, наконецъ, и то, что гласное обсужденіе общихъ вопросовъ развиваетъ въ обществѣ практическій и политическій смыслъ, необходимый для дѣятельности. Но не надобно упускать изъ вида и другія стороны вопроса. У насъ всякое требованіе основывается на однихъ общихъ началахъ, на какихъ-то смутныхъ представленіяхъ, и мало найдется людей, которые бы давали себѣ отчетъ въ практическомъ способѣ осуществленія своихъ желаній, въ тѣхъ условіяхъ, которыя для этого требуются, въ тѣхъ препятствіяхъ, которыми общее начало обстановлено въ жизни. На эти-то стороны предмета мы бы желали обратить вниманіе читателей.

Вызовъ экспертовъ — отличное дѣло по спеціяльнымъ вопросамъ; но когда рѣчь идетъ объ общихъ интересахъ сословій, когда нужно слышать голосъ каждаго, тогда этотъ способъ весьма недостаточенъ. Этимъ путемъ не установляется живая связь между законодательствомъ и народомъ, не возбуждается довѣріе къ закону. Сословіе, которое хочетъ заявить свои желанія, остается недовольнымъ тѣмъ, что выборъ экспертовъ не предоставленъ ему самому. Нерѣдко можетъ случиться, что самые эксперты, уступая сословнымъ требованіямъ, откажутся отъ своего призванія, а тѣ, которые примутъ предложеніе, станутъ, вмѣстѣ съ своимъ дѣломъ, предметомъ общественнаго негодованія. Такимъ образомъ, въ общихъ вопросахъ, законодательство можетъ найти опору въ народѣ только при вызовѣ депутатовъ.

Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: составятъ ли депутаты общее собраніе или останутся разъединенными? Въ послѣднемъ случаѣ можно воспользоваться совѣтами каждаго, можно услышать голосъ страны, а между тѣмъ совокупное совѣщаніе не дастъ мнѣніямъ депутатовъ такого вѣса, который могъ бы служить препятствіемъ для свободной дѣятельности правительства. Но съ другой стороны, нельзя скрывать отъ себя недостатковъ подобнаго учрежденія. Если вопросъ касается только извѣстной мѣстности, то вызовъ отдѣльныхъ депутатовъ не представляетъ никакихъ неудобствъ. Но какъ скоро вопросъ обобщается, такъ становится необходимымъ собрать депутатовъ по крайней мѣрѣ отъ значительной части страны, а какъ скоро они съѣдутся вмѣстѣ, принадлежность къ одному сословію и единство интересовъ естественно породятъ въ нихъ неодолимое стремленіе къ соединенію. Всѣ усилія разорвать этотъ союзъ могутъ вести только къ раздраженію умовъ. Вмѣсто довѣрія возбуждается неудовольствіе, вмѣсто разумныхъ совѣщаній происходятъ раздраженные споры, и это неудовольствіе, по отъѣздѣ депутатовъ, распространится и въ провинціяхъ. Однимъ словомъ, вызывать депутатовъ, не дозволяя имъ соединяться, значитъ возстановлять ихъ противъ себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлять и избирателей. Едва ли отъ подобнаго способа можно ожидать удовлетворительнаго законодательства. Особенно во времена раздраженія давать мало, давать неискренно и съ опасеніями — хуже, нежели ничего не давать.

Если же правительство рѣшается соединить депутатовъ въ одно собраніе, то представляется возможность нейтрализовать ихъ, пріобщая ихъ къ законодательному сословію, составленному изъ назначенныхъ правительствомъ сановниковъ, въ родѣ нашего государственнаго совѣта. Однако

и здѣсь представляется затрудненіе. Въ обширномъ государствѣ число депутатовъ будетъ больше, нежели число сановниковъ, слѣдовательно нейтрализованы будутъ послѣдніе, а не первые. Если же депутатамъ будетъ предоставлено только право предъявлять свои мнѣнія, безъ права голоса, то опять, вмѣсто правильной, законодательной дѣятельности, произойдетъ раздраженіе. Оба несовмѣстные другъ съ другомъ элемента будутъ враждовать между собою, при чемъ трудно ожидать хорошихъ результатовъ.

Этихъ неудобствъ можно избѣгнуть только отдѣленіемъ собранія депутатовъ отъ собранія сановниковъ и представленіемъ совѣщательныхъ рѣшеній первыхъ на обсужденіе вторыхъ, такъ же, какъ въ конституціонныхъ государствахъ законъ, прошедши черезъ палату депутатовъ, восходитъ на обсужденіе перовъ, назначенныхъ королемъ. Это приводитъ насъ къ четвертому предположенію — къ совѣщательному собранію представителей отъ сословій.

Такое собраніе, какъ мы уже сказали, не представляетъ ничего, несовмѣстнаго съ самодержавною властью. Но оно требуетъ извѣстныхъ условій, чтобы оно могло принести пользу. Прежде всего представляется вопросъ: какія сословія должны въ немъ участвовать и всѣ ли на это способны?

Мы уже сказали выше, что отвлеченное начало равноправности должно въ государственной жизни видоизмѣняться началомъ способности. Едва ли кто станетъ утверждать, что наши крестьяне способны къ законодательной дѣятельности. На это нужны общія соображенія, которыя совершенно выходятъ изъ ихъ круга зрѣнія. Не имѣя понятія объ отношеніи частныхъ интересовъ къ государственнымъ, они, если не пошлютъ совершенныхъ невѣждъ изъ своей среды, какъ это дѣлалось во многихъ странахъ, — легко поддадутся всякому постороннему краснобаю, который увѣритъ

ихъ, что будетъ стоять за нихъ грудью. Такой элементъ въ собраніи представляетъ мало надежды на успѣхъ. При неспособности крестьянъ понимать государственные вопросы, выборные ихъ люди не будутъ представлять настоящихъ ихъ интересовъ; они будутъ безполезны для собранія и въ тягость самимъ избирателямъ. Въ древней Россіи крестьяне вовсе не участвовали въ земскихъ думахъ, которыя созывались царями. Они были на соборѣ, который выбиралъ Михаила Ѳедоровича; но это было не совѣщаніе о государственныхъ дѣлахъ, а возвращеніе полновластія въ руки народа, котораго всѣ части должны были собраться для возстановленія государства.

Не много бо́льшей законодательной способности можно ожидать и отъ нашего купечества. Въ этомъ убѣждаетъ насъ роль, которую играютъ выборные отъ купечества въ губернскомъ управленіи. Обыкновенно засѣдатели отъ купечества и отъ крестьянъ совершенно стираются въ присутственныхъ мѣстахъ. По нашему мнѣнію, для того чтобъ сословіе могло дѣйствовать общими силами въ центрѣ, гдѣ соображенія шире и многосложнѣе, гдѣ требуется болѣе образованности, необходима предварительная подготовка на мѣстѣ. Въ мѣстномъ управленіи сословія могутъ сблизиться, окрѣпнуть и свыкнуться съ обсужденіемъ общественныхъ дѣлъ. Тогда возможно будетъ открыть имъ и болѣе широкое поприще. На первыхъ же порахъ очевидно, что единственное сословіе, которое можетъ имѣть голосъ и вѣсъ, есть дворянство. Но при такомъ исключительномъ преобладаніи дворянства въ законодательствѣ, нельзя не опасаться, что государственные интересы будутъ принесены въ жертву интересамъ сословнымъ.

Въ настоящее время, на первомъ планѣ стоитъ вопросъ крѣпостной. Въ развязкѣ этого дѣла интересы помѣщиковъ

прямо противоположны интересамъ крестьянъ. Какъ скоро дворянство получитъ законодательное представительство, которое будетъ имѣть вѣсъ и значеніе, такъ разрѣшеніе крѣпостнаго вопроса неизбѣжно склонится на его сторону. Равновѣсіе сословій будетъ нарушено; справедливость будетъ принесена на жертву частнымъ выгодамъ сословія. Мы стоимъ за политическое преобладаніе дворянства; но въ настоящее время у него, по весьма естественной причинѣ, сословный вопросъ слишкомъ рѣзко выставляется на первый планъ, а потому права его не могутъ получить надлежащаго развитія.

Если же, чего трудно ожидать, дворянство, въ своихъ притязаніяхъ, встрѣтитъ отпоръ со стороны представителей отъ крестьянъ, то опять, вмѣсто спокойнаго обсужденія законодательныхъ вопросовъ, возгорится вражда сословій, чего слѣдуетъ избѣгать, во что бы ни стало. Сословные вопросы, особенно при разгарѣ страстей, должны разрѣшаться не самими сословіями, а высшею властью, которая одна въ состояніи сохранить должное безпристрастіе.

По этимъ причинамъ, мы полагаемъ, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, совѣщательное собраніе изъ представителей отъ сословій представляетъ слишкомъ большія затрудненія для государства. Въ настоящую минуту всѣ мы, русскіе, отъ мала до велика, всѣ, кому дорого отечество, должны имѣть въ виду одно великое дѣло—освобожденіе крестьянъ. Теперь не мѣсто для раздоровъ, нареканій и требованій. Мы всѣ должны подать другъ другу руку, чтобы общими силами разрѣшить этотъ коренной вопросъ для русской земли. Забывая свои частныя сѣтованія и потери, мы должны поддерживать власть, которая руководитъ этимъ дѣломъ.

Главная роль принадлежитъ здѣсь дворянству. Оно сдѣлало уже много. Губернскіе комитеты подготовили законъ

освобожденія; изъ среды дворянства назначены мировые посредники, на плечахъ которыхъ лежитъ спокойствіе и благосостояніе Россіи. Теперь русское дворянство должно показать, что имъ владѣетъ духъ политическій, а не сословный, что оно имѣетъ въ виду не частныя свои выгоды, а интересы отечества. Если оно свято исполнитъ свое дѣло, если оно явится достойнымъ своего призванія,—оно заслужитъ вѣчную благодарность русскихъ людей, и тогда предъ нимъ откроется гораздо болѣе блистательное поприще, нежели то, на которомъ оно могло подвизаться при крѣпостномъ правѣ.

VI.

ЧТО ТАКОЕ СРЕДНЕЕ СОСЛОВІЕ?

Противъ сохраненія дворянства, какъ отдѣльнаго сословія, ратуетъ не только «*День*», но и «*Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника*», которая предлагаетъ уничтожить всѣ сословныя перегородки, и выборы отъ отдѣльныхъ сословій замѣнить выборами отъ всего земства.

Англійскіе публицисты, говоритъ «*Русскій Вѣстникъ*», находятъ вредными горизонтальныя, то есть сословныя раздѣленія народа, и безвредными — вертикальныя, то есть раздѣленія на партіи. Естественно, что «*Русскій Вѣстникъ*» пожелалъ и въ Россіи горизонтальныя раздѣленія замѣнить вертикальными. Онъ не остановился передъ тѣмъ, что горизонтальныя раздѣленія выработались у насъ тысячелѣтіемъ, а вертикальныя вовсе не существуютъ или существуютъ въ смутныхъ и шаткихъ зародышахъ. Его не удержало и то, что самые Англичане, при всей любви къ вертикальнымъ дѣленіямъ, не снимаютъ однако изъ своего общественнаго быта верхняго пласта, то есть аристократіи, и что нигдѣ нѣтъ столькихъ классовъ, возвышающихся другъ надъ другомъ, какъ именно въ Англіи. Аристократія выросла у нихъ изъ исторической почвы, она имъ полезна; они ее сохраняютъ. «*Русскому Вѣстнику*» не худо бы обратить вниманіе на эти практическіе пріемы Англичанъ, которые гораздо существеннѣе ихъ теорій.

Но «*Русскій Вѣстникъ*», вопреки русской исторіи, вопреки очевиднымъ фактамъ, которые указываютъ не только на юридическую, но и на жизненную раздѣльность сословій, увѣряетъ, что у насъ нѣтъ фундамента для сословныхъ перегородокъ. По мнѣнію «*Русскаго Вѣстника*», если въ Россіи нѣтъ средняго сословія, заключающаго въ себѣ просвѣщенныя общественныя и политическія силы, то его не зачѣмъ и создавать искусственнымъ путемъ; средній классъ можетъ образоваться изъ большинства нынѣшняго дворянства. Наконецъ, «*Русскій Вѣстникъ*» утверждаетъ, что понятіе о среднемъ сословіи, которое мы выставили въ первой статьѣ о русскомъ дворянствѣ, не что иное, какъ слѣпое соединеніе мыслей Аристотеля, явленій французской исторіи и механически затверженныхъ терминовъ. Еслибы «*Русскій Вѣстникъ*» потрудился подумать немного о томъ, что̀ мы хотѣли сказать, и связалъ бы воедино различныя свойства средняго сословія, — онъ, вѣроятно, увидѣлъ бы здѣсь нѣчто болѣе, нежели отсутствіе мысли. Все дѣло въ томъ, что для «*Русскаго Вѣстника*» эта мысль не ясна.

Среднее состояніе мы находимъ въ бо́льшемъ или меньшемъ развитіи у всѣхъ народовъ. Какъ общественная стихія, которая вырабатывалась исторически, при весьма разнообразныхъ условіяхъ, оно, разумѣется, испытывало множество видоизмѣненій: въ одномъ мѣстѣ выражалась преимущественно одна его сторона, въ другомъ — другая. Но существенныя его черты можно привести къ двумъ главнымъ категоріямъ.

Прежде всего, это понятіе количественное: оно означаетъ среднее положеніе въ обществѣ, не слишкомъ высокое и не слишкомъ низкое. Какъ звѣно, соединяющее обѣ крайности, оно естественно служитъ въ народѣ связующимъ элементомъ. Но общественное положеніе дается не только

богатствомъ, а также рожденіемъ, занятіями, образомъ жизни, сферою, въ которой вращается человѣкъ, и здѣсь къ количественному опредѣленію присоединяется качественное.

Высшее общественное положеніе принадлежитъ политической жизни; оно дается участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ. Положеніе отца естественно передается сыну; оно становится наслѣдственнымъ, силою факта, если не по праву. Низшее положеніе, напротивъ, занимаютъ, по самой природѣ вещей, массы народа, преданныя физическому труду и мало доступныя образованію. Между этими крайностями является состояніе среднее, которое заключаетъ въ себѣ всѣ частныя профессіи, требующія нѣкотораго достоянія или образованности. Къ нимъ можетъ присоединиться и низшая государственная служба, которая, занимая середину между высшимъ положеніемъ и среднимъ, можетъ принадлежать къ тому или другому.

Это качественное различіе развилось въ исторіи новыхъ народовъ въ цѣлыя сословія, съ опредѣленной юридической организаціею. Высшее общественное положеніе заняло дворянство, сословіе наслѣдственное, политическое и землевладѣльческое. Почему къ политическому значенію присоединилось землевладѣльческое, — объ этомъ мы достаточно распространились въ статьяхъ о дворянствѣ. Низшее сословіе составили крестьяне, сначала крѣпостные, потомъ болѣе или менѣе свободные. Характеръ обоихъ сословій, въ большей или меньшей степени, состоялъ въ наслѣдственности, стойкости и неподвижности. Но это были двѣ крайности, которыя, хотя могли соприкасаться въ нѣкоторыхъ точкахъ, но въ сущности далеко отстояли другъ отъ друга. Связующій элементъ общества вышелъ не изъ села, а изъ города. Городъ — центръ движимой собственности, частной промышленности и образованія; городъ, по природѣ своей,—

главное средоточіе средняго состоянія. Этотъ личный, подвижной элементъ труда и образованія могъ въ безчисленныхъ градаціяхъ проникать въ высшія сферы и опускаться въ низшія, разбивая всѣ перегородки и соединяя сословія въ одну общественную массу. Это сліяніе тѣмъ возможнѣе, чѣмъ болѣе силы носитъ въ себѣ это среднее, городовое сословіе.

Что-же мы видимъ у насъ? Въ Россіи дворянство и крестьяне, до послѣдней минуты, составляли двѣ, безконечно отстоявшія другъ отъ друга крайности властителей и подвластныхъ; а среднее сословіе, относительно малочисленное, представляетъ, съ одной стороны — богатство, не связанное съ образованіемъ, а съ другой стороны — слишкомъ еще шаткое и скудное образованіе, не соединенное съ богатствомъ. Искусственно создавать въ Россіи среднее сословіе вовсе не нужно; оно уже существуетъ. Бѣда въ томъ, что оно содержитъ въ себѣ слишкомъ еще мало просвѣщенныхъ силъ. Что жь выйдетъ, если присоединить къ нему значительную часть дворянства?

Мы убѣждены, что такая операція невозможна, какъ въ силу господствующаго сословнаго духа, такъ и потому, что наше дворянство, по своему наслѣдственному и землевладѣльческому типу, долго не можетъ принять характеръ средняго сословія. Но допустимъ даже и это; допустимъ, что немыслимо, что оба сословія сольются и будутъ въ состояніи дѣйствовать заодно. При уничтоженіи сословныхъ перегородокъ, при паденіи наслѣдственности, преобладающею силою сдѣлается личный элементъ труда и образованія. Спрашиваемъ у всякаго человѣка, разумно смотрящаго на состояніе нашего общества: возможно ли у насъ сколько-нибудь положиться на эту силу и основать на ней какой-нибудь политическій порядокъ? Наконецъ, что останется на

верху? Изъ кого и изъ чего составятся независимыя политическія положенія, могущія имѣть вѣсъ въ государствѣ? Съ паденіемъ сословій, не придвинемся ли мы ближе къ Азіи, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ Европѣ?

Всякая политическая организація основана на распредѣленіи существующихъ въ народѣ общественныхъ силъ. Уничтожить существующую организацію можно только тогда, когда силы перемѣстились, когда возможно замѣнить ее новою, столь же крѣпкою, какъ и прежняя. Наслѣдственность положенія есть политическая сила; юридическая опредѣленность сословій есть также сила, потому, что она сословію сообщаетъ крѣпость, единство и вѣсъ. Отбросить эти двѣ силы, какъ обветшалыя, можно только тогда, когда личные и свободные элементы общества получили довольно крѣпости, чтобы жизненною своею организаціей служить разумною опорою для государства. Тогда можно обойдтись безъ юридическихъ перегородокъ; тогда сословія превращаются въ классы; тогда является преобладаніе средняго сословія, котораго сущность заключается въ этихъ элементахъ. Уничтожать же наслѣдственность и юридическія границы, пока свободныя силы еще не образовались и не устроились, значитъ установлять шаткость всѣхъ отношеній и водворять анархію въ обществѣ. Въ настоящее время, при отмѣнѣ крѣпостнаго права, при совершенномъ измѣненіи хозяйственныхъ и юридическихъ отношеній двухъ главныхъ сословій въ государствѣ, при томъ броженіи, которое господствуетъ въ обществѣ, и безъ того трудно сказать, на что можно опереться, за что можно ухватиться. Опрокиньте остальныя грани, расшатайте зданіе во всѣхъ его концахъ, подъ предлогомъ послѣдовательнаго развитія началъ, тогда изчезнетъ послѣдняя возможность справиться съ бродячими стихіями и установить какой-нибудь порядокъ;

тогда нѣтъ предѣла произволу и случайностямъ. Тѣ немногія силы, которыя, соединенныя и организованныя, могли бы получить вѣсъ и служить центромъ тяжести при общественномъ шатаніи, распущенныя въ массѣ, потеряютъ свою крѣпость. Тогда всплыветъ та пѣна, которая обыкновенно выбрасывается на верхъ общественнымъ броженіемъ. При отсутствіи у насъ самыхъ элементарныхъ понятій о правѣ, о потребностяхъ порядка, объ общественномъ устройствѣ, при паденіи всякихъ твердыхъ преградъ, всякихъ положительныхъ точекъ опоры, выдвинутся впередъ съ неотразимою силою легкомысленные планы и самыя мечтательныя притязанія. Хаосъ—вотъ въ настоящее время единственное возможное послѣдствіе господства пресловутаго земства.

Скажутъ, что свобода сама, естественнымъ путемъ, организуетъ общественныя силы, что все само собою уладится, устроится, придетъ въ новый, лучшій порядокъ. Со временемъ — да. Но пока у насъ въ обществѣ образуется твердое зерно, пока сложатся такія крѣпкія партіи, какъ англійскіе тори и виги, которые ищутъ только практически-полезнаго, знаютъ чего хотятъ, дѣйствуютъ дружно и всегда готовы поддержать правительственную власть, — пройдутъ десятки лѣтъ. А что будетъ до того времени? Существующее можно замѣнять только существующимъ; уничтожать его во имя возможнаго — дѣло мечтателя, а не политика. Въ статьѣ о дворянствѣ, не зная о намѣреніяхъ «*Русскаго Вѣстника*», мы сказали, что уничтожить дворянство, не замѣняя его другою, существующею силою, просто распустить его въ земствѣ,—немыслимо для всякаго человѣка, который имѣетъ малѣйшее понятіе о политическихъ дѣлахъ. Мы не догадались, что за этимъ можетъ скрываться желаніе устроить вертикальныя дѣленія общества, по теоріи англійскихъ публицистовъ.

При настоящихъ условіяхъ русской жизни, дворянство остается не старикомъ, доживающимъ свой вѣкъ, и не жертвою, ожидающею своего закланія отъ окрѣпшаго средняго сословія. Нѣтъ; оно призвано играть значительную роль въ судьбахъ Россіи. Съумѣетъ ли оно ее исполнить — за это никто ручаться не можетъ. Но внѣ его мы видимъ еще менѣе силъ, могущихъ быть политическими двигателями и руководителями общества, мы видимъ еще менѣе задатковъ разумной и самостоятельной общественной дѣятельности. Затѣмъ, изчезнетъ ли оно со временемъ, какъ сословіе, падутъ ли юридическія преграды подъ напоромъ свободныхъ общественныхъ стихій, превратятся ли сословія въ классы,— это дѣло дальнѣйшаго движенія народной жизни. Въ настоящее время и въ ближайшей будущности дворянство можетъ оказать отечеству великія услуги и занять почетную страницу въ исторіи русскаго народа. Бо́льшаго никто себѣ желать не можетъ. Въ дѣлахъ человѣческихъ неумѣстно притязаніе на вѣчность.

VII.

ЧТО ТАКОЕ ОХРАНИТЕЛЬНЫЯ НАЧАЛА?

1.

Россія вступила въ эпоху преобразованій. Всѣ чувствуютъ въ нихъ потребность — и правительство, и народъ. Старый порядокъ оказался несостоятельнымъ; мы стремимся къ новому, лучшему будущему.

Естественно, что въ такую пору все негодованіе либеральнаго общественнаго мнѣнія обращается на защитниковъ отживающей старины. Слово: консерваторъ сдѣлалось у насъ пугаломъ. При этомъ звукѣ русскій либералъ кипитъ злобой. Консерваторы виноваты во всемъ: и въ нашей лѣни, и въ нашемъ невѣжествѣ, и во взяткахъ, которыя существуютъ тысячу лѣтъ, и въ томъ, что Россія не такъ богата, какъ Англія, и въ томъ, что привозится больше товаровъ, нежели вывозится, и въ томъ, что нельзя выпустить заразъ на 500 милліоновъ новыхъ ассигнацій, и въ томъ, наконецъ, что съ неба не падаетъ талисманъ, который бы внезапнымъ чудомъ разрѣшилъ всѣ общественные вопросы къ удовольствію всѣхъ и каждаго. Консерваторъ у насъ — синонимъ съ тупымъ равнодушіемъ къ общественному благу, съ презрѣніемъ къ народу, съ своекорыстіемъ вельможъ, съ нахальствомъ чиновниковъ, съ лестью, обманомъ и лихоимствомъ. Въ его черной душѣ таится одно лишь гнусное стремленіе къ чинамъ и карьерѣ. Малѣйшій оттѣнокъ кон-

серватизма немедленно ставитъ человѣка въ разрядъ отсталыхъ, отпѣтыхъ людей, и дѣлаетъ его предметомъ насмѣшекъ, брани и клеветы.

Консерваторамъ, старикамъ, противополагается молодежь. Не дѣйствительная молодежь, не та, которая, съ непогасшимъ еще огнемъ идеальныхъ стремленій, работаетъ, готовясь на жизнь, а молодежь, какъ нарицательное имя. Въ ея ряды съ жадностью вступаютъ и старцы, украшенные сѣдинами, хотя, разумѣется, 17-ти лѣтній юноша всегда сохраняетъ преимущество даже надъ 30-ти лѣтнимъ мужчиною, который искушенъ уже соблазнами жизни, успѣлъ отвѣдать запрещеннаго плода бюрократіи. Молодежь— это все то, что въ мысляхъ, но въ особенности на словахъ, окончательно раздѣлалось со старымъ, не успѣвши придумать ничего новаго; все, что вѣчно кипитъ и негодуетъ, неизвѣстно часто зачѣмъ; все, что ратуетъ во имя свободы и не терпитъ чужаго мнѣнія; все, что выѣзжаетъ на фразахъ, не давая себѣ труда изучить и понять существующее; все, что выкинуло изъ своихъ понятій категоріи дѣйствительнаго и возможнаго, и осталось при однихъ лишь безграничныхъ требованіяхъ и ничѣмъ не сдержанныхъ увлеченіяхъ.

Бѣдная молодожь! зачѣмъ твоимъ привлекательнымъ именемъ окрестили это безпутное казачество, которое называется современнымъ или передовымъ направленіемъ въ Россіи? Впрочемъ, и настоящую молодежь успѣли сбить съ толку. Какъ не повѣрить, когда юношѣ безпрестанно твердятъ: «все старое — дурно, все новое — хорошо, ополчайся на враговъ прогресса, Россія возложила на тебя свои надежды!» И юноша всѣмъ пыломъ свѣжей души ненавидитъ непонятое имъ старое, и жаждетъ неизвѣстнаго ему новаго.

Но что же это, въ самомъ дѣлѣ? что такое консерватизмъ, который возбуждаетъ столь благородное негодованіе? что за

прогрессъ, котораго мы должны желать, какъ манны небесной? Обращаясь къ другимъ странамъ, мы видимъ, что тамъ, во главѣ охранительной партіи стояли часто люди далеко не рядовые. Великій Питтъ былъ консерваторъ, сэръ Робертъ-Пиль былъ консерваторъ; Гизо, Нибуръ, Савиньи были консерваторы. Вездѣ, гдѣ существуетъ политическая свобода, охранительная партія является одною изъ дѣйствующихъ силъ; безъ нея политическая жизнь становится почти невозможною. Очевидно, что тутъ нѣчто болѣе, нежели тупая рутина или привязанность къ матеріяльнымъ выгодамъ, которыя доставляются существующимъ порядкомъ. Въ основаніи этой силы лежатъ начала, которыя коренятся глубоко въ свойствахъ человѣческаго духа и управляютъ развитіемъ человѣческихъ обществъ.

Многіе представляютъ себѣ прогрессъ въ видѣ безконечнаго движенія впередъ. Точно люди взапуски бѣгутъ къ скрывающейся вдали цѣли. Первенство принадлежитъ тому, кто бѣжитъ скорѣе, кто, скинувъ съ себя все ненужное бремя, даже самую одежду, налегкѣ пускается въ путь и перегоняетъ соперниковъ. Или, если мы представимъ человѣческое общество въ видѣ корабля, плывущаго по волнамъ исторіи, то прогрессисты этого рода сочтутъ себя обязанными столпиться на самой передней части носа, забывая, что не оттуда управляютъ рулемъ; они найдутъ ходъ корабля слишкомъ медленнымъ, они ополчатся на капитана за то, что онъ не распускаетъ всѣхъ парусовъ; они захотятъ опередить самое судно, кидаясь впередъ въ волны океана, не имѣющаго ни границъ, ни покоя, какъ ихъ собственныя требованія и мечты. Другіе пассажиры, напротивъ, вознегодуютъ за то, что корабль идетъ не тѣмъ путемъ, какимъ бы они хотѣли. Они также кидаются въ волны, только не спереди, а сзади, и также, какъ первые, изчезаютъ

въ безбрежномъ океанѣ напрасныхъ сожалѣній. А корабль идетъ себѣ своимъ мѣрнымъ ходомъ, оставляя позади и негодующихъ, и нетерпѣливыхъ. Экипажъ и пассажиры распредѣляются въ немъ каждый на своемъ мѣстѣ; сзади всѣхъ стоитъ кормчій, который управляетъ его бѣгомъ. Вой бури, колыханіе океана, крикъ и толки пассажировъ — все это ни почемъ. Бѣда только, если кормчій покинетъ свое мѣсто, и побѣжитъ впередъ за прогрессистами или же своротитъ судно противъ вѣтра и волнъ, въ угоду вздыхателямъ о быломъ.

Прогрессъ не состоитъ въ вѣчномъ, безостановочномъ движеніи впередъ. Исторія народовъ — не вода, которая течетъ непрерывно, потому что не имѣетъ въ себѣ твердыхъ стихій, которыя бы удерживали ее на мѣстѣ. Исторія есть развитіе внутреннихъ силъ, углубленіе въ себя, изложеніе тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ существѣ человѣческаго духа. Они-то составляютъ основу общественной организаціи; около нихъ, какъ около зерна, группируются кристаллы общественной жизни.

Общество состоитъ изъ лицъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою самостоятельную жизнь, свой маленькій міръ частныхъ стремленій и интересовъ. Но лица не замыкаются въ этой тѣсной сферѣ; это не разсѣянныя единицы, которыя скрѣпляются внѣшнею механическою силою. Духовная жизнь человѣка состоитъ въ единеніи съ другими; лица связываются между собою общеніемъ мыслей, интересовъ, нравственныхъ идей, въ силу которыхъ человѣкъ видитъ въ человѣкѣ товарища, помощника и брата. Эти общія начала суть историческія силы, которыя владычествуютъ надъ людьми и соединяютъ ихъ въ постоянныя, болѣе или менѣе прочно-организованныя группы. Таковы: семейство, сословіе, церковь, государство. Высшіе организмы, напримѣръ

государство, сами слагаются изъ отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ каждая связуется присущимъ ей общественнымъ или нравственнымъ началомъ. Разумная жизнь каждаго человѣка состоитъ въ томъ, что онъ примыкаетъ къ той или другой группѣ, наполняется общимъ ея содержаніемъ и самъ дѣйствуетъ на ея пользу. Такимъ образомъ, человѣческое общество составляетъ сложный организмъ, скрѣпленный внутренними, твердыми началами, которыя не даютъ ему бродить по прихоти случая, или разсыпаться при первомъ толчкѣ.

Еслибы эти скрѣпляющія, зиждущія начала общественнаго устройства вѣчно оставались одни и тѣ же, общество пребывало бы неподвижнымъ. Его развитіе, какъ ростъ дерева, состояло бы единственно въ прибавленіи новыхъ вѣтвей къ существующимъ, въ количественномъ возрастаніи силъ. Но человѣческій духъ, углубляясь въ себя, излагая свои опредѣленія, проходитъ чрезъ различныя формы, которыя, составляя развитіе одной духовной природы, тѣмъ не менѣе качественно отличаются другъ отъ друга. Вслѣдствіе этого, историческое развитіе представляетъ рядъ органическихъ формацій, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои связующія начала, нерѣдко противоположныя прежнимъ. Отсюда борьба стараго съ новымъ, отсюда движеніе, которое измѣняетъ существующее устройство. Но цѣль всякаго движенія не просто освобожденіе лица отъ прежнихъ опредѣленій, а переходъ къ новымъ органическимъ началамъ, къ новому, крѣпкому строенію жизни. Движеніе для движенія не только безсмысленно, но и гибельно для общества. Одною проповѣдью свободы, однимъ разрушеніемъ стараго, въ надеждѣ, что изъ этого что-нибудь выйдетъ, водворяется только анархія, которая, въ силу присущей человѣку потребности органическихъ началъ, сама приводитъ къ реакціи, но

которая слишкомъ дорого обходится народу, не умѣвшему ея предупредить.

Изъ этого отношенія основныхъ началъ жизни къ элементамъ движенія, ясно отношеніе охранительной партіи къ прогрессивной. Послѣдняя представляетъ въ обществѣ элемснтъ движенія. Задача ея — не дать существующему порядку застояться, окаменѣть въ своемъ устройствѣ; она пробуждаетъ дремлющія силы и содѣйствуетъ переходу жизни въ новую, высшую форму. Но чисто прогрессивное направленіе неспособно къ организаціи; за прелестью свободы, за безпокойствомъ движенія, оно слишкомъ часто забываетъ, что общество нуждается въ твердыхъ основахъ, въ постоянныхъ жизненныхъ началахъ, за которыя бы оно могло держаться, вокругъ которыхъ оно могло бы окрѣпнуть. Уразумѣніе этихъ жизненныхъ основъ — вотъ задача охранительной партіи. Она ихъ педремлющій сторожъ и защитникъ. Она допускаетъ перемѣны только во имя началъ организующихъ, а не разлагающихъ. Разгулу свободы, шатанію мысли, она противополагаетъ тѣ силы, которыя связываютъ общество и даютъ ему внутреннюю крѣпость. Гдѣ нѣтъ партіи прогресса, тамъ народъ погружается въ восточную неподвижность; но гдѣ нѣтъ охранительной партіи, тамъ общественный бытъ представляетъ только безсмысленный хаосъ, вѣчное броженіе, анархію, немыслимую въ разумномъ общежитіи. Безъ первой — невозможно движеніе, но безъ второй невозможна никакая организація, невозможна, слѣдовательно, гражданская жизнь, и все, что̀ даетъ высшее значеніе человѣку. Горе народу, который извергнетъ изъ своей среды охранительныя начала!

Таково существенное значеніе консервативнаго направленія, такова роль его въ обществѣ. При этихъ основныхъ чертахъ, оно можетъ, однако, принимать различные виды.

2.

Главная сила охранительной партіи всегда лежитъ въ безсознательномъ инстинктѣ народныхъ массъ. Огромное большинство людей живетъ непосредственнымъ чувствомъ, привычкою, безотчетнымъ пріобщеніемъ къ той средѣ, въ которой они родились, воспитались и дѣйствуютъ, съ которою переплетены всѣ ихъ интересы. Нуженъ въ обществѣ страшный разладъ или вопіющая неправда, чтобы возбудить въ массахъ ненависть къ существующему порядку. Пока жизнь сносна, народъ естественно подчиняется силѣ обычая, дорожитъ преданіемъ, отвращается отъ новизны и преклоняется передъ вѣковымъ авторитетомъ.

Но на безсознательномъ чувствѣ народа нельзя основать разумной гражданской жизни. Высшее значеніе человѣка состоитъ въ сознаніи; въ немъ та духовная сила, которая движетъ исторію народовъ. Поэтому во главѣ общества всегда стоятъ высшіе классы, въ которыхъ развивается разумное сознаніе. Если охранительная партія хочетъ удержать свое общественное значеніе, она, въ силу неизбѣжнаго закона, должна возвести свои начала къ сознательной мысли. «Сознавай себя или гибни!» таковъ приговоръ исторіи.

Между тѣмъ, и на вершинахъ общества охранительное направленіе нерѣдко опирается на одну рутину, на слѣпую привязанность къ старинѣ, на идолопоклонство передъ существующимъ порядкомъ. Пока общество дремлетъ, это направленіе можетъ въ немъ господствовать; но какъ скоро пробудилась общественная мысль, оно съ трудомъ противостоитъ напору даже слабаго разумѣнія. Окончательно оно удержаться не въ силахъ. Въ рукахъ консерваторовъ-рутинистовъ, существующій порядокъ обреченъ на паденіе.

Охранительная партія въ Европѣ не осталась при этой низшей своей формѣ. Она развила свои начала въ сознательное ученіе, въ міровую доктрину, которую она противоставила революціонной пропагандѣ. Французская революція выступила во имя правъ человѣка, во имя свободы и равенства. Одностороннее развитіе этихъ началъ и нравственное безсиліе существующей власти повели къ анархіи, изъ которой естественнымъ ходомъ вещей возникъ деспотизмъ. Наполеонъ возстановилъ ослабленную власть и тѣмъ утвердилъ революцію, придавъ ей организующіе элементы, безъ которыхъ она не могла существовать. Но злоупотребленіе силы повело къ паденію завоевателя; приверженцы стараго порядка остались побѣдителями и уничтожили всѣ слѣды революціонныхъ властей. Какъ же воспользовались они своимъ торжествомъ? Охранительныя начала были возведены въ абсолютную теорію, которая утверждала власть на божественномъ установленіи и безусловно отрицала всякое движеніе, всякія народныя права: задачею властителей Европы сдѣлалось возвращеніе къ старымъ формамъ, подавленіе революціонныхъ попытокъ вездѣ, гдѣ бы онѣ ни проявлялись. Задача односторонняя и отрицательная. Охранительная система двадцатыхъ годовъ была скорѣе реакціею противъ историческаго движенія новаго времени, нежели уразумѣніемъ истинныхъ основаній современныхъ обществъ. Движеніе могло быть временно сдержано, но не подавлено. Существенныя потребности европейскихъ народовъ проявились тѣмъ съ большею силою, чѣмъ меньше имъ было дано законнаго исхода, и охранительная система пала среди анархическаго броженія, которое было вызвано собственною ея ограниченностью и упорствомъ.

Возобновлять подобныя попытки, воскрешать отжившія теоріи—безумно. Въ новомъ бою не слѣдуетъ вытаскивать

заржавленное оружіе изъ стараго арсенала. Оно окажется негоднымъ и сломается въ рукахъ тѣхъ, кто захочетъ его употреблять.

Иного рода консервативная система установилась во Франціи послѣ іюльской революціи. Здѣсь она явилась не подъ знаменемъ абсолютизма, а выступила во имя болѣе либеральной, хотя столь же безусловной теоріи конституціонной монархіи. Это ученіе должно было служить противодѣйствіемъ революціонному направленію и демократіи. Конституціонная монархія сомкнулась въ тѣсный кружокъ, который выдавался за единственный, способный управлять государствомъ. Лозунгомъ ея сдѣлалось сопротивленіе всякому преобразованію, въ особенности же расширенію политическихъ правъ. Великій историкъ, который такъ долго стоялъ во главѣ министерства, принялъ на себя возведеніе въ доктрину системы, изобрѣтенной Лудовикомъ-Филиппомъ. Но и здѣсь оказалась несостоятельность этой доктринальной попытки. Престолъ Лудовика-Филиппа рушился, при первомъ движеніи февральской революціи.

Никакая общая теорія не можетъ служить основаніемъ для охранительной системы, по той простой причинѣ, что устройство и потребности обществъ разнообразны до безконечности и измѣняются исторически. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣческія общества зиждутся на нѣкоторыхъ общихъ началахъ, одинаково необходимыхъ для всѣхъ. Власть, судъ, законъ, составляютъ принадлежность каждаго государства. Но на такихъ отвлеченныхъ принципахъ невозможно основать практической программы и положительнаго политическаго направленія. Тутъ нужно содержаніе болѣе живое, болѣе близкое къ дѣйствительнымъ, мѣстнымъ условіямъ среды. Охранительныя начала въ каждомъ обществѣ почерпаются не изъ теорій, а изъ дѣйствительности; они даются

историческимъ развитіемъ народа и настоящимъ его состояніемъ.

Если мы взглянемъ на тѣ охранительныя системы, которыя имѣли успѣхъ, мы увидимъ, что онѣ держались именно этого практическаго направленія. Англійскіе консерваторы не строятъ всемірныхъ ученій; они дѣйствуютъ во имя историческихъ началъ англійскаго народа, измѣняя ихъ сообразно съ наступающими потребностями. Наполеонъ III-й противопоставилъ революціи тѣ элементы власти, которымъ основаніе положено было французскими королями и которыя утверждены могучею рукою Наполеона I-го. Но и французская имперія не отрицаетъ потребностей свободы. Конституціонныя начала вводятся болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ Франція, къ нимъ привыкшая, ощущаетъ въ нихъ нужду.

Въ каждомъ данномъ государствѣ предстоитъ та-же практическая задача. Охранительныя начала будутъ иныя въ демократическомъ правленіи, иныя въ конституціонной монархіи, иныя въ самодержавіи. Тѣ либеральныя учрежденія, которыя, при извѣстномъ состояніи общества, служатъ опорою порядка, при другихъ обстоятельствахъ, производятъ общее разстройство. Вездѣ охранительная партія должна опираться на то, что̀ есть, а не на то, чего можно бы желать.

Первое мѣсто въ существующихъ основахъ общежитія занимаютъ тѣ начала, которыя утвердились преданіемъ, которыя получили силу вѣковымъ своимъ значеніемъ въ исторіи народа. Они составляютъ краеугольный камень всякаго общественнаго устройства. Не слѣпая привязанность къ старинѣ придаетъ имъ это значеніе, а тотъ простой фактъ, что всякое общественное начало тогда только пріобрѣтаетъ дѣйствительную силу, когда оно что-нибудь произвело, ко-

гда съ нимъ связаны жизненные интересы гражданъ, когда люди получили къ нему уваженіе, вслѣдствіе принесенной имъ пользы и той внутренней крѣпости, которую оно проявило на дѣлѣ. Чѣмъ продолжительнѣе эта дѣятельность, тѣмъ самое начало становится болѣе могучимъ. Новый элементъ всегда является слабымъ. При дальнѣйшемъ движеніи жизни, онъ, въ свою очередь, можетъ стать во главѣ развитія и вытѣснить старыя начала; но для этого онъ долженъ окрѣпнуть, дѣйствуя сперва незамѣтно подъ сѣнію старинныхъ силъ. Онъ долженъ на опытѣ доказать свою состоятельность и свое соотвѣтствіе истиннымъ нуждамъ общества. Время утверждаетъ за нимъ право существованія, группируетъ около него интересы, пріобрѣтаетъ ему привязанность народа. Поэтому историческія начала всегда служатъ для охранительной партіи самою твердою точкой опоры.

Но историческія начала изнашиваются, слабѣютъ, теряютъ прежнее свое значеніе. Держаться ихъ во что бы ни стало, при измѣнившихся обстоятельствахъ, при новомъ строеніи жизни, значитъ лишать себя всякой надежды на успѣхъ. Это романтизмъ, а не охранительное направленіе. Если старый камень силою вѣковаго трепія обратился въ песокъ, безумно утверждать на немъ зданіе. Надобно искать новыхъ опоръ, которыя могли бы замѣнить прежнія. Законная монархія имѣла во Франціи огромное историческое значеніе; но нынѣшніе французскіе легитимисты — романтики, а не консерваторы. Они живутъ въ прошедшемъ, а не въ настоящемъ. Такіе же романтики и нѣмецкіе феодалы, которые среди новой жизни мечтаютъ о сохраненіи или даже о возстановленіи средневѣковыхъ формъ.

Если охранительная партія не хочетъ намѣренно связать себя по рукамъ и по ногамъ и ограничиться ролью жертвы,

обреченной на закланіе,—она не можетъ быть врагомъ свободы и преобразованій. Либеральные законы, незыблемыя гарантіи свободы могутъ стать болѣе прочною твердыней общественнаго порядка, нежели шаткость чиновничьяго произвола. Англійскіе консерваторы сами берутъ инпціативу реформъ, когда наступило для этого время. Лудовикъ-Наполеонъ самъ вводитъ конституціонныя начала, потому что во Франціи безъ этого нельзя обойтись. Когда общество движется, невозможно оставаться на мѣстѣ. Но и въ преобразованіяхъ консервативная партія ищетъ тѣхъ основныхъ положеній, изъ которыхъ можетъ развиваться прочная организація. Она остается вѣрна своему характеру. Ея созидающему духу противны мечтательныя требованія, общія фразы, неопредѣленныя надежды, безпокойное броженіе, разрушеніе во имя скрытыхъ силъ и неизвѣстнаго будущаго. Она тогда только соглашается на измѣненіе существующаго, когда на мѣсто стараго можно поставить новое, столь же, если не болѣе прочное, и тогда она это новое охраняетъ съ такою же непоколебимою энергіею, съ какою нѣкогда охраняла отжившую старину.

Такимъ образомъ, если характеръ охранительнаго направленія вѣчно остается одинъ и тотъ же — привязанность къ основнымъ началамъ гражданскаго устройства въ противоположность элементамъ движенія, то содержаніе его измѣняется съ измѣненіемъ самой жизни народа. Вся задача сводится, слѣдовательно, къ практическому пониманію существующаго; надобно отгадать тѣ силы, которыя имѣютъ въ себѣ залогъ прочности, которыя въ данную минуту должны лежать въ основаніи общественной организаціи.

При обыкновенномъ теченіи жизни, сдѣлать это не трудно. Настоящее тѣсно связано съ прошедшимъ; въ жизни дѣйствуютъ тѣ элементы, которые выработались историче-

ски, которые явны для каждаго, отъ которыхъ даже отрѣшиться не легко. Совсѣмъ другое, когда общество находится въ состояніи переходномъ, когда оно обновляется всецѣло, когда преобразованія идутъ по всѣмъ частямъ. Здѣсь мудрено сказать, что̀ слѣдуетъ сохранить и съ чѣмъ надобно проститься, что̀ имѣетъ еще въ себѣ достаточную силу для дальнѣйшаго существованія, и что̀ износилось, обветшало и должно быть отброшено, какъ лишенное существеннаго значенія.

Въ такомъ положеніи находится теперь Россія. Что̀ сохранять тамъ, гдѣ все измѣняется? Благоразумно ли задерживать движеніе тамъ, гдѣ все стремится къ новому порядку?

Къ этому вопросу мы должны теперь обратиться.

3.

Россія обновляется; всѣ части государственнаго управленія подвергаются преобразованію; все движется, стремится, волнуется, негодуетъ; вездѣ борьба съ старымъ порядкомъ и пламенныя надежды на новый. На чемъ тутъ остановиться? гдѣ найти точки опоры?

Если мы взглянемъ на ту работу, которая предстоитъ и законодателю и обществу, задача покажется намъ громадною, почти необъятною. Одно освобожденіе крестьянъ — такой жизненный переворотъ, какіе случаются вѣками. Отъ общаго государственнаго строенія до частнаго быта, все разомъ сдвигается съ мѣста и получаетъ новое направленіе. Къ этому присоединяется преобразованіе суда, финансовъ, администраціи, распространеніе просвѣщенія, огромныя экономическія предпріятія, наконецъ, искорененіе

всѣхъ золъ, которыя накопились вѣками и накипѣли у насъ на сердцѣ: лжи, лихоимства, неправды, притѣсненій. Русское общество отвернулось отъ своего прошедшаго; оно хочетъ надѣть на себя новый ликъ и явиться преображеннымъ въ сонмѣ европейскихъ народовъ.

Громадность подобной задачи не можетъ не смутить всякого, кто взглянетъ на нее хладнокровно. Если мы развернемъ страницы исторіи, мы увидимъ, что подобные переломы въ народной жизни совершались либо деспотизмомъ, либо революціею, лучше сказать, — деспотизмомъ сверху или деспотизмомъ снизу. Иначе и быть не можетъ. Тамъ, гдѣ замѣшано столько противоположныхъ интересовъ и страстей самыхъ близкихъ человѣку и самыхъ живыхъ, тамъ разомъ повернуть и порѣшить дѣло можно только насиліемъ. Гдѣ одновременно расшатываются всѣ основы зданія, нужна всеподавляющая сила, чтобы сдержать поколебленное общество. Такою силой можетъ быть или энергія массъ, или рука деспота. Нетерпѣливые нововводители безсознательно напрашиваются на то или другое. Но тѣ, которые не хотятъ ни желѣзнаго ига властителя, ни буйства революціонныхъ страстей, могутъ желать только прогресса умѣреннаго и постепенныхъ преобразованій. Время — великій дѣятель, который укрощаетъ страсти, примиряетъ съ перемѣнами, прилаживаетъ интересы къ новымъ условіямъ, убѣждаетъ людей въ необходимости сдѣлокъ и уступокъ. Когда, подъ вліяніемъ времени, извѣстное преобразованіе, глубоко охватывающее жизнь, окрѣпло и установилось, когда общество примѣнилось къ новому порядку, тогда безопасно приступать къ дальнѣйшимъ реформамъ. Но разомъ измѣнять все, затрогивать всѣ страсти, всѣ интересы — значитъ возбуждать броженіе, съ которымъ невсегда легко справиться.

Недоумѣніе увеличивается, если мы посмотримъ на тѣ силы, съ которыми Россія приступаетъ къ своему обновленію. Несмотря на возбужденныя надежды, на проснувшуюся жизнь, несмотря на дѣйствительные гражданскіе успѣхи, которые мы сдѣлали въ послѣдніе годы, русское общество представляетъ въ настоящую минуту весьма грустное зрѣлище. Никогда еще не оказывалось такого разлада между величіемъ цѣли и ничтожествомъ средствъ, между требованіями и дѣйствительностью, между словомъ и дѣломъ. Съ одной стороны — безграничныя притязанія, непоколебимая самоувѣренность, изступленная критика, громкія фразы; съ другой — самое скудное образованіе, отсутствіе первоначальныхъ понятій, шарлатанство, лѣнь, своекорыстіе, нетерпимость, неспособность къ практической дѣятельности, страсть къ эффектамъ, при совершенномъ равнодушіи къ пользѣ отечества. Подъ покровомъ любви къ свободѣ, сознанія права, восторженнаго стремленія къ лучшему порядку, въ обществѣ скрываются — раздраженіе личныхъ интересовъ, злоба за отнятое право надъ человѣкомъ, политическое легкомысліе, страсть къ шуму, опьяненіе той общественною пляской, въ которой тысячи голосовъ ревутъ заразъ, не понимая другъ друга и ругаясь на всѣ стороны.

Еще менѣе утѣшительное зрѣлище представляетъ наша литература, глашатай общественнаго мнѣнія. Среди немногихъ серьёзныхъ произведеній зрѣющей мысли и болѣе широкой свободы, какъ часто въ ней встрѣчаются явленія, въ которыхъ повидимому изчезли не только спокойное и разумное пониманіе вещей, но даже стыдъ и совѣсть! Глубочайшее невѣжество и самая дикая наглость драпируются въ покровъ горячей любви къ народу, гуманности, либерализма, современныхъ идей. На первый планъ выдвигаются личные вопросы, самолюбивая раздражительность, возмути-

тельныя выходки, сплетни, пасквили, брань и скандалы, отъ которыхъ съ омерзѣніемъ отвертывается всякій, кто въ печатномъ словѣ ищетъ поученія, или кто привыкъ уважать человѣческую мысль.

Куда бы мы ни обратились, вездѣ мы встрѣтимъ противоположное тому, чего слѣдовало-бы ожидать: гдѣ нужны твердость, энергія, обдуманный образъ дѣйствія, обнаруживаются шаткость, двусмысліе, боязливость, мелкое исканіе популярности, эгоистическіе виды, отсутствіе всякихъ идей; гдѣ нуженъ разумный практическій взглядъ на вещи, является пустое, легкомысленное увлеченіе, упивающееся собственнымъ задоромъ, глухое къ голосу разсудка. Отрадныя явленія можно встрѣтить только тамъ, гдѣ дѣло совершается невидимо и неслышно, вдали отъ общественнаго шума, въ тишинѣ кабинета или въ глуши провинціяльной жизни. Такое явленіе представляютъ намъ мировые посредники, не тѣ, которые выѣзжаютъ на либеральныхъ эффектахъ, а тѣ, которые, честно и усердно исполняя свои обязанности, стараются порѣшить на мѣстѣ великій вопросъ, отъ котораго зависитъ судьба Россіи. Вотъ тѣ силы, на которыя можетъ надѣяться русская земля.

Наше общество, очевидно, не готово къ тому дѣлу, которое оно призвано совершить. Послѣ долгой дремоты, оно было застигнуто въ расплохъ восточною войной и севастопольскимъ разгромомъ. Оно встрепенулось, передъ нимъ открылось широкое поле, а въ силахъ оказывается бѣдность. Подобные примѣры нерѣдко повторялись въ исторіи. Поднимается крикъ: «растворите двери, и на сцену выступитъ множество свѣжихъ, молодыхъ дѣятелей, которые принуждены скрываться въ неизвѣстности!» Двери растворяются настежь, и появляется только толпа неприготовленныхъ крикуновъ. Когда въ обществѣ есть серьёзные

элементы, они пробиваются и дѣйствуютъ непремѣнно, несмотря ни на какія преграды. Внѣшнее давленіе возможно только при отсутствіи внутреннихъ силъ.

Теперь, когда дышать стало свободнѣе, когда преобразованія на каждомъ шагу открываютъ новую возможность дѣйствовать, все еще продолжается прежній вопль. Мало того: онъ усиливается съ каждымъ днемъ. Никто не хочетъ видѣть того, что̀ совершилось и совершается; преобразованія встрѣчаются всеобщимъ равнодушіемъ, если не враждою. Забываютъ громадныя государственныя мѣры и устремляютъ все вниманіе на мелкія интриги бюрократовъ. Всѣ требуютъ новыхъ перемѣнъ, въ ожиданіи, что мановеніемъ волшебнаго жезла разрѣшатся наши затрудненія; всѣ убѣждены, что стоитъ правительству захотѣть — и водворится всеобщее благоденствіе. Какъ будто измѣненіемъ статей Свода Законовъ, да смѣной нѣсколькихъ администраторовъ, да еще новымъ и новымъ разглагольствіемъ возможно обновить Россію! Мы ищемъ лѣкарства не тамъ, гдѣ оно находится. И корень зла, и средства врачеванія лежатъ не въ учрежденіяхъ, не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ насъ самихъ. Настоящая наша задача состоитъ не въ стремленіи къ новому, не въ перемѣнѣ людей и учрежденій, а въ работѣ надъ собою, въ исполненіи того, что̀ уже дается жизнью. Намъ нужно отрезвиться, заняться дѣломъ, разумно взглянуть на то, что̀ насъ окружаетъ, приготовиться къ той широкой дѣятельности, которая намъ предстоитъ. А для этого необходимо воздержаніе. Не въ безмѣрныхъ требованіяхъ, не въ безплодномъ раздраженіи найдемъ мы путь къ лучшему порядку, а въ спокойной работѣ мысли и въ серьёзной практической дѣятельности.

Это успокоеніе страстей, это возвращеніе общества къ внутренней работѣ, можетъ совершиться двоякимъ обра-

зомъ. Или твердая рука власти, пресѣкая всякія неумѣренныя проявленія, неуклонно направляя народъ къ предположенной цѣли, несмотря на шумъ и волненіе, заставитъ общество отъ безплодныхъ криковъ обратиться къ тому, что практически возможно; или же само общество образумится, придетъ въ себя, пойметъ, наконецъ, свое положеніе и предстоящее ему дѣло. Послѣдній путь несравненно лучше перваго. Насильно данное направленіе никогда не можетъ быть такъ плодотворно, какъ самостоятельная мысль. Насиліе производитъ раздраженіе или равнодушіе. Только мысль, созрѣвшая въ самомъ человѣкѣ, даетъ ему ту силу воли, то самообладаніе, которыя необходимы для разумной дѣятельности. Поэтому въ настоящее время, въ томъ положеніи, въ которомъ находится Россія, дѣло первостепенной важности—возникновеніе въ обществѣ независимыхъ силъ, которыя бы поставили себѣ задачею охраненія порядка и противодѣйствіе безразсуднымъ требованіямъ и анархическому броженію умовъ. Только энергія разумнаго и либеральнаго консерватизма можетъ спасти русское общество отъ безкопечнаго шатанія. Если эта энергія появится не только въ правительствѣ, но и въ самомъ народѣ, Россія можетъ безъ опасенія глядѣтъ на свое будущее.

Нельзя скрывать отъ себя тѣхъ трудностей, которыя предстоятъ образованію консервативнаго мнѣнія въ настоящую пору. Общество влечется въ одну сторону, вслѣдствіе даннаго ему толчка; пріобрѣтенная скорость усиливаетъ это движеніе. Возможно ли ему противодѣйствовать? Прать противъ теченія всегда не легко; у насъ это вдвойнѣ трудно, потому что не за что ухватиться, не на что опереться. Къ чему служатъ воззванія къ разумнымъ силамъ, увѣщанія на счетъ потребности порядка, тамъ, гдѣ не существуетъ никакихъ гражданскихъ понятій, гдѣ уровень просвѣщенія

не даетъ даже первоначальныхъ свѣдѣній о правѣ, объ обязанностяхъ, о государственномъ устройствѣ, гдѣ всякое слово понимается въ превратномъ смыслѣ, гдѣ всѣ хотятъ разомъ кричать и никто не расположенъ слушать? Возможенъ ли дружный отпоръ тамъ, гдѣ люди не имѣютъ довольно энергіи, чтобы стоять на собственныхъ ногахъ и общими силами отражать удары, а предпочитаютъ предаваться стремленію потока, или слабодушно становиться поодаль, пожимая плечами? При нашей безконечной распущенности, при вялости нашего права, при томъ хаосѣ, который у насъ господствуетъ, остается единственная надежда на силу вещей, на окончательное торжество благоразумія въ массахъ. Но на этомъ не слѣдуетъ ни успокоиваться, ни слабѣть. Если русское общество способно къ самостоятельной дѣятельности, то изъ этой бродячей массы, въ которой все ускользаетъ изъ рукъ, должны выдѣлиться различныя направленія — зародышъ партій. Теперь настала для этого пора; теперь наше дѣло — идти къ этому внутреннему строенію общества, безъ котораго невозможна политическая жизнь.

Другое важное препятствіе, которое представляется у насъ образованію охранительной партіи, состоитъ въ трудности откровенно обсуждать всѣ вопросы, вполнѣ высказывать свою мысль. Гдѣ не допускается порицаніе, невозможна и похвала; остается, слѣдовательно, молчать. Трусость и лѣнь съ жадностью хватаются за этотъ предлогъ, чтобы устраниться отъ дѣятельности. На этомъ выѣзжаютъ и противники того направленія, которое имѣетъ бо́льшую возможность высказываться явно. Въ нашей литературѣ, которая не знаетъ деликатности ни въ чемъ, въ этомъ случаѣ вдругъ является необыкновенная деликатность: не смѣй говорить противъ тѣхъ, кто не можетъ вполнѣ выяснить свою мысль! Привилегія слова дается косвенной оппозиціи.

На этомъ возраженіи останавливаться нечего. Оно налагаетъ только обязанность оказывать бо́льшее уваженіе противникамъ, которые не могутъ защищаться открыто; но оно не должно зажимать уста искреннему убѣжденію. Притомъ, гдѣ нѣтъ свободы слова, перевѣсъ всегда на сторонѣ оппозиціонной мысли, потому что естественное чувство человѣка склоняетъ его на сторону слабаго, и запрещенный плодъ имѣетъ слишкомъ много прелести. Тѣмъ съ большею настойчивостью слѣдуетъ предостерегать отъ плода ядовитаго.

Важнѣе то обстоятельство, что охранительное направленіе рискуетъ сдѣлаться солидарнымъ со всякимъ дѣломъ, о которомъ оно не можетъ говорить. На него возложится отвѣтственность за чужія ошибки; на него посыпятся обвиненія въ томъ, что оно стоитъ не за идеи, не за общее благо, а за существующій фактъ, каковъ бы онъ ни былъ. Здѣсь главный камень преткновенія. Но и передъ этимъ останавливаться нельзя. Возможность превратныхъ толковъ, недоразумѣній и клеветы не должна отклонять гражданина отъ такого образа дѣйствія, который онъ считаетъ полезнымъ для отечества. Тутъ личныя опасенія должны умолкнуть.

Какими же началами можетъ руководствоваться охранительное направленіе въ Россіи? Какіе элементы даетъ ему старый порядокъ и что̀ пріобрѣтаетъ оно въ новомъ? Укажемъ на нѣкоторыя основныя точки опоры.

Первый элементъ, который дается намъ исторіею и который является насущною потребностью настоящаго времени, это — сила власти.

Всякое общество требуетъ извѣстнаго единства. Безъ него невозможны ни общая жизнь, ни порядокъ, ни гражданское устройство. Это единство можетъ установиться

двоякимъ образомъ: согласіемъ общественныхъ силъ и дѣйствіемъ правящей власти. Недостатокъ одного изъ этихъ элементовъ можетъ восполниться только усиленіемъ другаго. Чѣмъ меньше единства въ обществѣ, чѣмъ труднѣе связать общественныя стихіи, тѣмъ сильнѣе должна быть власть; и наоборотъ, правительство можетъ распускать вожжи, по мѣрѣ того, какъ общество крѣпнетъ, соединяется и получаетъ способность дѣйствовать самостоятельно. Поэтому обширное государство нуждается въ болѣе сильной власти, нежели малое: въ первомъ общественные элементы разнообразнѣе, разрозненнѣе, имѣютъ между собою менѣе тѣсную связь, и потому требуютъ бо́льшаго внѣшняго скрѣпленія. Изъ того же начала слѣдуетъ далѣе, что власть должна быть сильнѣе въ странѣ, въ которой различныя сословія или классы далеко расходятся по своему образованію, положенію, интересамъ, и нѣтъ между ними средняго, связующаго звѣна; власть должна быть сильнѣе тамъ, гдѣ мало личной энергіи, гдѣ скудно образованіе, соединяющее людей вокругъ общихъ началъ, гдѣ партіи кидаются въ крайности, гдѣ въ обществѣ господствуетъ раздражительность и нетерпимость, гдѣ безплодное волненіе замѣняетъ практическую дѣятельность. Отсюда и то явленіе, что анархія всегда вызываетъ деспотизмъ. Отсюда, наконецъ, необходимость сильной власти въ эпохи переходныя, при коренныхъ преобразованіяхъ. Тутъ затронуты всѣ интересы, разгараются страсти, возбуждаются безграничныя желанія и надежды. Старое рушилось, новое не успѣло окрѣпнуть; никто не знаетъ за что̀ держаться. Въ такія времена наименѣе возможно внутреннее общественное единство, согласное дѣйствіе различныхъ общественныхъ силъ, а потому тѣмъ необходимѣе крѣпкая власть, которая могла бы сдержать влекущіяся врозь стихіи.

Отличительная черта русской исторіи, въ сравненіи съ исторіею другихъ европейскихъ народовъ, состоитъ въ преобладаніи начала власти. Со времени призванія Варяговъ, когда новгородскіе послы, ровно тысячу лѣтъ тому назадъ, объявили неспобность общества къ самоуправленію и передали землю во власть чужестранныхъ князей, общественная инициатива играла у насъ слишкомъ незначительную роль. Русскій человѣкъ всегда былъ способнѣе подчиниться, жертвовать собою, выносить на своихъ плечахъ тяжелое бремя на него возложенное, нежели становиться зачинателемъ какого бы то ни было дѣла. Только въ крайнихъ случаяхъ, когда государству грозило конечное разрушеніе, народъ вставалъ какъ одинъ человѣкъ, изгонялъ враговъ, водворялъ порядокъ, и за тѣмъ снова возлагалъ всю власть и всю дѣятельность на правительство, возвращаясь къ прежнему, страдательному положенію, къ растительному процессу жизни. Власть расширяла, строила и скрѣпляла громадное тѣло, которое сдѣлалось русскою имперіей. Власть стояла во главѣ развитія; власть насильно насаждала просвѣщеніе, обнимая своею дѣятельностью всю жизнь народа — отъ государственнаго устройства до частнаго быта. Величайшій человѣкъ русской земли, Петръ Великій, сосредоточиваетъ въ себѣ весь смыслъ нашей прошедшей исторіи. И теперь еще этотъ характеръ не измѣнился: правительству принадлежитъ инициатива и исполненіе тѣхъ великихъ преобразованій, которыя составляютъ честь и славу нашего вѣка.

Такимъ образомъ вся русская исторія вела къ преобладанію начала власти; оно сохранило свое значеніе до настоящаго времени. Теперь мы чувствуемъ потребность въ большей самостоятельности нежели прежде; мы хотимъ свободы, общественной инициативы, и это желаніе вполнѣ законно, потому что безъ этого невозможны ни разумная жизнь, ни

полное развитіе внутреннихъ силъ народа. Но это стремленіе, плодъ созрѣвающей мысли, не должно становиться въ разрѣзъ съ тысячелѣтнею исторіей отечества; новая сила не должна явиться враждебною той, которая руководила нами до сихъ поръ. Особенно въ настоящемъ кризисѣ, при тѣхъ реформахъ, которыя совершаются, при той незрѣлости, которою мы страдаемъ, при томъ броженіи, которое господствуетъ въ обществѣ, сильная власть нужнѣе, нежели когда-либо. Она должна размножиться, явиться на всѣхъ концахъ, во всѣхъ углахъ Россіи, гдѣ прежде она слагала бремя на помѣщика. Она является посредникомъ между обоими сословіями. Вездѣ, гдѣ пресѣклась крѣпостная зависимость, гдѣ нужно устроить управленіе, ввести новый порядокъ, взыскивать повинности, ограждать интересы, сдерживать незаконныя притязанія, вездѣ должны присутствовать ея бдительное око и ея настойчивая дѣятельность. Вездѣ къ ней взываютъ и негодуютъ, когда слабѣетъ ея энергія.

Къ счастію, наше правительство не нуждается въ матеріяльномъ подкрѣпленіи. Средства, которыми оно располагаетъ для охраненія внутренняго порядка, огромны. Случайно возникающія волненія представляютъ только легкую игру на поверхности общественнаго организма. Но кромѣ матеріяльной силы, нужна сила нравственная. Она основывается на любви народной и на поддержкѣ со стороны разумныхъ элементовъ общества. Первая не отойдетъ отъ правительства, освободившаго крестьянъ; но въ послѣднемъ отношеніи нельзя не замѣтить, что въ русскомъ обществѣ издавна произошелъ разладъ. Либеральныя мѣры, которыя были приняты въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ, не только не излѣчили застарѣлой болѣзни, а повидимому, напротивъ, усилили раздвоеніе. Здѣсь лежитъ зло, на которое нельзя не обратить вниманія, потому что оно лишаетъ обществен-

ныя силы возможности дѣйствовать согласно. Каждый русскій человѣкъ, которому дорого отечество, долженъ, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать единенію, а не растравлять легкомысленно раны, и не усиливать напраснаго раздраженія.

Конечно, возстановленіе этой связи прежде всего зависитъ отъ самой власти. Она тѣмъ болѣе можетъ разсчитывать на поддержку со стороны разумной части общества, чѣмъ тверже и разсудительнѣе она дѣйствуетъ, чѣмъ менѣе она остается въ одиночествѣ, чѣмъ болѣе она старается извѣдать настоящія нужды края и удовлетворить существеннымъ потребностямъ народа. Но охранительное направленіе въ обществѣ не можетъ и не должно отказать власти въ своемъ сочувствіи и въ своей поддержкѣ, при видѣ тѣхъ громадныхъ реформъ, которыя ею совершаются, того желанія добра, которое проявляется во множествѣ либеральныхъ мѣръ, и тѣхъ препятствій, которыя предстоятъ на пути. Одолѣть ихъ можно только дружною дѣятельностью всѣхъ, а не внутреннимъ разладомъ.

При этомъ охранительное направленіе удерживаетъ всю свою независимость. Оно не отказывается отъ свободы сужденія и не готово выступить на защиту какихъ бы то ни было мѣръ. Общественное мнѣніе — не бюрократія, обязанная исполнять и поддерживать данныя ей предписанія; это — самостоятельная сила, выраженіе свободной общественной мысли. Охранительная партія въ обществѣ можетъ выражать одобреніе только тому, что̀ согласно съ ея собственными началами. Въ ней не найдутъ сочувствія ни реакція, ни заискиваніе популярности, ни подавленіе свободы, ни скороспѣлыя нововведенія. Но она не станетъ легкомысленно ополчаться на власть, подрывать ея кредитъ, глумиться надъ мелочами, упуская изъ вида существенное, поднимать

вопль во имя частныхъ интересовъ, забывая общую пользу. Охранительная партія, преимущественно предъ другими, должна быть готова поддерживать власть, когда это только возможно, потому что сила власти — первое условіе общественнаго порядка.

Обратимся къ другимъ охранительнымъ элементамъ.

4.

Главное орудіе власти въ государственномъ управленіи составляетъ бюрократія. Это опять элементъ, который дается намъ исторіею и современною жизнію.

Въ настоящее время бюрократія подвергается у насъ такимъ же, если не бо́льшимъ нападкамъ, какъ и консерватизмъ. Она — корень всего зла; она стала между верховною властью и народомъ, задерживая правду, распространяя ложь, обращая все на свою собственную пользу. Неудовольствіе, идущее отъ противоположныхъ концевъ, сливается противъ нея въ общій обвинительный голосъ.

Нельзя не сказать, что бюрократія во многихъ отношеніяхъ заслужила это общественное недовѣріе. Она долгое время была всемогуща и употребляла это положеніе во зло. Медленность, формализмъ, лихоимство, притѣсненія, своекорыстные виды, равнодушіе къ общему благу — вотъ явленія, которыя слишкомъ часто встрѣчаются въ ея рядахъ, и которыя довели ее до той степени непопулярности, на которой она нынѣ стоитъ. Но не надобно упускать изъ вида другой стороны дѣла. Несмотря на свои недостатки, бюрократія даже теперь заключаетъ въ себѣ едва ли не большинство образованныхъ силъ русской земли. А прежде и подавно; какой же образованный человѣкъ не вступалъ въ служебные ряды? Если у насъ существуетъ гражданское

устройство, если мы пользуемся внутреннею безопасностію, если помѣщики давно перестали разбойничать на большихъ дорогахъ, если есть средства сообщенія, если устроены училища, гимназіи, университеты, если въ провинціяхъ есть архитекторы, медики, инженеры, если законы собраны въ общій сводъ, то мы всѣмъ этимъ обязаны бюрократіи. Не забудемъ и то, что бюрократія была главнымъ дѣятелемъ при составленіи «Положенія» 19-го февраля: она отстаивала интересы крестьянъ, она выбирала либеральныхъ людей въ члены комитетовъ, въ редакціонную коммиссію, въ губернскія присутствія, въ мировые посредники; она не только заготовила, но и приводитъ въ исполненіе это дѣло. Хвала ей и честь за то! она воздвигла себѣ вѣчный памятникъ. Наконецъ, бюрократія не одна виновна въ тѣхъ прискорбныхъ явленіяхъ, которыя мы видимъ въ ея средѣ. На ней отражаются пороки всего русскаго общества. Будто другія сословія лучше? Или намъ нуженъ непремѣнно козелъ очищенія, на котораго можно свалить общіе грѣхи?

Какъ бы то ни было, бюрократія представляетъ дѣйствительную силу, безъ которой власть обойтись не можетъ, безъ которой немыслимо государственное управленіе. Русская бюрократія показала на дѣлѣ, если не свое нравственное достоинство, то свою внутреннюю состоятельность, свою способность дѣйствовать, охранять порядокъ, устраивать и скрѣплять государство. При бѣдности нашихъ общественныхъ силъ, такимъ элементомъ пренебрегать нельзя. Намъ бюрократія совершенно необходима. Ее надобно по возможности очистить, возвысить, сдержать въ предѣлахъ законности, окружить гарантіями, поставить подъ контроль гласности, ограничить самоуправленіемъ сословій, но она неизбѣжно должна остаться одною изъ существенныхъ опоръ государственнаго порядка и внутренняго благоустройства.

Къ несчастію, Россія не имѣетъ элемента, который въ другихъ странахъ служитъ самымъ надежнымъ обезпеченіемъ противъ бюрократическаго произвола, самымъ твердымъ столбомъ права и закона, именно — магистратуры. Фридрихъ II возрадовался, когда мельникъ, которому онъ грозилъ отнятіемъ имущества, отвѣчалъ: «вамъ это не удастся; есть судьи въ Берлинѣ!» Такой отвѣтъ едва ли когда могъ раздаться на русской землѣ. Нѣтъ, можетъ-быть, болѣе грустнаго явленія въ нашей исторической жизни, какъ то, что у насъ никогда не было праведнаго суда, который бы внушалъ къ себѣ довѣріе общества. Со времени древнихъ тіуновъ и судей-кормленщиковъ удѣльнаго періода, судья въ народѣ считается чуть не синонимомъ съ лихоимцемъ. Это зависитъ не отъ учрежденій, не отъ случайнаго направленія власти. Это просто элементъ, который исторически не выработался, котораго нѣтъ въ народѣ. Выборные судьи нисколько не лучше коронныхъ; часто даже напротивъ. Мы всегда нѣсколько удивляемся, когда наше дворянство жалуется на недостаточное огражденіе лицъ и имуществъ, и проситъ гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ, какъ единственныхъ средствъ къ установленію праведнаго суда. Но Боже мой! кто же мѣшаетъ дворянству выбирать порядочныхъ судей, которые бы доставляли огражденіе лицамъ и имуществу? Отчего наши областные суды вообще не отличаются безкорыстіемъ? Отчего такъ часто встрѣчаются въ нихъ самыя нелѣпыя рѣшенія, такъ что остается одна надежда на аппеляцію?

Исторія не выработала намъ даже зачатковъ правильнаго судоустройства. Тутъ нечего сохранять; тутъ все предстоитъ начинать сызнова. Надобно положить первыя основанія спеціяльному сословію судей и адвокатовъ, и поставить ихъ подъ контроль гласности. Пока этого нѣтъ, пока

судьи набираются случайно, по выбору, или по назначенію, изъ людей, которые никогда не готовились на это поприще и не видятъ въ водвореніи правды призванія жизни, пока судопроизводство покрыто канцелярскою тайной, нельзя говорить о судѣ, какъ о существенномъ элементѣ государственнаго благоустройства. Тутъ не помогутъ благія намѣренія. Наилучшіе судьи дѣйствующіе втайнѣ, а тѣмъ болѣе власть карающая административнымъ путемъ, всегда подвергнутся нареканіямъ въ несправедливости. Довѣрія къ своимъ приговорамъ они внушить не въ силахъ. А безъ суда, независимаго въ своихъ дѣйствіяхъ, представляющаго гражданамъ надежную гарантію, нѣтъ сознанія права, нѣтъ уваженія къ закону. Охраненіе права и порядка ниспадаетъ въ руки полиціи; на мѣсто суда водворяется расправа, на мѣсто закона — произволъ. Таковъ дѣйствительно преобладающій характеръ нашего гражданскаго развитія; оно всегда скрѣплялось властью, а не закономъ.

Въ нынѣшнемъ положеніи общества, при этомъ оставаться невозможно. Освобожденіе крестьянъ, развитіе общественной самостоятельности требуютъ обезпеченія правъ и твердаго законнаго порядка. Въ мировыхъ учрежденіяхъ зарождается начало законности; мировые посредники творятъ не только расправу, но и судъ, разграничивая права и обязанности сословій. Нѣкоторые въ этомъ отношеніи идутъ даже слишкомъ далеко: призванные быть не только судьями, но и администраторами, они вовсе не хотятъ творить расправы. Они забываютъ, что надѣяться на одну силу суда можно только тамъ, гдѣ утвердилось уваженіе къ закону, гдѣ судебный приговоръ всегда исполняется быстро и безпрекословно. Законность не падаетъ внезапно съ неба. Нѣтъ, можетъ-быть, ничего, что̀ бы требовало столь долгаго времени, дабы упрочить свое существованіе, какъ это основное

начало всякаго благоустроеннаго общежитія. Довѣріе и уваженіе къ нравственнымъ силамъ укореняются вѣковою привычкой. Главное дѣло принадлежитъ здѣсь власти. Воздерживаясь отъ произвола, обставляя себя законными формами, твердо слѣдуя законному порядку, она указываетъ путь и заставляетъ общество видѣть норму и гарантію въ томъ, что̀ прежде казалось ему насиліемъ и притѣсненіемъ.

За недостаткомъ суда, современная жизнь представляетъ намъ другой элементъ, который можетъ служить противодѣйствіемъ излишнему расширенію бюрократіи. Это — сила корпоративнаго устройства, сословнаго и общиннаго, въ особенности перваго, которое обнимаетъ болѣе широкую сферу, и имѣетъ значеніе не только мѣстное, но и государственное. Корпоративное начало не всегда и не вездѣ играетъ одинакую роль. Отношеніе его къ свободному развитію общественныхъ силъ представляетъ аналогію съ отношеніемъ власти къ свободѣ. Корпорація тѣмъ нужнѣе, чѣмъ менѣе общество имѣетъ стремленія группироваться около разумно понятыхъ интересовъ, чѣмъ менѣе отдѣльныя лица способны собственною энергіей и соединеніемъ силъ поддерживать начала гражданственности. Тамъ, гдѣ корпораціи не разбились движеніемъ исторіи, гдѣ онѣ не превратились въ ветхій остатокъ изчезнувшей жизни, онѣ могутъ отвѣчать двумъ весьма существеннымъ потребностямъ общества.

Съ одной стороны, корпоративное начало служитъ опорою порядка, зерномъ общественной организаціи. Оно связываетъ лица въ постоянные союзы, подчиняетъ ихъ общему духу, заставляетъ ихъ примыкать къ общимъ интересамъ. Въ корпораціи каждый находитъ принадлежащее ему мѣсто; права и обязанности опредѣлены; дѣятельность совершается въ начертанномъ закономъ кругѣ. Это — школа гражданской жизни и одно изъ самыхъ сильныхъ противо-

дѣйствій всякаго рода безмѣрнымъ требованіямъ и притязаніямъ.

Нѣтъ спору, что все это дѣлается искусственнымъ образомъ, отчего проистекаютъ неизбѣжныя невыгоды: стремленіе къ замкнутости, къ исключительности, разобщеніе съ другими, предпочтеніе частныхъ интересовъ общимъ, уничтоженіе свободнаго соперничества. Но это зло, съ которымъ надобно помириться, пока общество не нашло себѣ другихъ прочныхъ жизненныхъ основъ. У насъ, при скудости образованія, при шаткости политическихъ понятій, при нашей неспособности дѣйствовать сообща, умѣренно, твердо и постоянно, нѣтъ возможности основать гражданскій порядокъ на свободной дѣятельности лицъ, на случайномъ ихъ соединеніи. Пока у насъ не разовьются и не окрѣпнутъ образованные элементы, намъ остается держаться корпоративнаго начала, которое выработалось исторически и доставляетъ обществу организацію, упроченную временемъ.

Съ другой стороны, сила, которая пріобрѣтается лицами въ корпоративномъ союзѣ, обезпечиваетъ имъ независимое положеніе. Случайная ассоціація, или раздробленная дѣятельность людей никогда не могутъ имѣть такой вѣсъ и такое значеніе, какъ постоянное гражданское устройство. Пока общество не окрѣпло, общественная самостоятельность растетъ подъ сѣнью корпорацій. Конечно, корпоративное устройство, безъ оживляющаго ее духа, ничего не значитъ; но когда общественный духъ пробудился, корпорація даетъ ему исходъ и воспитываетъ его силы. У насъ уничтоженіе сословій проповѣдуется главными врагами бюрократіи. Они не замѣчаютъ въ какое они впадаютъ противорѣчіе. Общество, въ которомъ изчезли сословія, естественно стремится подпасть подъ владычество бюрократіи, которая остается единственною организованною силой, въ государ-

ствѣ. Неорганизованныя стихіи никогда не могутъ бороться съ организованными.

Въ странахъ, гдѣ исторія привела ко всеобщему равенству правъ, обезпеченіемъ противъ этой наклонности служатъ другія учрежденія, столь же крѣпкія, какъ и бюрократія. Таково судебное устройство, которое доставляетъ гражданамъ гарантію отъ произвола; но главное — такимъ оплотомъ служитъ представительное собраніе, облеченное дѣйствительною политической властью. Въ неограниченномъ правленіи, при недостаткѣ суда, одно корпоративное устройство можетъ оградить общественную независимость отъ безмѣрнаго владычества бюрократіи; только при немъ возможно водвореніе законности въ государствѣ.

Первое мѣсто въ ряду сословій занимаетъ дворянство. Наслѣдственность высокаго положенія даетъ сословію духъ независимости, соединенный съ сознаніемъ права, съ чувствомъ власти, съ твердостью и достоинствомъ. Въ наслѣдственности политическихъ правъ нельзя не видѣть одного изъ самыхъ прочныхъ элементовъ государственной жизни. Она представляетъ надежный отпоръ и произволу, и анархіи. На этомъ основана всякая аристократія, при всемъ разнообразіи формъ, которыя это начало принимаетъ въ исторіи. Въ Англіи наслѣдственная палата перовъ составляетъ посредствующее звѣно между монархомъ и представителями народа. Тамъ аристократія постоянно шла во главѣ гражданскаго развитія, защищая свободу противъ деспотизма и отстаивая власть противъ напора демократическихъ стихій. У насъ исторія не выработала подобной аристократіи, а гдѣ она не выросла исторически, тамъ ее создать невозможно. Но и у насъ существуетъ наслѣдственность политическаго положенія: оно принадлежитъ цѣлому сословію дворянства, какъ это было во Франціи и въ Германіи.

Можно спорить о преимуществахъ и недостаткахъ той и другой формы наслѣдственности. Нельзя не согласиться, что вообще, привилегированное наслѣдственное положеніе сословія имѣетъ многія невыгодныя стороны, невыгоды, которыя становятся, впрочемъ, гораздо ощутительнѣе, когда нужно насильно поддерживать преграды, нежели когда онѣ даются самымъ строемъ жизни. Но опять же это—неизбѣжное зло, пока общество не пріобрѣло другихъ основъ, столь же прочныхъ, пока свободныя стихіи не достаточно окрѣпли, чтобы замѣнить существующія силы. По глубокому замѣчанію Монтескьё, монархія отличается отъ деспотизма тѣми подчиненными и посредствующими тѣлами, черезъ которыя она дѣйствуетъ, и въ числѣ этихъ тѣлъ первое мѣсто принадлежитъ дворянству. Въ неограниченной монархіи, существованіе его одинаково необходимо и въ интересахъ правительства, и въ интересахъ народа. При настоящемъ нашемъ положеніи, нельзя себѣ представить бо́льшаго ослѣпленія, какъ самоуничтоженіе дворянства во имя либеральныхъ идей. Если кто можетъ возвысить голосъ, если какая-нибудь часть общества можетъ имѣть вліяніе на дѣла, такъ это единственно дворянство. Разсыпанное въ массѣ, оно потеряетъ всю свою силу. Столь же противно здравой политикѣ превращеніе дворянства въ сословіе землевладѣльцевъ. Здѣсь изчезаетъ вся нравственная сторона, отпадаетъ государственное положеніе, которыя именно и даютъ дворянству главный вѣсъ и значеніе. Притомъ новое сословіе никогда не можетъ замѣнить стараго, окрѣпшаго вѣками и носящаго въ себѣ преданія.

Нельзя не упомянуть здѣсь и о другой корпораціи, вопросъ о существованіи которой былъ поднятъ въ послѣднее время. Мы говоримъ объ университетахъ. Соблазну превратить аудиторіи въ публичныя собранія естественно подда-

ются тѣ, которые увлекаются современнымъ либеральнымъ потокомъ. Все ихъ вниманіе устремлено на одну сторону— на расширеніе свободы, а потому всякое задерживающее или зиждущее начало представляется имъ препятствіемъ развитію общественныхъ силъ. Но здѣсь корпоративное устройство имѣетъ значеніе не временное, не мѣстное, а постоянное, проистекающее изъ самаго существа учрежденія, изъ учебной его цѣли. И здѣсь опять здравый корпоративный духъ служитъ противодѣйствіемъ умственной анархіи; онъ является хранителемъ научной мысли, серьёзнаго труда и просвѣщеннаго вліянія на молодыя поколѣнія, которыя стекаются въ университеты. Наука двигаетъ общественную мысль, но она же служитъ и умѣряющимъ началомъ. Для нея дороги связь вещей, разумное и спокойное пониманіе явленій. Наука есть разумъ созидающій. Отсюда та ненависть, которую питаютъ къ ней представители того безпутнаго броженія, того раздраженнаго безмыслія, которое, какъ бы въ насмѣшку, величаютъ названіемъ жизни.

Такимъ образомъ дѣятельность бюрократіи ограничивается силою корпорацій. Это два элемента, которые другъ друга уравновѣшиваютъ. Ихъ взаимодѣйствіе, обезпечивая всѣ интересы, представляется лучшимъ путемъ для развитія нашего государственнаго быта. Какъ бюрократію слѣдуетъ не уничтожать, а утвердить, улучшая, такъ и корпораціи слѣдуетъ укрѣплять, упрочивая ихъ права, пополняя ихъ новыми элементами, когда онѣ въ томъ нуждаются, и сближая ихъ въ общей дѣятельности, чтобы достигнуть согласія общественныхъ силъ.

Все это — стихіи, которыя даны намъ исторіею. Но охранительная партія можетъ столь же твердо стоять и за новое начало, за новое учрежденіе, если оно обѣщаетъ сдѣлаться зерномъ прочной государственной организаціи. Та-

кимъ учрежденіемъ представляется намъ «Положеніе» 19-го февраля.

Изъ всѣхъ преобразованій, которымъ подвергается Россія, самое настоятельное, самое плодотворное, то, которое глубже всѣхъ захватываетъ жизнь, которое одно въ состояніи повернуть всю исторію народа, это — безспорно освобожденіе крестьянъ. Въ немъ для Россіи заключается все. Такую мѣру нельзя ни взять назадъ, ни задержать, ни своротить въ сторону; разъ введенная въ дѣйствіе, она силою вещей должна изложить всѣ свои послѣдствія. И этотъ великій переворотъ былъ произведенъ однимъ актомъ — «Положеніемъ» 19-го февраля. Русскій человѣкъ можетъ съ радостью остановиться на этомъ явленіи. Въ немъ есть все, что̀ составляетъ великую законодательную мѣру: зрѣлое обсужденіе вопроса, истинно либеральный духъ, соблюденіе всѣхъ существенныхъ интересовъ, твердое и ясное постановленіе началъ, сохраненіе мѣры въ ходѣ преобразованія, наконецъ, возможность улучшенія въ частностяхъ. Намъ до сихъ поръ не удавалось слышать ни одного существеннаго возраженія противъ «Положенія» 19-го февраля. На него возстаютъ нетерпѣливые, которые хотятъ разомъ покончить дѣло, разрѣшить всѣ затрудненія; но кто не пойметъ, что подобный переворотъ, обнимающій столько отношеній, не можетъ совершиться однимъ почеркомъ пера, что тутъ нужно время, нужны переходы, не всегда легкіе, но всегда болѣе полезные, нежели внезапные скачки?

Говорятъ, что «Положеніе» никого не удовлетворило, ни помѣщиковъ, ни крестьянъ; но есть ли возможность разрѣшить вопросъ къ общему удовольствію тамъ, гдѣ одна сторона хочетъ дать какъ можно менѣе, а другая желаетъ все взять? При такихъ условіяхъ, справедливое рѣшеніе должно возбудить неудовольствіе обоихъ тяжущихся. Время

примиритъ ихъ съ преобразованіемъ и покажетъ имъ, что они были неправы.

Нѣтъ сомнѣнія, что затрудненія велики. Дворянство въ особенности приноситъ значительныя жертвы общему дѣлу; разстройство хозяйства, уменьшеніе доходовъ — вотъ послѣдствія освобожденія крестьянъ. Но кто же могъ воображать, что такое дѣло можно разрѣшить припѣваючи, что оно можетъ обойтись безъ болѣзненнаго перелома? На это нужно ребяческое легковѣріе. Временный кризисъ неизбѣженъ при переходѣ отъ крѣпостнаго труда къ вольнонаемному, при выходѣ 23 милліоновъ людей изъ частной зависимости. Никакой законъ не могъ этого предотвратить. Какъ скоро было затронуто полновластіе помѣщика, какъ скоро онъ лишался главнаго орудія своей дѣятельности, такъ весь хозяйственный и домашній его бытъ долженъ былъ измѣниться. А при этомъ невозможно миновать кризиса. Меньшія льготы крестьянамъ породили бы только большее неудовольствіе, лишнія смуты, а потому большее разстройство для самихъ помѣщиковъ. Отечество требуетъ отъ насъ этой жертвы, и дворянство должно съ радостью ее принести; это искупленіе за всѣ тѣ выгоды, которыя оно доселѣ извлекало изъ крѣпостнаго права.

Какъ-бы то ни было, дѣло сдѣлано, и перемѣнить его нельзя. Теперь самые противники «Положенія» 19-го февраля должны признать, что только въ неуклонномъ его исполненіи лежитъ спасеніе отъ шаткости всѣхъ правъ и обязанностей, отъ разстройства всѣхъ общественныхъ отношеній. Что подумаетъ народъ, и безъ того обнаруживающій самыя скудныя понятія о гражданскомъ устройствѣ, если у него сегодня отнимутъ то, что̀ ему дано вчера? Возможно-ли тутъ утвержденіе собственности на прочныхъ началахъ? Возможно-ли сознаніе права и закона? Законодательство, которое

идетъ то впередъ, то назадъ, которое ежеминутно отступаетъ отъ собственныхъ своихъ положеній, лишаетъ народъ самой твердой опоры порядка, подрываетъ къ себѣ уваженіе, дѣлаетъ невозможными всякіе виды на будущее, всякія прочныя предпріятія. Административныя учрежденія можно мѣнять, соображаясь съ опытомъ; но законы, которые касаются частнаго быта, на которыхъ утверждаются права собственности, должны лежать незыблемой твердыней. Когда необходимы перемѣны, онѣ должны совершаться такимъ актомъ, который бы разомъ пресѣкъ недоумѣнія, который бы не подлежалъ дальнѣйшимъ передѣлкамъ и былъ бы обезпеченъ противъ шаткости разносторонніхъ соображеній. Иначе гражданину, въ самыхъ близкихъ ему отношеніяхъ, нѣтъ гарантіи отъ произвола.

«Положеніе» 19-го февраля измѣнило отношеніе партій, или лучше сказать, направленій въ русскомъ обществѣ. Многіе консерваторы сдѣлались рѣзкими либералами, либералы, напротивъ, становятся консерваторами. Одни неисправимые прогрессисты, которые ищутъ только движенія для движенія, остались на мѣстѣ, и еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ продолжаютъ требовать преобразованій, повидимому не замѣчая тѣхъ громадныхъ событій, которыя предъ ихъ глазами измѣняютъ цѣлую жизнь народа. Къ нимъ примыкаютъ приверженцы стараго порядка, задѣтые въ своихъ убѣжденіяхъ и въ своихъ интересахъ. Изъ этого составляются чудовищныя коалиціи; въ общемъ раздраженіи сходятся люди самыхъ противоположныхъ направленій. Но тѣ умѣренные либералы, которые желаютъ мирнаго и законнаго развитія учрежденій, разумной самостоятельности общества и согласной дѣятельности правительства и народа, могутъ остановиться на «Положеніи» 19-го февраля, какъ на краеугольномъ камнѣ, на которомъ должно осно-

ваться новое зданіе Россіи. Ихъ дѣло теперь не безпокойное стремленіе впередъ, съ вѣчно-новыми притязаніями, а охраненіе и развитіе того, что̀ уже установлено. Либеральныя начала, положенныя въ жизнь, надобно разработать и упрочить незыблемо. Теперь истинный либерализмъ измѣряется не оппозиціей, не прославленіемъ свободы, не передовымъ направленіемъ, а преданностью «Положенію» 19-го февраля, которое освободило 23 милліона рускихъ людей и оградило всѣ ихъ существенные интересы. Этого-же должно держаться и разумное охранительное мнѣніе. Консерватизмъ и либерализмъ здѣсь одно и тоже.

VIII.

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ЛИБЕРАЛИЗМА.

Если мы прислушаемся къ тому общественному говору, который раздается со всѣхъ концевъ Россіи, и тайно и явно, и въ клубахъ, и въ гостиныхъ, и въ печати, то несмотря на разнообразіе рѣчей и направленій, мы легко замѣтимъ одинъ общій строй, который владычествуетъ надъ всѣмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящую минуту общественное мнѣніе въ Россіи рѣшительно либерально. Это не случайное направленіе, не легкомысленное увлеченіе общества. Либеральное движеніе вытекло изъ жизненной необходимости; оно порождено силою вещей. Отрицаніе стараго порядка явилось какъ прямое послѣдствіе его несостоятельности. Для всѣхъ стало очевиднымъ, что безъ извѣстной доли свободы въ благоустроенномъ государствѣ нельзя обойтись

Такое явленіе не можетъ не порадовать тѣхъ, кому чувство свободы глубоко врѣзалось въ сердце, кто питалъ и лелѣялъ его въ тишинѣ своихъ думъ, въ сокровенномъ тайникѣ своей души, въ то время, когда оно изгонялось изъ общества, какъ возмутительное и преступное. Свобода — лучшій даръ, данный въ удѣлъ человѣку; она возвышаетъ его надъ остальнымъ твореніемъ; она дѣлаетъ изъ него существо разумное, она налагаетъ на него нравственную печать. Въ самомъ дѣлѣ, какой поступокъ имѣетъ цѣну въ

нашихъ глазахъ? какому дѣянію приписываемъ мы нравственную красоту? Не тому, которое совершается по внѣшнему предписанію, изъ страха или изъ слѣпаго поклоненія владычествующимъ силамъ, а тому, которое вытекло изъ недосягаемой глубины совѣсти, гдѣ человѣкъ, наединѣ съ собою, независимый отъ чуждыхъ вліяній, рѣшаетъ, сознательно и свободно, что онъ считаетъ добромъ и долгомъ. Нравственное величіе человѣка измѣряется этою непоколебимою внутреннею силою, недоступною внушеніямъ и соблазнамъ, этою твердою рѣшимостью, которая неуклонно слѣдуетъ свободному голосу правды, которую не сдвинутъ съ мѣста ни изступленные вопли толпы, ни угрозы, ни насиліе, ни даже мученія. За внутреннюю свободу человѣка умирали христіанскіе мученики. И мысль человѣческая истекаетъ изъ неизвѣданной глубины свободнаго разума. Та мысль крѣпка, плодотворна, способна дѣйствовать на волю и переходить въ жизнь, которая не наложена и не заимствована извнѣ, а переработалась въ горнилѣ сознанія и является выраженіемъ свободныхъ убѣжденій человѣка. Внутри сознанія раскрывается безконечный свободный міръ, въ которомъ, какъ въ центрѣ, отражается вселенная. Здѣсь человѣкъ — полновластный хозяинъ; здѣсь онъ судитъ и насиліе, которое налагаетъ на него руку, и безуміе, которое хочетъ заглушить голосъ разума; здѣсь вырабатываются тѣ идеи, которымъ суждено измѣнить лице земли и сдѣлаться путеводнымъ началомъ для самыхъ дальнихъ поколѣній.

Свобода совѣсти, свобода мысли, — вотъ тотъ жертвенникъ, на которомъ неугасимо пылаетъ присущій человѣку божественный огонь; вотъ источникъ всякой духовной силы, всякаго жизненнаго движенія, всякаго разумнаго устройства; вотъ что даетъ человѣку значеніе безконечное. Все достоинство человѣка основано на свободѣ; на ней зи-

ждутся права человѣческой личности. Какъ свободное существо, человѣкъ гордо поднимаетъ голову и требуетъ къ себѣ уваженія. Вотъ почему, какъ бы низко онъ ни упалъ, въ немъ никогда не изглаживаются человѣческія черты; нравственный законъ не дозволяетъ смотрѣть на него съ точки зрѣнія пользы или вреда, которые онъ приноситъ другимъ. Человѣкъ — не средство для чужихъ цѣлей, онъ самъ абсолютная цѣль. Свободнымъ человѣкъ вступаетъ и въ общество. Ограничивая свою волю совмѣстною волею другихъ, подчиняясь гражданскимъ обязанностямъ, повинуясь власти, представляющей идею общественнаго единства и высшаго порядка, онъ и здѣсь сохраняетъ свое человѣческое достоинство и прирожденное право на безпрепятственное проявленіе разумныхъ своихъ силъ. Общества людей— не стада безсловесныхъ животныхъ, которыя ввѣряются попеченію пастуха до тѣхъ поръ, пока не поступаютъ на убой. Цѣль человѣческихъ союзовъ — благо членовъ, а не польза хозяина. Власть надъ свободными гражданами даетъ пастырямъ народовъ то высокое достоинство, передъ которымъ съ уваженіемъ склоняются люди, и нѣтъ краше, нѣтъ святѣе этого призванія на землѣ, нѣтъ ничего, что бы могло наполнить сердце человѣка такимъ чувствомъ гордости и обязанности.

Идея свободы сосредочиваетъ въ себѣ все, что даетъ цѣну жизни, все, что дорого человѣку. Отсюда то обаяніе, которое она имѣетъ для возвышенныхъ душъ, отсюда та неудержимая сила, съ которою она охватываетъ въ особенности молодыя сердца, въ которыхъ пылаетъ еще весь идеальный жаръ, отдѣляющій человѣка отъ земли. Глубоко несчастливъ тотъ, чье сердце въ молодости никогда не билось за свободу, кто не чувствовалъ въ себѣ готовности съ радостью за нея умереть. Несчастливъ и тотъ, въ комъ жи-

тейская пошлость затушила это пламя, кто, становясь мужемъ, не сохранилъ уваженія къ мечтамъ своей юности, по выраженію поэта:

> Sagen sie Ihm, dass er für die Träume seiner Jugend
> Soll Achtung tragen, wenn er Mann seyn wird.

Въ зрѣломъ возрастѣ идея свободы очищается отъ легкомыслія, отъ увлеченій, оть раздражительнаго безпокойства, отъ самонадѣяннаго отрицанія, отъ своеволія, не признающаго надъ собою закона, она сдерживается пониманіемъ жизни, приноравливается къ ея условіямъ; но она не изчезаетъ изъ сердца, а напротивъ, глубже и глубже пускаетъ въ немъ свои корни, становясь твердымъ началомъ, которое не подлежитъ колебаніямъ и спокойно управляетъ жизнію человѣка.

Цѣлые народы чувствуютъ на себѣ это могущественное вліяніе этой идеи, какъ показываетъ исторія. Свобода внезапно объемлетъ своимъ дыханіемъ народъ, какъ бы пробудившійся отъ сна. Передъ нимъ открывается новая жизнь. Стряхнувъ съ себя оковы, онъ встаетъ, возрожденный. Какъ изступленная Пиѳія, изрекая вѣщіе глаголы, проповѣдуя горе властямъ земли, онъ съ неодолимою силою низвергаетъ всѣ преграды и несетъ зажженное имъ пламя по всѣмъ концамъ міра. Но желѣзная необходимость скоро сдерживаетъ эти порывы и возвращаетъ свободу къ той стройной гармоніи, къ тому разумному порядку, къ тому сознательному подчиненію власти и закону, безъ которыхъ немыслима человѣческая жизнь. Волнуясь и ропща, потокъ мало по малу вступаетъ въ свое русло; но свобода не перестаетъ бить ключемъ и давать свѣжесть и силу тѣмъ, которые приходятъ утолять духовную жажду у этого источника.

Мы, давнишніе либералы, вскормленные на любви къ свободѣ, радуемся новому либеральному движенію въ Россіи. Но мы далеки отъ сочувствія всему, что говорится и дѣлается во имя свободы. Подъ маскъ ея и не узнаешь въ лицѣ самыхъ рьяныхъ ея обожателей. Слишкомъ часто насиліе, нетерпимость и безуміе прикрываются именемъ обаятельной идеи, какъ подземныя силы, надѣвшія на себя доспѣхи олимпійской богини. Либерализмъ является въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, и тотъ, кому дорога истинная свобода, съ ужасомъ и отвращеніемъ отступаетъ отъ тѣхъ уродливыхъ явленій, которыя выдвигаются подъ ея знаменемъ.

Обозначимъ главныя направленія либерализма, которыя выражаются въ общественномъ мнѣніи.

Низшую ступень занимаетъ либерализмъ уличный. Это скорѣе извращеніе, нежели проявленіе свободы. Уличный либералъ не хочетъ знать ничего, кромѣ собственнаго своеволія. Онъ прежде всего любитъ шумъ; ему нужно волненіе для волненія. Это онъ называетъ жизнію, а спокойствіе и порядокъ кажутся ему смертію. Гдѣ слышны яростные крики, неразборчивыя и непристойныя ругательства, тамъ навѣрно копошется и негодуетъ уличный либералъ. Онъ жадно сторожитъ каждое буйство, онъ хлопаетъ всякому беззаконію, ибо самое слово: законъ, ему ненавистно. Онъ приходитъ въ непстовый восторгъ, когда узнаетъ, что гдѣнибудь произошелъ либеральный скандалъ, что случилась уличная схватка въ Мадридѣ или Неаполѣ: знай нашихъ! Но терпимости, уваженія къ мысли, уваженія къ чужому мнѣнію, къ человѣческой личности, всего что составляетъ сущность истинной свободы и украшеніе жизни — отъ него не ожидайте. Онъ готовъ стереть съ лица земли всякаго, кто не раздѣляетъ его необузданныхъ порывовъ. Онъ даже

не предполагаетъ, что чужое мнѣніе могло явиться плодомъ свободной мысли, благороднаго чувства. Отличительная черта уличнаго либерала та, что онъ всѣхъ своихъ противниковъ считаетъ подлецами. Низкія души понимаютъ одни лишь подлыя побужденія. Поэтому онъ и на средства не разборчивъ. Онъ ратуетъ во имя свободы; но здѣсь не мысль, которая выступаетъ противъ мысли въ благородномъ бою, ломая копья за истину, за идею. Все вертится на личныхъ выходкахъ, на ругательствѣ; употребляются въ дѣло безсовѣстныя толкованія, ядовитые намеки, ложь и клевета. Тутъ стараются не доказать, а отдѣлать, уязвить или оплевать. Иногда уличный либералъ прикидывается джентльменомъ, надѣваетъ палевыя перчатки и какъ будто готовится разсуждать. Но при первомъ столкновеніи, онъ отбрасываетъ несвойственные ему помыслы, онъ входитъ въ настоящую свою роль. Опьянѣлый и безумный, онъ хватается за все, кидаетъ чѣмъ попало, забывая всякій стыдъ, потерявши всякое чувство приличія. Уличный либералъ не терпитъ условій, налагаемыхъ гостиными; онъ чувствуетъ себя дома только въ кабакѣ, въ грязи, которою онъ старается закидать всякаго, кто носитъ чистое платье. Всѣ должны подойти подъ одинъ уровень, одинаково низкій и пошлый. Уличный либералъ питаетъ непримиримую ненависть ко всему, что возвышается надъ толпою, ко всякому авторитету. Ему никогда не приходило на умъ, что уваженіе къ авторитету есть уваженіе къ мысли, къ труду, къ таланту, ко всему, что даетъ высшее значеніе человѣку; а можетъ-быть онъ именно потому и не терпитъ авторитета, что видитъ въ немъ тѣ образованныя силы, которыя составляютъ гордость народа и украшеніе человѣчества. Уличному либералу наука кажется насиліемъ, нанесеннымъ жизни, искусство—плодомъ аристократической праздности.

Чуть кто отдѣлился отъ толпы, направляя свой полетъ въ верхнія области мысли, познанія и дѣятельности, какъ уже въ либеральныхъ болотахъ слышится шипѣніе пресмыкающихся. Презрѣнные гады вздымаютъ свои змѣиныя головы, вертятъ языкомъ, и въ безсильной ярости стараются излить свой ядъ на все, что̀ не принадлежитъ къ ихъ завистливой семьѣ.

Нѣтъ, не въ злобномъ шипѣніи гадовъ, не въ пьяномъ задорѣ кулачнаго бойца, узнаемъ мы черты той свѣтлой богини, которой поклоняется человѣкъ въ лучшихъ своихъ помыслахъ, въ идеальныхъ своихъ стремленіяхъ. Лучъ свободы никогда не проникалъ въ это темное царство лжи, зависти и клеветы. Свобода обитаетъ въ области правды и свѣта, и когда люди изгоняютъ ее изъ своихъ жилищъ, она не прячется въ подземныя поры, но удаляется въ сердца избранниковъ, которые хранятъ для лучшихъ дней драгоцѣнный завѣтъ, добытый страданіемъ и любовью.

Второй видъ либерализма можно назвать либерализмомъ оппозиціоннымъ. Но, Боже мой! Какая тутъ представляется пестрая смѣсь людей! Сколько разнородныхъ побужденій, сколько разнохарактерныхъ типовъ — отъ Собакевича, который увѣряетъ, что одинъ прокуроръ — порядочный человѣкъ, да и тотъ свинья, до помѣщика, негодующаго за отнятіе крѣпостнаго права, до вельможи, впавшаго въ немилость и потому кипувшагося въ оппозицію, пока не возсіяетъ надъ нимъ улыбка, которая снова обратитъ его къ власти! Кому не знакомо это критическое настроеніе русскаго общества, этотъ избытокъ оппозиціонныхъ изліяній, которыя являются въ столь многообразныхъ формахъ: въ видѣ брюзгливаго неудовольствія съ патріархальнымъ и невиннымъ характеромъ,—въ видѣ презрительной ироніи и ядовитой усмѣшки, которыя показываютъ, что критикъ сто-

итъ гдѣ-то далеко впереди, безконечно выше окружающаго міра,—въ видѣ глумленія и анекдотцевъ, обличающихъ темныя козни бюрократовъ,—въ видѣ неистовыхъ нападковъ, при которыхъ въ одно и то же время съ одинакою яростью требуются совершенно противоположныя вещи, — въ видѣ поэтической любви къ выборному началу, къ самоуправленію, къ гласности,—въ видѣ ораторскихъ эффектовъ, сопровождаемыхъ величественными позами, —въ видѣ лирическихъ жалобъ, прикрывающихъ лѣнь и пустоту,—въ видѣ безпокойнаго стремленія говорить и суетиться, въ которомъ такъ и проглядываетъ огорченное самолюбіе, желаніе придать себѣ важности,—въ видѣ злорадства при всякой дурной мѣрѣ, при всякомъ злѣ, постигающемъ отечество,—въ видѣ вольнолюбія, всегда готоваго къ деспотизму, и независимости, всегда готовой ползать и поклоняться. Не перечтешь тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ оппозиціи, которыми изумляетъ насъ русская земля. Но мы хотимъ говорить не объ этихъ жизненныхъ проявленіяхъ разнообразныхъ наклонностей человѣка; для насъ важенъ оппозиціонный либерализмъ, какъ общее начало, какъ извѣстное направленіе, которое коренится въ свойствахъ человѣческаго духа и выражаетъ одну изъ сторонъ или первоначальную степень свободы.

Самое умѣренное и серьёзное либеральное направленіе не можетъ не стоять въ оппозиціи съ тѣмъ, что̀ нелиберально. Всякій мыслящій человѣкъ критикуетъ тѣ дѣйствія или мѣры, которыя не согласны съ его мнѣніемъ. Иначе онъ отказывается отъ свободы сужденія и становится присяжнымъ служителемъ власти. Но не эту законную критику, вызванную тѣмъ или другимъ фактомъ, разумѣемъ мы подъ именемъ оппозиціоннаго либерализма, а то либеральное направленіе, которое систематически становится въ

оппозицію, которое не ищетъ достиженія какихъ-либо положительныхъ требованій, а наслаждается самымъ блескомъ оппозиціоннаго положенія. Въ этомъ есть своего рода поэзія, есть чувство независимости, есть отвага, есть, наконецъ, возможность болѣе увлекающей дѣятельности и болѣе широкаго вліянія на людей, нежели какія представляются въ тѣсномъ кругѣ, начертанномъ обыкновенною практической жизнью. Все это невольно соблазняетъ человѣка. Прибавимъ, что этого рода направленіе усвоивается гораздо легче всякаго другаго. Критиковать несравненно удобнѣе и пріятнѣе, нежели понимать. Тутъ ненужно напряженной работы мысли, внимательнаго и отчетливаго изученія существующаго, разумнаго постиженія общихъ жизненныхъ началъ и общественнаго устройства; не нужно даже дѣйствовать: достаточно говорить съ увлеченіемъ и позировать съ нѣкоторымъ эффектомъ.

Оппозиціонный либерализмъ понимаетъ свободу съ чисто отрицательной стороны. Онъ отрѣшился отъ даннаго порядка и остался при этомъ отрѣшеніи. Отмѣнить, разрѣшить, уничтожить, -вотъ вся его система. Дальше онъ не идетъ, да и не имѣетъ надобности идти. Ему верхомъ благополучія представляется освобожденіе отъ всякихъ законовъ, отъ всякихъ отношеній. Этотъ идеалъ, несуществимый въ настоящемъ, онъ переноситъ въ будущее, или же въ давнопрошедшее. Въ сущности это одно и тоже, ибо исторія, въ этомъ воззрѣніи, является не дѣйствительнымъ фактомъ, подлежащимъ изученію, не жизненнымъ процессомъ, изъ котораго вытекъ современный порядокъ, а воображаемымъ міромъ, въ который можно вмѣстить все, что̀ угодно. До настоящей же исторіи оппозиціонный либералъ не охотникъ. Отрицая современность, онъ поэтому самому отрицаетъ и то прошедшее, которое ее произвело. Онъ въ исторіи видитъ только игру

произвола, случайности, а, пожалуй, и человѣческаго безумія. Къ тому же настроенію мысли принадлежитъ и поклоненіе неизвѣданнымъ силамъ, лежащимъ въ таинственной глубинѣ народнаго духа. Чѣмъ извѣстное начало дальше отъ существующаго порядка, чѣмъ оно общѣе, неопредѣленнѣе, чѣмъ глубже скрывается во мглѣ туманныхъ представленій, чѣмъ болѣе поддается произволу фантазіи, тѣмъ оно дороже для оппозиціоннаго либерализма.

Держась отрицательнаго направленія, оппозиціонный либерализмъ довольствуется весьма немногосложнымъ боевымъ снарядомъ. Онъ подбираетъ себѣ нѣсколько категорій, на основаніи которыхъ онъ судитъ обо всемъ; онъ сочиняетъ себѣ нѣсколько ярлычковъ, которые цѣликомъ наклеиваетъ на явленія, обозначая тѣмъ похвалу или порицаніе. Вся общественная жизнь разбивается на два противоположные полюса, между которыми проводится непроходимая и неизмѣнная черта. Похвалу означаютъ ярлычки: община, міръ, народъ, выборное начало, самоуправленіе, гласность, общественное мнѣніе и т. п. Какіе положительные факты и учрежденія подъ этимъ разумѣются, вѣдаетъ одинъ Богъ, да и то врядъ ли. Извѣстно, что все идетъ какъ нельзя лучше, когда люди все дѣлаютъ сами. Только неестественное историческое развитіе, да аристократическіе предразсудки, отъ которыхъ надобно избавиться, виноваты, что мы не сами шьемъ себѣ платье, готовимъ себѣ обѣдъ, чинимъ экипажи. Одно возвращеніе къ первобытному хозяйству, къ первобытному самоуправленію можетъ водворить благоденствіе на землѣ. Этимъ свѣтлымъ началамъ, царству Ормузда, противополагаются духи тьмы, царство Аримана. Эти мрачные демоны называются: централизація, регламентація, бюрократія, государство. Ужасъ объемлетъ оппозиціоннаго либерала при звукѣ этихъ словъ, отъ которыхъ все горе человѣче-

скому роду. Здѣсь опять не нужно разбирать, что̀ подъ ними разумѣется; къ чему такой трудъ? Достаточно приклеить ярлычекъ, сказать, что это—централизація или регламентація, и дѣло осуждено безвозвратно. У большей части нашихъ оппозиціонныхъ либераловъ весь запасъ мыслей и умственныхъ силъ истощается этою игрой въ ярлычки.

Въ практической жизни оппозиціонный либерализмъ держится тѣхъ же отрицательныхъ правилъ. Первое и необходимое условіе—не имѣть ни малѣйшаго соприкосновенія съ властью, держаться какъ можно дальше отъ нея. Это не значитъ однако, что слѣдуетъ отказываться отъ доходныхъ мѣстъ и чиновъ. Для природы русскаго человѣка такое требованіе было бы слишкомъ тяжело. Многіе и многіе оппозиціонные либералы сидятъ на теплыхъ мѣстечкахъ, надѣваютъ придворный мундиръ, дѣлаютъ отличную карьеру, и тѣмъ не менѣе считаютъ долгомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, бранить то правительство, которому они служатъ, и тотъ порядокъ, которымъ они наслаждаются. Но чтобы независимый человѣкъ дерзнулъ сказать слово въ пользу власти, — Боже упаси! Тутъ поднимется такой гвалтъ, что и своихъ не узнаешь. Это—низкопоклонство, честолюбіе, продажность. Извѣстно, что всякій порядочной человѣкъ долженъ непремѣнно стоять въ оппозиціи и ругаться.

За тѣмъ слѣдуетъ планъ оппозиціонныхъ дѣйствій. Цѣль ихъ вовсе не та, чтобы противодѣйствовать положительному злу, чтобы практическимъ путемъ, соображаясь съ возможностью, добиться исправленія. Оппозиція не нуждается въ содержаніи. Все дѣло общественныхъ двигателей состоитъ въ томъ, чтобы агитировать, вести оппозицію, дѣлать демонстраціи и манифестаціи, выкидывать либеральные фокусы, устроить какую-нибудь штуку кому-нибудь въ пику,

подобрать статью свода законовъ, присвоивъ себѣ право произвольнаго толкованія, уличить квартальнаго въ томъ, что онъ прибилъ извощика, обойдти цензуру статейкою съ таинственными намеками и либеральными эффектами, или еще лучше, напечатать какую нибудь брань за границею, собирать вокругъ себя недовольныхъ всѣхъ сортовъ, изъ самыхъ противоположныхъ лагерей, и съ ними отводить душу въ невинномъ свирѣпѣніи, въ особенности же протестовать, протестовать при малѣйшемъ поводѣ и даже безъ всякаго повода. Мы до протестовъ большіе охотники. Оно, правда, совершенно безполезно, но зато и безвредно, а между тѣмъ выражаетъ благородное негодованіе и успѣшительно дѣйствуетъ на огорченныя сердца публики.

Оппозиція болѣе серьёзная, нежели та, которая является у насъ, нерѣдко впадаетъ въ рутину оппозиціонныхъ дѣйствій и тѣмъ подрываетъ свой кредитъ и загражданетъ себѣ возможность вліянія на общественныя дѣла. Правительство всегда остается глухо къ тѣмъ требованіямъ, которыя относятся къ нему чисто отвлеченно, упуская изъ вида собственное его положеніе и окружающія его условія. Такого рода отношеніе почти всегда бываетъ въ странахъ, гдѣ оппозиціонная партія не имѣетъ возможности сама сдѣлаться правительствомъ и пріобрѣсти практическое знакомство съ вещами и условіями власти. Постоянная оппозиція неизбѣжно дѣлаетъ человѣка узкимъ и ограниченнымъ. Поэтому, когда наконецъ открывается поприще для дѣятельности, предводители оппозиціи нерѣдко оказываются неспособными къ правленію, а либеральная партія, по старой привычкѣ, начинаетъ противодѣйствовать своимъ собственнымъ вождямъ, какъ скоро они стали министрами.

Если либеральное направленіе не хочетъ ограничиваться пустословіемъ, если оно желаетъ получить дѣйствительное

вліяніе на общественныя дѣла, оно должно искать иныхъ началъ, началъ зиждущихъ, положительныхъ; оно должно приморавливаться къ жизни, почерпать уроки изъ исторіи; оно должно дѣйствовать, понимая условія власти, не становясь къ ней въ систематически враждебное отношеніе, не предъявляя безразсудныхъ требованій, но сохраняя безпристрастную независимость, побуждая и задерживая, гдѣ нужно, и стараясь изслѣдовать истину хладнокровнымъ обсужденіемъ вопросовъ. Это и есть либерализмъ охранительный.

Свобода не состоитъ въ одномъ пріобрѣтеніи и расширеніи правъ. Человѣкъ потому только имѣетъ права, что онъ несетъ на себѣ обязанности, и наоборотъ, отъ него можно требовать исполненія обязанностей, единственно потому что онъ имѣетъ права. Это два начала неразрывныя. Все значеніе человѣческой личности и вытекающихъ изъ нея правъ основано на томъ, что человѣкъ есть существо разумно-свободное, которое носитъ въ себѣ сознаніе верховнаго нравственнаго закона, и въ силу свободной своей воли способно дѣйствовать по представленію долга. Абсолютное значеніе закона даетъ абсолютное значеніе и человѣческой личности, его сознающей. Отнимите у человѣка это сознаніе—онъ становится на ряду съ животными, которыя повинуются влеченіямъ и не имѣютъ правъ. Къ нимъ можно имѣть привязанность, состраданіе, а не уваженіе, потому что въ нихъ нѣтъ безконечнаго элемента, составляющаго достоинства человѣка.

Но верховный нравственный законъ, идея добра, это непремѣнное условіе свободы, не остается отвлеченнымъ началомъ, которое дѣйствуетъ на совѣсть, и которому человѣкъ можетъ повиноваться и не повиноваться по своему усмотрѣнію. Идея добра осуществляется во внѣшнемъ мірѣ; она соединяетъ людей въ общественныя союзы, въ которыхъ

лица связываются постоянною связью, подчиняясь положительному закону и установленной власти. Каждый человѣкъ рождается членомъ такого союза. Онъ получаетъ въ немъ положительныя права, которыя всѣ обязаны уважать, и положительныя обязанности, за нарушеніе которыхъ онъ подвергается наказанію. Личная его свобода, будучи неразрывно связана съ свободою другихъ, можетъ жить только подъ сѣнью гражданскаго закона, повинуясь власти его охраняющей. Власть и свобода точно также нераздѣльны, какъ нераздѣльны свобода и нравственный законъ. А если такъ, то всякій гражданинъ, не преклоняясь безусловно передъ властью, какова бы она ни была, во имя собственной свободы обязанъ уважать существо самой власти.

«Немного философіи, сказалъ Бэконъ, отвращаетъ отъ религіи; болѣе глубокая философія возвращаетъ къ ней». Эти слова можно примѣнить къ началу власти. Чйсто отрицательное отношеніе къ правительству, систематическая оппозиція—признакъ дѣтства политической мысли. Это первое ея пробужденіе. Отрѣшившись отъ безотчетнаго погруженія въ окружающую среду, впервые почувствовавъ себя независимымъ, человѣкъ радуется необъятною радостью. Онъ забываетъ все, кромѣ своей свободы. Онъ оберегаетъ ее жадно, какъ недавно обрѣтенное сокровище, боясь потерять изъ нея малѣйшую частичку. Внѣшнія условія и ограниченія для него не существуютъ. Историческое развитіе, установленный порядокъ, все это—отвергнутая старина; это—сонъ, который предшествовалъ пробужденію. Человѣкъ въ себѣ самомъ видитъ центръ вселенной и исполненъ безграничнаго довѣрія къ своимъ силамъ. Но когда чувство свободы возмужало и глубоко укоренилось въ сердцѣ, когда оно утвердилось въ немъ незыблемо, тогда человѣку нечего опасаться за свою независимость. Онъ не сторожитъ ее

боязливо, потому что это—не новое, не внѣшнее пріобрѣтеніе, а самая жизнь его духа, мозгъ его костей. Тогда яснѣе раскрывается передъ нимъ отношеніе этого внутренняго центра къ окружающему міру. Онъ не отрѣшается отъ послѣдняго въ своевольномъ порывѣ, но, сохраняя безконечную свободу мысли и непоколебимую твердость совѣсти, онъ сознаетъ связь своего внутренняго міра съ внѣшнимъ; онъ постигаетъ зависимость своей внѣшней свободы отъ свободы другихъ, отъ историческаго порядка, отъ положительнаго закона, отъ установленной власти. Исторія и современность не представляются ему произведеніемъ безконечнаго произвола и случайности, предметомъ ненависти и отрицанія. Уважая свободу другихъ, онъ уважаетъ и общій порядокъ, который вытекъ изъ свободы народнаго духа, изъ развитія человѣческой жизни. За отрицаніемъ слѣдуетъ примиреніе, за отрѣшеніемъ отъ началъ, владычествующихъ въ мірѣ—возвращеніе къ нимъ, но возвращеніе не безсознательное, какъ прежде, а разумное, основанное на постиженіи истиннаго ихъ существа и возможности дальнѣйшаго хода. Разумное отношеніе къ окружающему міру составляетъ положительный плодъ и высшее проявленіе человѣческой свободы. Оно же и необходимое условіе для ея водворенія въ обществѣ. Свобода не является среди людей, которые дѣлаютъ изъ нея предлогъ для шума, или орудіе интригъ. Неистовые крики ее прогоняютъ, оппозиція безъ содержанія не въ силахъ ее вызвать. Свобода основываетъ свое жилище только тамъ, гдѣ люди умѣютъ цѣнить ея дары, гдѣ въ обществѣ утвердились терпимость, уваженіе къ человѣку и поклоненіе всѣмъ высшимъ силамъ, въ которыхъ выражается свободное творчество человѣческаго духа.

Сущность охранительнаго либерализма состоитъ въ примиреніи начала свободы съ началомъ власти и закона. Въ

политической жизни лозунгъ его: либеральныя мѣры и сильная власть,—либеральныя мѣры, предоставляющія обществу самостоятельную дѣятельность, обезпечивающія права и личность гражданъ, охраняющія свободу мысли и свободу совѣсти, дающія возможность высказываться всѣмъ законнымъ желаніямъ,—сильная власть, блюстительница государственнаго единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядокъ, строго надзирающая за исполненіемъ закона, пресѣкающая всякое его нарушеніе, внушающая гражданамъ увѣренность, что во главѣ государства есть твердая рука, на которую можно надѣяться, и разумная сила, которая съумѣетъ отстоять общественные интересы противъ напора анархическихъ стихій и противъ воплей реакціонныхъ партій.

Въ дѣйствительности, государство съ благоустроеннымъ общежитіемъ всегда держится сильною властью, развѣ когда оно склоняется къ паденію или подвергается временному разстройству. Но временное ослабленіе власти ведетъ къ болѣе энергическому ея возстановленію. Горькій опытъ научаетъ народы, что имъ безъ сильной власти обойдтись невозможно, и тогда они готовы кинуться въ руки перваго деспота. Опытъ же обличаетъ всю несостоятельность оппозиціоннаго либерализма. Отсюда то обыкновенное явленіе, что тѣ же самые либералы, которые въ оппозиціи ратовали противъ власти, получивъ правленіе въ свои руки, становятся консерваторами. Это считается признакомъ двоедушія, низкопоклонства, честолюбія, отрекающагося отъ своихъ убѣжденій. Все это, безъ сомнѣнія, слишкомъ часто справедливо; но тутъ есть и болѣе глубокія причины, которыя заставляютъ самаго честнаго либерала впасть въ противрѣчіе съ собою. Необходимость управлять на дѣлѣ раскрываетъ всѣ тѣ условія власти, которыя упускаются изъ вида въ оппо-

зиціи. Тутъ недостаточно производить агитацію,—надобно дѣлать дѣло; нужно не разрушать, а устраивать, не противодѣйствовать, а скрѣплять, и для этого требуются положительные взгляды и положительная сила. Либералъ, облеченный властью, по неволѣ бываетъ принужденъ дѣлать именно то, противъ чего онъ возставалъ, будучи въ оппозиціи. Мнѣ случилось по этому поводу слышать отъ знаменитаго Бунзена слѣдующій характеристическій анекдотъ, который показываетъ, какъ на это смотрятъ государственные люди въ свободныхъ странахъ. Когда О' Коннель былъ выбранъ дублинскимъ меромъ, Бунзенъ, бывшій тогда прусскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, спросилъ у сэръ Роберта-Пиля, въ то время перваго министра: не безпокоитъ ли его этотъ выборъ? «Совсѣмъ напротивъ, отвѣчалъ сэръ Робертъ-Пиль, для усмиренія демагога нѣтъ лучшаго средства, какъ дать ему какую-нибудь власть въ руки; онъ по необходимости становится ея защитникомъ».

IX.

СОВѢТЪ МИНИСТРОВЪ.

Въ числѣ преобразованій, знаменующихъ настоящее царствованіе, есть одно, которое, если не прошло незамѣченнымъ, то не было достаточно выяснено для публики. Къ центральнымъ государственнымъ учрежденіямъ прибавилось новое. Рядомъ съ государственнымъ совѣтомъ, съ комитетомъ министровъ, съ сенатомъ, возникъ совѣтъ министровъ, въ которомъ обсуждаются многія изъ важнѣйшихъ дѣлъ высшаго управленія. Каково же отношеніе новаго учрежденія къ прежнимъ? Какой потребности призвано удовлетворить это преобразованіе? Вотъ вопросы, которыхъ разъясненіе составляетъ дѣло юридической литературы.

Задавая себѣ эту задачу, мы не можемъ довольствоваться изученіемъ текста закона. Многое останется для насъ непонятнымъ, если мы не прибѣгнемъ къ наилучшему способу ознакомиться съ предметомъ — къ историческому изслѣдованію. Мы должны обратиться далеко назадъ, бросить взглядъ на исторію нашихъ центральныхъ учрежденій. Въ этомъ обзорѣ мы оставимъ однако въ сторонѣ отдѣльныя вѣтви управленія, и ограничимся тѣми высшими центральными мѣстами, въ которыя различныя отрасли стекаются, какъ въ общее средоточіе.

Въ древней Россіи высшимъ центральнымъ учрежденіемъ была боярская дума. Подъ нею стояли приказы, кото-

рые завѣдывали отдѣльными отраслями дѣлъ или областями. Въ боярской думѣ засѣдали высшіе чины государства — бояре, окольничьи, думные дворяне, люди родовитые, которые сохраняли преданія древняго боярства и мѣстническими счетами ограждали себя отъ возвышенія людей незнатныхъ. Дума носила слѣдовательно аристократическій характеръ. При иномъ устройствѣ, подобное собраніе могло бы получить преобладающее вліяніе на дѣла, ограничивая самую власть монарха. Но боярская дума не представляла верховной коллегіи съ опредѣленнымъ составомъ и съ установившимися правами. Члены думы сзывались на совѣщанія по усмотрѣнію царя. При Θедорѣ Ивановичѣ обыкновенное собраніе состояло изъ пяти, шести членовъ; прочіе приглашались только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, по особеннымъ повѣсткамъ. Въ XVII вѣкѣ, во времена Котошихина, въ думѣ обыкновенно засѣдали всѣ члены; но когда царь хотѣлъ о какомъ-либо дѣлѣ совѣщаться особо, онъ сзывалъ тѣхъ, къ которымъ имѣлъ наиболѣе довѣрія. Предметы вѣдомства думы, степень ея власти, ея отношенія къ приказамъ вовсе не были опредѣлены. Наконецъ, дума раздѣлялась на нѣсколько болѣе или менѣе постоянныхъ отдѣленій, которыя имѣли характеръ приказовъ, управлялись однимъ или двумя лицами и получали названіе тѣхъ комнатъ, въ которыхъ собирались. Таковы были золотая расправная палата, золотая меньшая палата, передняя палата. Впрочемъ самая дума, въ цѣломъ составѣ, не имѣла общаго имени; такъ мало она представлялась опредѣленнымъ установленіемъ. Бояре собирались въ царскихъ комнатахъ, на верху, и внесеніе дѣлъ въ думу означалось словами: «внести въ верхъ къ боярамъ».

Такимъ образомъ въ боярской думѣ къ аристократическому типу присоединялся характеръ личнаго совѣщанія

царя съ приближенными къ нему особами. Дума сохраняла на себѣ слѣды прежнихъ отношеній князя къ дружинѣ. Она не выработалась въ правительственную коллегію, правильно организованную, въ учрежденіе, которое можно бы было назвать государственнымъ. Этому мѣшалъ весь строй древнерусской жизни, въ которой перемѣшивались разнообразные элементы безъ опредѣленной организаціи. Тѣмъ не менѣе, при первыхъ государяхъ дома Романовыхъ, боярскія притязанія, выросшія и окрѣпшія въ эпоху междуцарствія, были такъ сильны, что цари чувствовали себя стѣсненными боярскою думою. Чтобы совершенно избавиться отъ этого нравственнаго вліянія, Алексѣй Михайловичъ учредилъ приказъ тайныхъ дѣлъ. Въ немъ засѣдали одни дьяки да подъячіе, которые разсылались съ послами и воеводами, и были при нихъ какъ бы лазутчиками царя. «А устроенъ тотъ приказъ, говоритъ Котошихинъ, для того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнилися всѣ по его хотѣнію, а бояре бы и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали».

Приказъ тайныхъ дѣлъ опять носилъ болѣе характеръ личнаго совѣщанія, нежели государственнаго учрежденія съ опредѣленнымъ вѣдомствомъ. Онъ впрочемъ существовалъ не долго; въ 1682-мъ году онъ былъ уничтоженъ. Въ сущности, при энергическомъ царѣ, онъ вовсе былъ не нуженъ, ибо боярская дума не представляла юридическихъ препятствій волѣ монарха. При Петрѣ Великомъ самодержавная власть заслонила собою остатки аристократическаго элемента; древнее боярство поблекло передъ могучимъ дѣятелемъ, который смѣло взялся за преобразованія.

Петръ на первыхъ порахъ не уничтожилъ думы, но онъ придалъ ей названіе, соотвѣтствующее ея значенію. Неопредѣленное собраніе, сзываемое въ царскія комнаты,

было переименовано въ ближнюю канцелярію. Въ нее былъ назначенъ генералъ-президентъ Никита Моисеевичъ Зотовъ. Отсюда исходили царскіе указы, хотя Петръ, не стѣсняясь боярскимъ приговоромъ, издавалъ ихъ точно также черезъ всякія другія мѣста и отъ своего собственнаго имени. Но бояре продолжали съѣзжаться по прежнему; по прежнему употреблялась старинная форма рѣшеній: «царь указалъ, а бояре приговорили». Въ 1708-мъ году бояре были переименованы въ министровъ, и опредѣленія ближней канцеляріи стали называться приговорами министровъ.

Такъ продолжалось до 1711-го года. Но ближняя канцелярія съ личнымъ, совѣщательнымъ характеромъ, не могла играть роли высшаго государственнаго учрежденія, облеченнаго властью. Такое учрежденіе Петръ задумалъ въ сенатѣ, который замѣнилъ ближнюю канцелярію и сдѣлался средоточіемъ высшаго управленія. Это было первое центральное учрежденіе съ истинно-государственнымъ характеромъ.

Первоначально сенатъ былъ учрежденъ на время отлучекъ государя. На него возлагалось управленіе государствомъ, и повиноваться ему вездѣ было, какъ самому царю. Вскорѣ онъ сдѣлался установленіемъ постояннымъ. Однако настоящее устройство онъ получилъ не прежде 1718-го года. Съ реформой всего центральнаго управленія, которое сдѣлалась правильною системой, съ учрежденіемъ коллегій, преобразовано было и то верховное мѣсто, которому коллегіи были подчинены. Въ сенатъ поступали дѣла, которыя не могли быть рѣшены въ коллегіяхъ; сюда же, какъ въ высшее судилище, подавались жалобы на рѣшенія юстицъ-коллегіи; сюда присылались изъ губерній донесенія о чрезвычайныхъ происшествіяхъ. Сенатъ балотированіемъ выбиралъ въ высшія должности, сказывалъ чины,

давалъ указы во все государство, наконецъ разсматривалъ всѣ дѣла, которыя присылались ему отъ царя.

Сенатъ въ это время состоялъ изъ президентовъ коллегій. При нихъ были секретарь и канцелярія. Такимъ образомъ высшее центральное мѣсто въ имперіи составляли тѣ же лица, которыя завѣдывали отдѣльными отраслями дѣлъ. Черезъ это все управленіе получало единство и силу. Не было посторонней коллегіи, которая бы могла задерживать дѣйствія администраціи. Но вскорѣ оказались недостатки этого устройства. Первое неудобство состояло въ томъ, что президенты коллегій, принужденные завѣдывать тѣми же дѣлами въ двухъ инстанціяхъ, притомъ въ обѣихъ съ коллегіяльными, многосложными формами, требующими много времени, были завалены работою, а потому дѣла въ сенатѣ шли весьма неуспѣшно. Но главный недостатокъ состоялъ въ совершенномъ отсутствіи контроля. Члены сената, сказано въ указѣ 1722 года, должны смотрѣть надъ коллегіями, «а нынѣ сами будучіе во оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?»

Вслѣдствіе этого, въ 1722 году составъ сената измѣненъ. Въ большую часть коллегій велѣно было выбрать новыхъ президентовъ, а старымъ оставаться въ сенатѣ, съ присоединеніемъ къ нимъ членовъ изъ министровъ, аккредитованныхъ при иностранныхъ дворахъ. Только президенты первыхъ трехъ коллегій, то есть: военной, адмиралтейской и иностранной, остались членами сената, но и они должны были присутствовать только по дѣламъ важнымъ или касавшимся до ихъ части. Временно оставленъ въ сенатѣ и президентъ бергъ-коллегіи. При сенатѣ учрежденъ генералъ-прокуроръ, блюститель закона, око государя и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ, какъ сказано въ данной ему инструкціи.

Изъ этого ясно, что мысль Петра состояла въ учрежденіи верховной коллегіи, которая бы сосредоточивала въ своихъ рукахъ важнѣйшія государственныя дѣла и контролировала отдѣльныя отрасли управленія. Однако, по недостатку людей, эта мысль не могла вполнѣ осуществиться. Сенаторы занимали другія значительныя должности; они сопровождали императора въ походахъ. Въ сенатѣ оставалось слишкомъ мало членовъ. Поэтому, въ томъ же 1722 году, снова велѣно было, за малолюдствомъ, присутствовать въ сенатѣ президентамъ коллегій, что было впрочемъ только временною мѣрою. Вѣроятно по той же причинѣ, въ составъ присутствія введены и другія лица изъ генералъ-майоровъ, которые перемѣнялись погодно.

При Екатеринѣ I-й сенатъ постигла новая перемѣна судьбы. Государственныя цѣли, которыя воодушевляли Петра, уступили мѣсто личнымъ вліяніямъ. Всемогущій Меншиковъ, въ присутствіи сената, объявлялъ высочайшія рѣшенія по дѣламъ, которыя подлежали общему сужденію. Это возбудило зависть въ вельможахъ. Составилась интрига съ цѣлью дать и другимъ участіе въ личныхъ совѣщаніяхъ Меншикова съ императрицею. Результатомъ этихъ козней было учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта, состоявшаго изъ шести особъ, подъ предсѣдательствомъ государыни. Сенатъ былъ подчиненъ верховному тайному совѣту, и потерявши названіе правительствующаго, получилъ имя высокаго.

Такимъ образомъ надъ высшею государственною коллегіею было поставлено учрежденіе съ чисто личнымъ характеромъ. Это было не собраніе всѣхъ президентовъ коллегій, какъ сенатъ въ первоначальномъ его видѣ, а совѣщаніе съ императрицею тѣхъ верховныхъ правителей и вельможъ, которымъ она особенно довѣряла. Вся послѣдующая исторія высшаго центральнаго управленія состоитъ въ по-

стоянномъ колебаніи между сенатомъ и собраніемъ довѣренныхъ государю лицъ. Замѣчательно, что значеніе сената было наибольшее при тѣхъ монархахъ, въ которыхъ тверже было сознаніе государственныхъ началъ — при Петрѣ I-мъ и Екатеринѣ II-й. Напротивъ, чѣмъ болѣе личный элементъ, въ силу естественной наклонности, бралъ верхъ надъ государственнымъ, тѣмъ болѣе получали перевѣсъ эти личныя совѣщательныя собранія.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что особыя совѣщанія высшихъ администраторовъ, подъ предсѣдательствомъ государя, имѣли корень въ весьма существенной потребности управленія. Коллегія, стоящая надъ отдѣльными отраслями управленія, можетъ контролировать дѣйствія послѣднихъ, можетъ охранять постоянство административныхъ нормъ, но она не въ состояніи дать исполнительной власти надлежащее единство дѣйствій и рѣшеній. Для этого необходимы личныя совѣщанія управляющихъ лицъ. Опасность заключается здѣсь въ томъ, что съ одной стороны, при такомъ устройствѣ, личный элементъ довѣрія слишкомъ легко получаетъ перевѣсъ надъ государственнымъ, вслѣдствіе чего высшее управленіе, теряя характеръ государственнаго учрежденія, становится поприщемъ частныхъ интригъ, — а съ другой стороны, подобныя собранія, не ограничиваясь совѣщательнымъ значеніемъ, облекаются дѣйствительною властью и начинаютъ стягивать къ себѣ всѣ важныя дѣла, въ ущербъ остальнымъ учрежденіямъ.

Этими двумя недостатками въ высшей степени страдалъ верховный тайный совѣтъ въ кратковременное свое существованіе (1727—1730). Въ малолѣтство Петра II-го, онъ почти весь состоялъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ двумъ семействамъ: Долгорукихъ и Голицыныхъ. Это былъ тѣсный аристократическій кружокъ, который, пользуясь сво-

имъ вліяніемъ на малолѣтняго царя, овладѣлъ всѣми дѣлами. Въ верховный тайный совѣтъ велѣно было доносить о чрезвычайныхъ происшествіяхъ; сюда подавались изъ сената, синода, коллегій и канцелярій ежемѣсячныя финансовыя вѣдомости; сюда велѣно было вносить изъ сената всѣ важныя уголовныя дѣла. Наконецъ, по смерти Петра II-го, верховники, оставшись въ главѣ правленія, присвоили себѣ право избрать императора и сдѣлали попытку ограничить въ свою пользу самодержавную власть.

Попытка, какъ извѣстно, не удалась. Анна Ивановна, разорвавши подписанныя ею условія, уничтожила верховный тайный совѣтъ. Сенатъ былъ возстановленъ въ прежнемъ своемъ значеніи. Но въ томъ же году явилось новое учрежденіе, весьма близкое къ верховному тайному совѣту, хотя оно имѣло характеръ не столько аристократическаго кружка, сколько личнаго совѣщанія императрицы съ довѣренными ей особами. То былъ кабинетъ, который первоначально состоялъ изъ трехъ лицъ: графа Головкина, барона Остермана и князя Черкасскаго. Въ послѣдствіи къ нимъ присоединены и другіе, подъ именемъ кабинетъ-министровъ. Опять важнѣйшія дѣла, исключая впрочемъ судебныхъ, стали поступать сюда; сенатъ снова потерялъ свое первенствующее положеніе.

Елисавета Петровна, которая имѣла въ виду полное возстановленіе учрежденій отца, искаженныхъ его преемниками, возвратила кабинету то значеніе, которое онъ имѣлъ при Петрѣ — значеніе собственной канцеляріи государя. Снова сенатъ сдѣлался высшею государственною коллегіею, средоточіемъ управленія. Только для иностранныхъ дѣлъ учреждена конференція при высочайшемъ дворѣ. Она состояла изъ канцлера, вице-канцлера и трехъ другихъ лицъ. Императрица предоставила себѣ присутствовать какъ

въ сенатѣ, такъ и въ конференціи. Но поползновеніе довѣреннаго собранія притягивать къ себѣ дѣла такъ велико, что и конференція скоро зашла за предѣлы предоставленнаго ей вѣдомства. Въ ней рѣшались дѣла, которыя нимало не касались иностранной политики, напримѣръ: устройство церковныхъ имѣній, раздача арендъ. Отсюда посылались императорскіе указы; наконецъ, простое рѣшеніе совѣщавшихся въ конференціи министровъ получило силу законнаго предписанія. Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ велѣно было чинить немедленное исполненіе по всѣмъ посылаемымъ изъ конференціи рескриптамъ и экстрактамъ изъ протоколовъ.

Каждое новое царствованіе приносило отмѣну придворнаго совѣта, созданнаго предшественниками, и возстановленіе его въ новомъ видѣ. Петръ III, при вступленіи на престолъ, уничтожилъ конференцію, но въ томъ же году учредилъ совѣтъ изъ девяти лицъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ. Этотъ совѣтъ изчезъ при воцареніи Екатерины, но въ 1769 году, императрица учредила новый совѣтъ при высочайшемъ дворѣ, изъ семи членовъ. Первоначально онъ былъ установленъ на время войны, для общихъ политическихъ и военныхъ соображеній; однако онъ продолжалъ существовать и послѣ, не имѣя впрочемъ вліянія на дѣла. Единственный признакъ жизни совѣта, который мы встрѣчаемъ въ послѣдствіи, состоялъ въ томъ, что при Павлѣ сюда велѣно было представлять сочиненія недозволенныя цензурой или даже просто сомнительныя. При вступленіи на престолъ Александра, совѣтъ былъ уничтоженъ, какъ носящій только имя государственнаго учрежденія.

Екатерина II сосредоточила все высшее управленіе въ сенатѣ. При ней сенатъ получилъ такое значеніе, какого онъ не имѣлъ ни прежде, ни послѣ. Онъ сдѣлался не только

верховнымъ, но почти единственнымъ центральнымъ мѣстомъ для внутренняго управленія. Учрежденіе о губерніяхъ перенесло коллегіи въ области. Мѣстное управленіе, которое послѣ смерти Петра великаго сосредоточилось, какъ въ старину, въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, получило развѣтвленную организацію. Для различныхъ отраслей дѣлъ установлены были отдѣльныя учрежденія, которыя должны были представлять собою департаменты центральныхъ коллегій. Таковы были губернское правленіе, казенная палата, палата гражданскаго и уголовнаго суда. Все это связывалось лицемъ намѣстника, который служилъ средоточіемъ мѣстнаго управленія. Съ этимъ вмѣстѣ почти всѣ центральныя коллегіи, канцеляріи, конторы, которыя завѣдывали внутренними дѣлами, были уничтожены, какъ излишнія. Остались только три первыя коллегіи—иностранная, военная и адмиралтейская, да медицинская, которыя только отчасти подчинялись сенату. Остальное высшее управленіе сосредоточилось въ сенатѣ, и здѣсь главное значеніе получилъ генералъ-прокуроръ. Онъ заправлялъ всѣмъ; онъ былъ не только первымъ, но и единственнымъ министромъ по внутреннимъ дѣламъ. Финансы, администрація, полиція, юстиція—все было въ его рукахъ. Эту должность почти во все царствованіе Екатерины занималъ одинъ изъ главныхъ ея совѣтниковъ—князь А. А. Вяземскій.

При другомъ монархѣ такое устройство могло имѣть весьма невыгодныя послѣдствія для государственныхъ дѣлъ. Преобладаніе одного лица, не состоящаго подъ контролемъ общества, но основывающаго свою силу единственно на личномъ вліяніи, легко можетъ повести къ такимъ явленіямъ, какъ Меншиковъ или Биронъ. Въ самодержавіи преобладающимъ лицемъ становится или визирь или фаворитъ. Но Екатерина II никогда не жертвовала государственными цѣ-

лями личнымъ своимъ привязанностямъ, и не позволяла даже самымъ близкимъ къ ней лицамъ пріобрѣсти не нее исключительное вліяніе. Она довѣряла князю Вяземскому, потому что видѣла въ немъ человѣка, который умѣлъ постигнуть ея мысль и твердо направлять дѣла. Притомъ значеніе генералъ-прокурора нѣсколько восполняло тотъ недостатокъ, который заключался въ самомъ учрежденіи сената, какъ высшаго исполнительнаго мѣста. Исполненіе всегда лучше въ рукахъ одного лица, нежели въ вѣдѣніи коллегіи, а потому, какъ скоро явилась необходимость энергіи въ управленіи, исполнительная часть естественно должна была перейдти отъ сената къ генералъ-прокурору.

Тѣмъ не менѣе екатерининская система центральнаго управленія страдала другими, весьма существенными недостатками. Одинъ изъ нихъ не принадлежалъ ей исключительно; это было послѣдствіе всего предшествующаго развитія нашихъ центральныхъ учрежденій. Онъ состоялъ въ томъ, что сенатъ соединялъ въ себѣ всякаго рода дѣла—законодательныя, исполнительныя и судебныя; между тѣмъ каждый изъ этихъ разрядовъ требуетъ особыхъ установленій, спеціяльно приноровленныхъ къ свойству принадлежащихъ къ нему дѣлъ. Смѣшеніе дѣлъ всякого рода производитъ смѣшеніе понятій, препятствуетъ развитію спеціяльностей въ воззрѣніяхъ, въ людяхъ и въ учрежденіяхъ, наконецъ, ведетъ къ скопленію и остановкѣ дѣлъ. Раздѣленіе сената на департаменты не помогало злу, потому что дѣла распредѣлялись по департаментамъ вовсе не на основаніи спеціяльнаго ихъ свойства, а больше по удобству; притомъ, въ случаѣ разногласія, они поступали въ общее собраніе, гдѣ опять все сливалось во едино. Екатерина имѣла въ виду преобразовать сенатъ по образцу губерній: первый департаметъ долженъ былъ соотвѣтствовать губернскому правленію, вто-

рой—казенной палатѣ, остальные—палатѣ гражданскаго и уголовнаго суда. Но это предположеніе осталось безъ послѣдствій.

Вторая невыгода екатерининской системы вытекала прямо изъ самаго ея существа. Она заключалась въ недостаткѣ центральныхъ учрежденій по отдѣльнымъ отраслямъ управленія. Мѣстныя установленія не могли замѣнить коллегій. Сенатъ, какъ единственное центральное правительственное мѣсто, могъ только контролировать, а не управлять. Вслѣдствіе этого все управленіе должно было сосредоточиться въ рукахъ намѣстниковъ, которые естественно превращались въ пашей. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно было изчезнуть единство дѣйствій, общее направленіе, которое тѣмъ необходимѣе, чѣмъ менѣе администрація успѣла установиться на твердыхъ началахъ и привыкнуть къ правильному ходу.

Этотъ послѣдній недостатокъ почувствовался весьма скоро. При Павлѣ большая часть коллегій были возстановлены, однако подъ управленіемъ главныхъ директоровъ, которые прежнему коллегіяльному устройству придавали характеръ единоличный. Въ 1802 году, съ учрежденіемъ министерствъ, которые замѣнили собою коллегіи, единоличное управленіе получило полное развитіе. Это преобразованіе было совершенно цѣлесообразно, потому что исполнительныя дѣла, требующія быстроты и единства исполненія, несравненно лучше завѣдываются отдѣльными лицами, нежели коллегіями.

Министерства были подчинены сенату, которому ввѣренъ надъ ними контроль. Въ сенатъ представлялись отчеты министровъ; онъ разсматривалъ дѣйствія послѣднихъ, требовалъ отъ нихъ объясненій въ случаѣ замѣченныхъ имъ злоупотребленій, и обо всемъ доносилъ государю. Но рядомъ съ этимъ, министры непосредственно дѣлали доклады импера-

тору, и получали отъ него разрѣшенія. Эти доклады производились лично или совокупно, черезъ учрежденный въ то время комитетъ министровъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ государь. Комитету же, въ отсутствіи государя, поручались важнѣйшія дѣла, такъ что онъ пріобрѣлъ несравненно большее значеніе, нежели сенатъ. Представленіе сенату министерскихъ отчетовъ обратилось въ пустую формальность, ибо по всѣмъ дѣламъ, которыя подлежали контролю, оказывалось всякій разъ, что министръ получилъ уже высочайшее разрѣшеніе, слѣдовательно возражать было невозможно. Мы видимъ здѣсь тоже отношеніе между независимою коллегіею и личнымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, какое замѣчали и прежде.

Наконецъ, рядомъ съ сенатомъ и комитетомъ министровъ, на мѣсто уничтоженнаго совѣта, учрежденъ былъ совѣтъ непремѣнный, собственно для законодательства, которое въ первый разъ получило постоянный и отдѣльный органъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ царствованія Александра I-го обозначились всѣ тѣ учрежденія, которыя донынѣ составляютъ центральное управленіе въ Россіи: государственный совѣтъ, комитетъ министровъ, сенатъ, министерства. Но всѣ эти установленія не имѣли ни соотвѣтствующей ихъ назначенію организаціи, ни правильнаго распредѣленія дѣлъ. Преобразованія совершались безъ обдуманнаго плана, поспѣшно, а иногда случайно. Нужно было все это подчинить единой мысли, устроить по общему плану. Изъ этой потребности вышла замѣчательнѣйшая попытка организаціи центральнаго управленія, какая встрѣчается въ нашей исторіи. То былъ проектъ Сперанскаго.

Планъ Сперанскаго основывался на раздѣленіи органовъ властей законодательной, исполнительной и судебной. Первая должна была сосредоточиться въ государственномъ со-

вѣтѣ; вторая ввѣрялась министрамъ подъ контролемъ правительствующаго сената; третью предполагалось вручить сенату судному, который, согласно съ проектомъ Екатерины, долженъ былъ раздѣлиться на четыре верховныхъ судилища — въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ и въ Казани. Государственный совѣтъ въ 1810 году получилъ новое устройство, которое онъ въ существенныхъ чертахъ сохраняетъ доселѣ. Въ 1811 году издано было превосходное учрежденіе министерствъ. Но остальная часть плана, по случаю паденія Сперанскаго, не была приведена въ исполненіе. Судебное вѣдомство вовсе не подверглось преобразованію; правительствующій сенатъ не былъ отдѣленъ отъ суднаго и не получилъ того значенія, которое хотѣлъ дать ему Сперанскій.

На основаніи общаго учрежденія министерствъ, въ сенатѣ должны были сосредоточиться всѣ административныя дѣла, превышающія власть министровъ и требующія общаго содѣйствія и общихъ соображеній. Но министры лишались при этомъ личныхъ докладовъ государю; комитетъ министровъ предполагалось также упразднить. Всѣ доклады должны были идти чрезъ правительствующій сенатъ, который становился такимъ образомъ дѣйствительнымъ начальникомъ министровъ. Министерства, по выраженію Сперанскаго, должны были считаться не среднимъ отдѣльнымъ учрежденіемъ, а самимъ правительствующимъ сенатомъ, котораго министры суть члены, а министерства — составныя части.

Нельзя не сказать, что эти послѣднія предположенія заключали въ себѣ весьма существенныя ошибки. Устроенный такимъ образомъ сенатъ долженъ былъ стать и контролирующимъ и высшимъ исполнительнымъ мѣстомъ. Между тѣмъ, онъ былъ неспособенъ ни къ тому, ни къ другому.

Контроль, какъ и въ петровскомъ сенатѣ, былъ невозможенъ надъ министрами, которые сами становились членами этой коллегіи. Исполнительная же власть, врученная сенату, уничтожала всѣ выгоды учрежденія министерствъ. Администрація снова связывалась несвойственными ей коллегіяльными формами, которыя замедляютъ дѣла, снимаютъ отвѣтственность съ отдѣльныхъ лицъ, прикрываютъ нерадѣніе и злоупотребленія членовъ, ослабляютъ дѣйствіе власти на подчиненныя мѣста и лица. Административная коллегія годится для совѣщанія, а не для управленія. Она можетъ контролировать, но она не должна уничтожать свободы и отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ, которымъ ввѣрена правительственная власть. Единство дѣйствій сообщается министерству личными совѣщаніями министровъ, а не сліяніемъ отдѣльныхъ отраслей въ стоящую надъ ними коллегію.

Кромѣ того, желаніе устранить личныя вліянія посредствомъ коллегіяльнаго учрежденія можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, повести къ результату совершенно противоположному. Въ абсолютномъ правленіи, дѣла коллегіи нерѣдко достаются въ руки одного лица, чрезъ которое идутъ доклады, будь оно генералъ-прокуроръ, какъ Вяземскій, государственный секретарь, какъ Сперанскій, или начальникъ собственной Е. В. канцеляріи, какъ Аракчеевъ. Въ такомъ случаѣ коллегіяльная дѣятельность ведетъ единственно къ тому, что одно лице получаетъ полное преобладаніе надъ остальными.

Эта часть проекта Сперанскаго не только не была приведена въ исполненіе, но случилось совершенно обратное тому, что̀ онъ предполагалъ. Комитетъ министровъ остался, и мало по малу притянулъ къ себѣ всѣ важнѣйшія дѣла, такъ что даже доклады сената стали поступать чрезъ него.

Мы сказали уже выше, что во время отлучекъ государя, на комитетъ министровъ возлагалось управленіе государствомъ. Эти отлучки повторялись часто въ царствованіе Александра I-го, и всякій разъ комитету давались инструкціи, которыя потомъ измѣнялись и сокращались по возвращеніи императора. Эти частныя инструкціи послужили основаніемъ устройству комитета министровъ. Въ 1812-мъ году ему предоставлены были всѣ текущія дѣла, требующія общихъ соображеній или содѣйствія разныхъ министерствъ, дѣла, по которымъ министръ встрѣтитъ какое-нибудь сомнѣніе, дѣла, превышающія власть министровъ и подлежащія высочайшему разрѣшенію, и вообще всѣ дѣла, по которымъ министры докладывали государю. Въ этомъ числѣ находились доклады и рапорты сената, не только по административнымъ, но и по судебнымъ дѣламъ. Послѣднія представлялись на высочайшее усмотрѣніе, если въ общемъ собраніи сената не составлялось узаконенныхъ двухъ третей голосовъ, или если съ рѣшеніемъ большинства не согласенъ былъ министръ юстиціи. Комитетъ, заваленный дѣлами, не имѣлъ ни времени, ни возможности входить въ разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ. Въ 1813-мъ году онъ просилъ у государя позволеніе передать эти дѣла государственному совѣту, къ вѣдомству котораго они ближе подходили по своему свойству. Это и было разрѣшено. Дѣйствительно, уже при образованіи его въ 1810 году, государственный совѣтъ получилъ въ свое вѣдомство нѣкоторыя судебныя дѣла, но только до предполагаемаго окончательнаго устройства судебной части. Въ то время дозволено было подавать жалобы на департаменты сената въ учрежденную при совѣтѣ коммиссію прошеній, и если коммиссія находила приговоръ незаконнымъ, то дѣла этого рода поступали на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Но на общее собраніе

сената запрещено было жаловаться. Теперь государственный совѣтъ сдѣлался высшею инстанціею и надъ общимъ собраніемъ. Законодательное сословіе, вслѣдствіе временныхъ и случайныхъ распоряженій, сдѣлалось вмѣстѣ и верховнымъ судилищемъ.

Что касается до высшихъ исполнительныхъ дѣлъ, то даже въ присутствіи государя, они болѣе и болѣе сосредоточивались въ комитетѣ министровъ. Во второй половинѣ царствованія Александра I-го, чрезъ него шли всѣ представленія министровъ; послѣдніе не имѣли почти личныхъ докладовъ. Причина этого заключалась въ преобладающемъ вліяніи Аракчеева, чрезъ котораго поступали къ государю всѣ дѣла комитета.

Такимъ образомъ въ комитетѣ министровъ осуществилось то, что Сперанскій предполагалъ сдѣлать въ правительствующемъ сенатѣ. Но послѣдній, въ видахъ Сперанскаго, имѣлъ несравненно болѣе характеръ высшаго государственнаго учрежденія, независимой, властью облеченной коллегіи, нежели комитетъ министровъ, который составлялъ не болѣе, какъ совѣщательное собраніе главныхъ администраторовъ и никогда не получалъ правильной организаціи. Правительствующая власть сената изчезла или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшилась, вслѣдствіе того, что центръ управленія все-таки лежалъ въ министерствахъ, которыя старались сдѣлаться независимыми отъ всякаго другаго учрежденія.

По удаленіи Аракчеева, въ царствованіе Николая, возобновились и личные доклады министровъ. Но какъ прежде являлось колебаніе между сенатомъ и комитетомъ министровъ, такъ теперь родилось такое же неопредѣленное отношеніе между комитетомъ и личными докладами. Комитетъ, притянувъ къ себѣ текущія дѣла администраціи, получилъ

чрезъ это характеръ обыкновеннаго присутственнаго мѣста. Обремененный дѣлами бюрократическаго свойства, онъ потерялъ то значеніе, которое имѣлъ по первоначальному своему происхожденію и по своему существу—значеніе совѣщанія высшихъ администраторовъ о важнѣйшихъ мѣрахъ, требующихъ общаго распорядка и единства въ дѣйствіяхъ. Вслѣдствіе этого, предсѣдательство государя сдѣлалось въ немъ неумѣстнымъ, а какъ скоро не было лица, связывающаго министерства, такъ важнѣйшія дѣла естественно стали отходить къ личнымъ докладамъ. Это было тѣмъ легче, что законъ, большею частію, вовсе не опредѣлялъ предметовъ личныхъ докладовъ; просторъ былъ, слѣдовательно, широкій. Частныя же инструкціи, которыя давались отдѣльнымъ министрамъ, не составлялись на основаніи общаго плана и могли всегда подвергаться перемѣнамъ. Такъ въ 1829 г. министру внутреннихъ дѣлъ даны были таблицы съ означеніемъ дѣлъ, представляемыхъ непосредственно на высочайшее усмотрѣніе, и тѣхъ, которыя должны были вноситься въ комитетъ министровъ (П. С. З. № 2,857). Изъ разсмотрѣнія этихъ таблицъ, едва ли возможно вывести какія-либо общія руководящія начала. Очевидно только, что важныя и чрезвычайныя дѣла предоставлены личнымъ докладамъ и что количество этихъ дѣлъ могло умножиться. То же самое можно видѣть въ существующемъ нынѣ порядкѣ представленій о наградахъ орденами: черезъ комитетъ министровъ восходятъ только представленія о наградахъ низшими орденами или степенями орденовъ; представленія о высшихъ наградахъ предоставлены личнымъ докладамъ.

Потерявши первоначальное свое значеніе, превратившись въ обыкновенное присутственное мѣсто для текущихъ дѣлъ, комитетъ министровъ не могъ долѣе охранять единство управленія. Главная пружина администраціи заключалась

уже не въ сношеніяхъ управляющихъ лицъ между собою, а въ совѣщаніяхъ каждаго отдѣльнаго министра съ государемъ. Устранить это неудобство, возвратить управленію надлежащее единство, можно было двоякимъ образомъ: или возстановивши настоящее значеніе комитета министровъ, или создавши новое учрежденіе, на мѣсто прежняго. Но въ первомъ случаѣ надобно было сдѣлать совершенно новое распредѣленіе дѣлъ, устранить изъ комитета министровъ все, что препятствуетъ его дѣятельности, и преобразовать первый департаментъ сената, въ которомъ сосредоточивается часть высшаго административнаго вѣдомства. Второй путь признанъ болѣе удобнымъ. Именно съ этою цѣлью учрежденъ совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ государя, какъ можно видѣть изъ побудительныхъ причинъ, изложенныхъ въ указѣ 18-го октября 1861 года: «дабы соблюсти общую систему и единство дѣйствій всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій», сказано въ указѣ. Новый совѣтъ не составляетъ коллегіи, въ которой дѣла рѣшаются по большинству голосовъ; это собраніе чисто совѣщательное. Дѣла вносятся въ него не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, по предварительномъ докладѣ министра. По обсужденіи въ совѣтѣ, они или прямо получаютъ высочайшую резолюцію, или подвергаются новому обсужденію въ особыхъ коммиссіяхъ, или же, если они состоятъ въ проектахъ законовъ, отсылаются на дальнѣйшее разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ.

Это историческое происхожденіе совѣта министровъ одно можетъ объяснить намъ отношеніе его вѣдомства къ вѣдомству другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Если, опустивши исторію управленія, мы взглянемъ на одну букву закона, мы будемъ поставлены въ нѣкоторое затрудненіе. Намъ представится, что новое учрежденіе имѣетъ совершен-

но одинакое вѣдомство съ прежними, а потому и необходимость его останется для насъ непонятною. Такъ въ общемъ наказѣ министерствамъ (ст. 211), на который ссылается и учрежденіе сената (ст. 33), къ вѣдомству послѣдняго отнесены, между прочимъ, слѣдующія общія исполнительныя дѣла:

«1) Когда въ образѣ исполненія встрѣтится недоумѣніе или затрудненіе, коего разрѣшеніе, не предполагая новаго закона или отмѣны прежняго, зависитъ не отъ одного министерства, но отъ общаго соображенія и содѣйствія другихъ. 2) Когда между разными частями управленія, какъ въ министерствахъ, такъ и въ губернскихъ начальствахъ, произойдетъ сомнѣніе о точной принадлежности самаго предмета исполненія. 3) Когда дѣйствіе принятой какой-либо мѣры или точное исполненіе данныхъ предписаній по одной части, будетъ преграждаемо въ другой предписаніями или мѣрами противными, или же бездѣйствіемъ, или прекословеніемъ начальствъ подчиненныхъ. 4) Когда мѣра, пріемлемая въ одномъ министерствѣ, по существу своему зависитъ отъ соображенія или требуетъ содѣйствія другихъ, или когда, по теченію дѣлъ, въ одномъ министерствѣ признано будетъ нужнымъ усилить принятыя имъ мѣры содѣйствіемъ другихъ. 5) Когда признано будетъ нужнымъ усилить исполненіе принятыхъ мѣръ понужденіемъ, штрафами и взысканіями. 6) Когда предстанетъ нужда сдѣлать общее (циркулярное) предписаніе, въ поясненіе или подтвержденіе существующихъ правилъ и учрежденій. 7) Когда признано будетъ нужнымъ собрать общія свѣдѣнія, коихъ составленіе и предметы относятся не къ одному министерству, но предполагаютъ содѣйствіе другихъ.»

Въ болѣе краткихъ словахъ, тѣ же предметы отнесены и къ вѣдомству комитета министровъ (ст. 12). Сюда относя-

тся слѣдующія текущія дѣла по всѣмъ частямъ министерскаго управленія:

«1) Дѣла, по коимъ нужно общее соображеніе или содѣйствіе разныхъ министерствъ. 2) Дѣла, въ разрѣшеніи и исполненіи которыхъ встрѣтитъ министръ сомнѣніе. 3) Дѣла, разрѣшеніе коихъ превышаетъ предѣлъ власти, ввѣренной въ особенности каждому министру, и требующія высочайшаго разрѣшенія.»

Такимъ образомъ дѣла, требующія общаго содѣйствія и соображенія отнесены уже къ двумъ учрежденіямъ. Они же входятъ въ вѣдомство совѣта министерства (ст. 1-я п. г. и д.). Сюда относятся:

«1) Тѣ мѣры, требующія общаго содѣйствія разныхъ вѣдомствъ и управленій, кои по существу своему не подлежатъ разсмотрѣнію другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій. 2) Свѣдѣнія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ каждаго министерства и главнаго управленія по его вѣдомству, требующихъ общаго соображенія. Свѣдѣнія сіи должны быть заявляемы въ совѣтъ министровъ съ тою цѣлью, чтобы каждому министру и главноуправляющему были извѣстны главнѣйшія дѣйствія и распоряженія другихъ министровъ и главныхъ управленій.»

Хотя въ первой статьѣ и сдѣлана оговорка, однако неясность остается, ибо законъ нигдѣ не опредѣляетъ, какія именно дѣла, требующія общаго содѣйствія и соображенія, относятся къ тому или другому правительственному мѣсту.

Только историческое развитіе учрежденій можетъ объяснить намъ это недоразумѣніе. Изъ него открывается, что дѣла этого рода отнесены къ вѣдомству сената общимъ наказомъ министерствамъ, потому что въ то время предполагалось сдѣлать изъ правительствующаго сената высшую коллегію, стоящую надъ министерствами. Впослѣдствіи част-

ными инструкціями и указами, эти предметы перенесены на комитетъ министровъ; затѣмъ, когда комитетъ превратился въ обыкновенное присутственное мѣсто для текущихъ дѣлъ, важнѣйшія дѣла, опять же частными повелѣніями, перешли въ личные доклады министровъ государю; наконецъ, въ настоящее время они переданы въ вѣдомство совѣта министровъ, однако не иначе, какъ по предварительномъ разрѣшеніи императора. Когда учрежденія строятся заразъ, по общему плану, тогда вѣдомства разграничиваются точнымъ образомъ; каждое установленіе получаетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствія. Но когда развитіе учрежденій совершается историческимъ путемъ, частными мѣрами, тогда въ законодательствѣ на каждомъ шагу могутъ встрѣтиться постановленія, которыя, потерявши прежнее свое значеніе, замѣнились новыми, но сохраняются еще, какъ остатки отжившаго порядка вещей. Такимъ историческимъ путемъ развивалось наше центральное управленіе. Учрежденія возникали въ различное время, по различному плану; они измѣнялись частными мѣрами. Это отзывается и на распредѣленіи дѣлъ. Старшее по времени учрежденіе, сенатъ, идетъ отъ Петра; въ немъ долго сосредоточивалось все высшее управленіе государства. Остатокъ этого порядка сохраняется въ томъ, что сенатъ, кромѣ судебнаго вѣдомства, имѣетъ и административное; по закону онъ все еще считается верховнымъ правительствующимъ мѣстомъ въ имперіи. Государственный совѣтъ, наоборотъ, былъ первоначально учрежденъ единственно для законодательства; но такъ какъ преобразованіе остальнаго управленія осталось незаконченнымъ, то онъ сдѣлался вмѣстѣ и верховнымъ судилищемъ. Наконецъ, въ исполнительной части одно учрежденіе министерствъ составлено по общему плану. Устройство комитета министровъ совершалось болѣе практи-

чески, нежели на основаніи обдуманныхъ предположеній. Совѣтъ министровъ призванъ восполнить оказавшійся въ управленіи пробѣлъ, но по закону вѣдомство его сталкивается съ вѣдомствомъ другихъ учрежденій.

Чтобы вполнѣ выяснить себѣ значеніе совѣта министровъ и занимаемое имъ мѣсто въ высшемъ управленіи, необходимо взглянуть на существо административныхъ началъ, которыя воплощаются въ центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ.

Главное зерно исполнительной части составляютъ министерства. Выше было уже замѣчено, что для силы и быстроты исполненія необходимо единоличное устройство. Это начало водворяется вездѣ, гдѣ администрація достигаетъ извѣстной степени развитія. Но единоличное управленіе, развѣтвленное на отдѣльныя отрасли, требуетъ съ одной стороны контроля, съ другой стороны — единства. Лице, облеченное властью, необходимо должно пользоваться извѣстною свободою дѣйствій, съ отвѣтственностью за свои дѣла. Въ странахъ, гдѣ существуетъ сильная централизація, власть министра становится чрезъ это еще обширнѣе. Но всякая административная власть, особенно если она пользуется значительнымъ просторомъ, непремѣнно подлежитъ контролю. Министерство, при централизованномъ управленіи, безъ надлежащаго контроля, легко впадаетъ въ колею бюрократическаго произвола и формализма. Этотъ контроль можетъ быть двоякій. Политическій контроль въ конституціонныхъ государствахъ принадлежитъ законодательному собранію, а въ самодержавномъ правленіи — монарху. Но кромѣ того, необходимъ и контроль административный, который можетъ быть возложенъ только на независимую коллегію. Она призывается къ охраненію общихъ нормъ и направленія администраціи; она полагаетъ преграду шатко-

сти министерскихъ видовъ, неизбѣжной при частой смѣнѣ министровъ; она ограждаетъ права и интересы частныхъ лицъ, при столкновеніяхъ съ административною властью; она же, содержа въ себѣ спеціялистовъ по управленію, можетъ давать совѣты и готовить работы, требующія зрѣлаго обсужденія. Сперанскій, въ учрежденіи правительствующаго сената, имѣлъ въ виду такое собраніе; но онъ далъ ему не только контроль, но и исполнительную власть, въ чемъ состояла ошибка. Во Франціи, рядомъ съ министерствомъ, существуютъ два превосходныя административныя учрежденія: государственный совѣтъ и счетная палата. Первый составляетъ вмѣстѣ контролирующую и совѣщательную коллегію. Въ настоящее время ему принадлежитъ и участіе въ законодательствѣ, но это вызывается болѣе политическими цѣлями, нежели самымъ существомъ учрежденія. У насъ высшія административныя дѣла распредѣляются между первымъ департаментомъ сената, комитетомъ министровъ, отчасти государственнымъ совѣтомъ, министерствами, личными докладами и, наконецъ, совѣтомъ министровъ. Ревизія счетовъ сосредоточивается не въ независимой верховной палатѣ, а въ отдѣльномъ министерствѣ, которое, въ свою очередь, подчиняется и сенату, и комитету министровъ, и государственному совѣту. Приготовленіе законовъ, которое во Франціи принадлежитъ государственному совѣту, состоящему въ ближайшей связи съ администраціею, возложено на особое учрежденіе, на II-е отдѣленіе собственной Е. В. канцеляріи. При такомъ устройствѣ, контроль, слишкомъ разсѣянный, по необходимости становится слабымъ. Важнѣйшая административная коллегія — комитетъ министровъ, по самому своему составу, вовсе къ контролю неспособенъ, ибо, какъ сказано въ указѣ Петра великаго: «сами будучіе во опыхъ, какъ могутъ сами себя судить?»

Тоже самое возраженіе можно сдѣлать и противъ совѣта министровъ, какъ контролирующаго собранія. Притомъ, взаимный контроль возможенъ только въ ущербъ единству. Люди, связанные общимъ направленіемъ и интересами, другъ друга контролировать не въ состояніи. Однако совѣтъ нѣсколько болѣе способенъ къ этому, нежели комитетъ министровъ, потому что въ немъ предсѣдательствуетъ государь, которому всегда принадлежитъ верховный контроль надъ министрами. Это же обстоятельство даетъ совѣту министровъ возможность удовлетворить другой существенной сторонѣ управленія — потребности единства. Въ самодержавіи, министры не соединяются между собою необходимостью отстаивать общую политику передъ палатою представителей. Ихъ связываетъ одно лицо государя, а потому, естественно, личныя отношенія къ верховной власти для нихъ несравненно важнѣе, нежели совокупное дѣйствіе. Отсутствіе государя ослабляетъ главную связь министерства, вслѣдствіе чего комитетъ министровъ не въ состояніи былъ играть ту роль, которая нынѣ предоставлена совѣту.

Но говоря объ единствѣ управленія, необходимо уяснить: какого рода единство должно существовать въ министерствѣ? Многіе представляютъ себѣ министерство въ абсолютномъ правленіи на подобіе министерства конституціоннаго, въ которомъ всѣ члены солидарны между собою. Этотъ взглядъ нерѣдко слышится въ публикѣ и даже проявляется въ литературѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что управленіе требуетъ согласія въ дѣйствіяхъ, а потому отчасти и въ мнѣніяхъ управляющихъ лицъ. Министры, которые тянутъ въ разныя стороны и дѣйствуютъ наперекоръ другъ другу, производятъ разстройство въ государствѣ. Но согласіе не значитъ солидарность. Мы крайне ошибемся, если мы станемъ переносить

черты, принадлежащія одной государственной формѣ, на другую, находящуюся въ совершенно иныхъ условіяхъ. Каждый образъ правленія имѣетъ свое начало, съ которымъ должны сообразоваться и учрежденія. Это не значитъ, что въ абсолютной монархіи власть каждаго чиновника, сверху до низу, должна быть безграничная. Напротивъ: если образованное общество не можетъ обойдтись безъ свободы, то этой потребности долженъ быть предоставленъ тѣмъ больший просторъ въ одной области, чѣмъ болѣе она стѣсняется въ другой. Каждый образъ правленія, чтобы отвѣчать на всѣ нужды народа, долженъ восполнять неизбѣжно присущіе ему недостатки допущеніемъ началъ противоположныхъ, на сколько они съ нимъ совмѣстны. Въ этомъ отношеніи, абсолютная монархія можетъ, не опасаясь за себя, заимствовать учрежденія изъ другихъ государственныхъ формъ, но только съ одной оговоркой: если эти учрежденія не требуютъ условій, невозможныхъ въ самодержавіи. Иначе произойдетъ совершенно противоположное тому, что имѣлось въ виду. Именно это различіе условій не позволяетъ перенести понятіе о министерствѣ конституціонномъ на самодержавное государство.

Въ конституціонной монархіи правленіе движется борьбою партій. Монархъ стоитъ выше ихъ, внѣ этихъ преній; онъ представляетъ цѣльность государства, совокупность интересовъ народа. Борьба касается только министерства; она происходитъ въ палатѣ представителей, которая даетъ побѣду той или другой сторонѣ. Вслѣдствіе этого, каждое министерство является органомъ извѣстной партіи. Оно состоитъ изъ ея вождей; составленіе его поручается одному лицу, котораго партія признала своимъ главою. Всѣ министры другъ съ другомъ солидарны; они имѣютъ рѣзко опредѣленную, и притомъ одностороннюю программу, кото-

рую они берутся проводить подъ ударами противниковъ, вѣчно стоящихъ на сторожѣ. Вся жизнь министерства проходитъ въ этой борьбѣ. Малѣйшій промахъ ведетъ его къ паденію и къ торжеству партіи противоположной.

Совершенно иное происходитъ въ самодержавіи. Здѣсь правленіе изъято изъ борьбы партій; министры зависятъ не отъ палаты представителей, а отъ личной воли монарха. Партіямъ нѣтъ возможности помѣриться, опредѣлиться, и потому онѣ не имѣютъ признанныхъ всѣми вождей. Вслѣдствіе этого, министерство людей одномыслящихъ, солидарныхъ между собою, будетъ имѣть совершенно иное значеніе, нежели въ конституціонной монархіи. Это будетъ не министерство извѣстной партіи, опирающейся на общественное мнѣніе, а управленіе кружка, часто съ весьма исключительными взглядами и съ личными видами. Здѣсь для правителей нѣтъ пробы, на сколько они пользуются общественнымъ довѣріемъ. Они не воплощаютъ въ себѣ, по общему признанію, извѣстнаго политическаго направленія. Они держатся не вліяніемъ своимъ на палату представителей, а личнымъ благоволеніемъ монарха. Слѣдовательно здѣсь, самою силою вещей, будетъ преобладать личное начало.

Всѣ эти невыгоды появятся еще въ большей степени, если составленіе министерства будетъ поручено одному лицу — первенствующему министру, какъ это дѣлается въ конституціонныхъ государствахъ. Въ послѣднихъ, первый министръ—признанный глава партіи. Онъ беретъ на себя составленіе министерства, потому что надѣется на поддержку большинства палаты. Въ самодержавіи, первый министръ будетъ любимецъ, временщикъ, который, не нуждаясь въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, заслонить собою все. Каждый образъ правленія имѣетъ свои слабыя стороны, которыхъ слѣдуетъ остерегаться. Возможность личныхъ

вліяній, безспорно, составляетъ одну изъ слабыхъ сторонъ абсолютизма, а потому усиленіе личнаго элемента не можетъ быть признано здравою политикой.

Наконецъ, положеніе министерства измѣняется тѣмъ, что въ конституціонной монархіи, партія, стоящая во главѣ правленія, всегда дѣйствуетъ подъ контролемъ противниковъ. Въ самодержавіи этотъ контроль не существуетъ. Здѣсь нѣтъ прямыхъ указаній на то, что извѣстный образъ дѣйствій не соотвѣтствуетъ общественнымъ нуждамъ. Противоположная партія принуждена молчать и должна уничтожиться. Въ неограниченной монархіи, господство партіи будетъ не что иное, какъ употребленіе всей силы самодержавной власти въ пользу односторонннихъ интересовъ и исключительнаго направленія.

Такимъ образомъ различіе условій влечетъ за собою совершенно иное положеніе министерства въ конституціонномъ правленіи и въ абсолютномъ. Въ первомъ министерство отражаетъ на себѣ характеръ народнаго представительства, отъ котораго оно состоитъ въ непосредственной зависимости, во второмъ—характеръ монархическаго начала, которое господствуетъ надъ всѣмъ. Существо же монархическаго начала состоитъ въ томъ, что оно является представителемъ интересовъ не какой-либо части народа, а всего государства. Въ конституціонномъ правленіи, главная пружина—борьба интересовъ, воплощаемыхъ въ партіяхъ; въ самодержавіи, напротивъ, —возможное соглашеніе различныхъ интересовъ. Въ обоихъ требуется единство управленія, но въ самодержавіи оно должно быть основано не на господствѣ одной партіи, а на сочетаніи различныхъ партій и направленій. При всякомъ разумномъ правительствѣ, въ нормальномъ положеніи дѣлъ, крайнія партіи всегда остаются внѣ области власти. Онѣ всплываютъ на верхъ во вре-

мена революцій или реакцій, но держаться прочнымъ образомъ онѣ не въ силахъ, потому что онѣ представляютъ слишкомъ исключительное направленіе и не отвѣчаютъ общимъ интересамъ народа. Правительство нормальнымъ образомъ состоитъ изъ людей среднихъ партій, которые одни въ состояніи соглашать различные интересы, дѣлать уступки, соображаться съ практикою. Въ конституціонныхъ государствахъ, борьба за министерство всегда идетъ между правымъ и лѣвымъ центромъ. Въ самодержавіи, министерство можетъ соединять въ себѣ людей обоихъ центровъ. Самодержавіе обладаетъ возможностью привлечь къ правленію всѣхъ способнѣйшихъ людей страны, не ставя непремѣнно нѣкоторыхъ изъ нихъ въ оппозицію, то есть въ такое положеніе, въ которомъ значительная часть ихъ силъ теряется для народа. Отъ подобнаго средства дѣйствовать отказываться не слѣдуетъ.

Тоже самое положеніе даетъ абсолютному правительству возможность опираться на общественное мнѣніе, составленное изъ всѣхъ людей съ умѣреннымъ образомъ мыслей. Часто говорятъ, что всякое правительство должно составить себѣ партію въ обществѣ, и это справедливо въ томъ смыслѣ, что власть не должна оставаться въ одиночествѣ, что ей нужна поддержка разумныхъ общественныхъ силъ. Но въ конституціонныхъ государствахъ, опорою министерства служитъ дисциплинированная партія, съ опредѣленною программою; въ самодержавіи же, правительство можетъ искать гораздо болѣе широкой опоры, ибо здѣсь партіи не обозначились такимъ рѣзкимъ образомъ; здѣсь нѣтъ политической борьбы за власть, и масса умѣренныхъ людей, рано или поздно, готова примкнуть къ правительству, разумно идущему по пути развитія и соблюдающему всѣ существенные интересы народа.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что не всегда легко держаться такого согласующаго направленія. Когда разгорѣлись страсти, невозможно удовлетворить обѣ стороны; когда совершаются значительныя преобразованія, которыя затрогиваютъ живые интересы, нельзя дѣйствовать примирительно, не упуская изъ вида общей государственной цѣли. Наконецъ, примирительное направленіе безъ достаточной энергіи, безъ твердаго плана дѣйствій, можетъ явиться шаткостью, слабостью, можетъ вести къ полумѣрамъ, ничего не рѣшающимъ, или къ мѣрамъ, противорѣчащимъ одна другой. Всякое рѣшеніе требуетъ неуклонной воли. Рѣшимость въ преобразованіяхъ и примирительная твердость въ исполненіи — вотъ качества, которыя характеризуютъ хорошее управленіе въ абсолютной монархіи, вотъ единство, котораго можно требовать отъ министерства.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ самодержавномъ государствѣ члены министерства не могутъ имѣть такой солидарности между собою, какъ въ конституціонной монархіи. Они не обязаны совокупными силами поддерживать извѣстную программу. Отвѣтственность за неудачную мѣру не падаетъ на всѣхъ. Безъ сомнѣнія, въ самодержавіи, какъ и во всякомъ другомъ правленіи, министръ, достойный этого званія не можетъ быть слѣпымъ орудіемъ, простымъ исполнителемъ. Правленіе требуетъ собственной мысли, иниціативы и отвѣтственности. Иначе оно превращается въ рутину, въ гибельный формализмъ. Люди только то дѣлаютъ хорошо, что они дѣлаютъ съ любовью. Человѣкъ съ убѣжденіями не возьмется дѣйствовать по программѣ, которая противорѣчитъ его образу мыслей; онъ знаетъ, что онъ не въ состояніи исполнить ее добросовѣстно. Но изъ этого не слѣдуетъ, что всякая государственная мѣра непремѣнно должна быть одобрена всѣми министрами. Каждый

можетъ дѣйствовать въ предѣлахъ ввѣренной ему части, не отвѣчая за прочихъ и стараясь только поддерживать единство управленія соглашеніемъ видовъ и дѣйствій. Уступки и соглашенія, которыя составляютъ самое существо политики, здѣсь необходимѣе, нежели гдѣ либо, и лучшимъ для этого средствомъ служитъ такое учрежденіе, какъ совѣтъ министровъ, въ которомъ мѣры каждаго министерства подвергаются общему обсужденію. Чрезъ него можетъ быть достигнуто не единство политической программы, но единство административной дѣятельности, а это то, что̀ требуется для хорошаго управленія.

X.

О СУДЕБНОЙ РЕФОРМѢ.

1861 годъ видѣлъ преобразованіе, которое составляетъ эпоху въ русской исторіи. 1862 годъ не менѣе плодотворенъ. Въ началѣ года въ первый разъ обнародованъ бюджетъ; затѣмъ въ правительственномъ отчетѣ объявлено, что цензуру книгъ предполагается уничтожить; теперь публикуются Высочайше утвержденныя начала новаго устройства суда. Основанія ихъ: независимость судей, публичность суда, присяжные. Реформа слѣдуетъ за реформою; общественная свобода и гласность развиваются шире и шире. Не есть ли это лучшій отвѣтъ на односторонніе сужденія, на подозрѣнія недовольныхъ, на возгласы нетерпѣливыхъ?

Сердце русскаго бьется сильнѣе при мысли, что права наши будутъ ограждены, что безкорыстіе и правда водворятся на русской землѣ. «Положеніе» 19-го февраля даровало свободу 22 милліонамъ людей, реформа суда даетъ правосудіе всѣмъ. Въ настоящее время нѣтъ преобразованія болѣе настоятельнаго, болѣе соотвѣтствующаго и высшимъ нравственнымъ требованіямъ и насущной нуждѣ народа, жаждущаго защиты и правды. Это новый великій памятникъ нынѣшняго царствованія, равный по достоинству первому; это новый залогъ благихъ намѣреній Монарха, на которыя русскій человѣкъ отзовется признательностью и

любовью. Тѣ драгоцѣнныя стяжанія свободы, которыя другіе народы нерѣдко покупали своею кровью, мы получаемъ путемъ мирнаго развитія, изъ рукъ правительства, воодушевленнаго мыслію о благѣ подданныхъ.

Но, радуясь великому дѣлу и тѣмъ благодатнымъ послѣдствіямъ, которыя оно обѣщаетъ отечеству, мы не должны льстить себя надеждою, что оно можетъ совершиться вдругъ, что со введеніемъ новаго судебнаго устройства изчезнетъ, какъ мракъ передъ солнцемъ, все то множество золъ, которыя накопились вѣками, на которыя мы такъ долго негодовали напрасно: невѣжество, равнодушіе, корысть, лихоимство, произволъ. Устройство правильнаго суда тамъ, гдѣ нѣтъ даже первоначальныхъ его элементовъ, едва ли не болѣе трудное дѣло, чѣмъ самое освобожденіе крестьянъ. Послѣднее проникало въ глубину жизни, оно требовало самаго тонкаго чутья правды, самаго безкорыстнаго, терпѣливаго, осторожнаго и настойчиваго образа дѣйствій при развязкѣ сложныхъ отношеній. Но все же это была развязка, а созидать всегда труднѣе, нежели разрѣшать. И что еще созидать! Не механическую силу, для которой нужны только энергія, да ясность взгляда, а нравственный порядокъ, основанный на свободномъ служеніи идеѣ. Новое преобразованіе даетъ намъ форму, способную принять въ себя нравственное содержаніе и поэтому мы привѣтствуемъ его отъ всей души; но осуществленіе этой мысли требуетъ долгихъ и долгихъ лѣтъ и многихъ усилій, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны народа. Нѣкоторыя изъ высказанныхъ здѣсь началъ, безъ сомнѣнія, немедленно принесутъ свою пользу, но другія только со временемъ могутъ получить свое настоящее значеніе.

Къ числу первыхъ мы относимъ публичность и гласность судопроизводства. Мы всегда были убѣждены, что это пер-

вое, если не единственное обезпеченіе правильнаго суда, котораго мы можемъ искать въ Россіи. Тамъ, гдѣ нѣтъ образованнаго сословія судей, гдѣ правительственный контроль невозможенъ по самому свойству судебныхъ учрежденій, тамъ остается одна надежда на контроль общественный. Мы знаемъ, что онъ не всегда бываетъ дѣйствителенъ, что въ отдаленныхъ закоулкахъ онъ часто ничтоженъ; мы знаемъ, что безъ печатной гласности публичность суда одно только слово, а печатная гласность, при плохихъ судьяхъ, можетъ повести къ униженію суда въ глазахъ народа; но въ томъ состояніи правосудія, какое мы видимъ въ Россіи, публичность суда для насъ якорь спасенія. Въ ней есть явныя, неопровержимыя выгоды, которыя далеко перевѣшиваютъ всевозможные недостатки, выгоды, которыя сдѣлаются ощутительными при первомъ введеніи новаго судоустройства. Судъ немедленно изъ области мрака перенесется на свѣтъ; судья немедленно будетъ поставленъ лицомъ къ лицу съ обществомъ, отвѣтствуя передъ нимъ за свои дѣйствія; граждане немедленно узнаютъ, какъ обходятся съ ихъ правами; подсудимый немедленно пріобрѣтетъ надежную гарантію въ воззваніи къ нравственному суду общества. Явныя притѣсненія сдѣлаются невозможны; возмутительное обхожденіе съ человѣческою личностью изчезнетъ. Общественное мнѣніе, какъ бы оно ни было незрѣло и ничтожно, всегда представляетъ нравственную силу, которая должна поднять и уровень судей. Въ гласности судопроизводства мы полагаемъ главное значеніе настоящаго преобразованія.

Едва ли благоразумно ожидать такихъ же быстрыхъ плодовъ отъ другихъ началъ, вводимыхъ новымъ судоустройствомъ. Въ наукѣ и въ практикѣ нѣтъ, можетъ-быть, начала болѣе твердо установленнаго, болѣе непреложнаго, чѣмъ независимость судей. Оно вытекаетъ изъ самаго существа

суда. Судья прежде всего долженъ быть безпристрастенъ; онъ — живой органъ правды и закона. А для этого необходима полная независимость его отъ постороннихъ вліяній. Судья долженъ быть одинаково чуждъ и угожденія правительству и личныхъ отношеній къ избирателямъ. Судья, который не пользуется независимостью, не имѣетъ нравственнаго значенія судьи. Отсюда начало несмѣняемости, которое обезпечивая независимость судей, считается лучшею гарантіею права. Все это такъ. Но что если, при неудачныхъ назначеніяхъ, при невозможности на первый разъ найти людей, суды наши наполнятся безсмѣнными судьями, не вполнѣ достойными своего званія? Ихъ уже нѣтъ возможности замѣнить другими. Безсмѣнный судья никого не боится. Онъ смѣется надъ общественнымъ мнѣніемъ, которое не въ силахъ нанести ущербъ матеріяльнымъ его выгодамъ. Начало несмѣняемости судей тогда только получитъ настоящее свое значеніе, когда судебное сословіе пріобрѣтетъ крѣпкій запасъ образованныхъ силъ, когда оно будетъ носить въ себѣ преданія и нравственный духъ, когда чувство сословной чести и нравственная атмосфера, окружающая судью съ самаго вступленія его на это поприще, не дозволятъ ему ни на минуту отклониться отъ прямаго пути. А на это требуется время; нравственныя силы создаются вѣками. Но, какъ основаніе для будущаго, начало независимости судей имѣетъ громадное значеніе. Правительство, которое отнынѣ предоставляетъ наказаніе гражданъ независимому суду, дѣлаетъ величайшій шагъ на пути законности, какой можетъ сдѣлать общественная власть. Честь ему и хвала!

Такъ же мало обѣщаемъ мы себѣ немедленныхъ результатовъ отъ учрежденія присяжныхъ. Если судьи, взятые изъ народа, служатъ обезпеченіемъ правъ, то у насъ давно

уже есть выборные судьи. Опытъ показываетъ, что народные суды не всегда ограждаютъ отъ лихоимства и произвола. Наши выборные судьи не удались. Но поставьте ихъ подъ контроль гласности, и немедленный результатъ будетъ тотъ же, что отъ суда присяжныхъ. Существенное отличіе послѣднихъ отъ выборныхъ засѣдателей состоитъ въ томъ, что они назначаются жребіемъ изъ всѣхъ сословій, а потому не зависятъ отъ избирателей. Тутъ образуется живая связь между судомъ и народомъ; всѣ граждане, по очереди участвуя въ судѣ, получаютъ высшее сознаніе своихъ правъ и обязанностей. Но для того, чтобы люди, случайно взятые изъ народа, могли произнести праведный приговоръ, и притомъ приговоръ безъ апелляціи, нерѣдко въ весьма запутанныхъ дѣлахъ, для этого необходимо руководство со стороны судьи. Процессъ представляетъ живую драму, въ которой каждая сторона старается склонить правосудіе на свою сторону. При множествѣ разнорѣчащихъ показаній и уликъ, часто весьма трудно объяснить себѣ дѣло. А кромѣ фактическаго вопроса, присяжные неизбѣжно обсуждаютъ и юридическій. Преступленіе—понятіе юридическое, которое опредѣляется закономъ. Надобно рѣшить, подходитъ ли совершонное дѣйствіе подъ это понятіе, или нѣтъ? Составляетъ ли оно настоящее преступленіе, или только покушеніе, или, наконецъ, просто поступокъ предосудительный, но не запрещаемый закономъ? Все это должно быть вполнѣ выяснено судьею, чтобы присяжные могли произнести правильный приговоръ. Иначе они бродятъ во мракѣ. Судья руководитъ всѣмъ ходомъ дѣла, онъ сводитъ преніи и доказательства къ общему итогу, онъ растолковываетъ присяжнымъ юридическіе вопросы. Для всего этого требуется большое знаніе, опытность и тонкость. Кто слѣдилъ за судами въ Англіи и во Франціи, тотъ могъ убѣдиться, какое огромное значеніе

имѣетъ судья для присяжныхъ. Послѣдніе почти не мыслимы безъ опытнаго руководителя. А такъ какъ трудно надѣяться, чтобы на первый разъ суды въ нашихъ уѣздныхъ городахъ были замѣщены опытными и образованными судьями, то на первую пору едва ли можно ожидать блистательныхъ результатовъ отъ присяжныхъ. Это учрежденіе принесетъ болѣе плодовъ въ будущемъ, нежели въ настоящемъ.

Однако и въ настоящее время оно не останется безполезнымъ. Если оно не улучшитъ немедленно самого суда, то, безъ сомнѣнія, возвыситъ въ обществѣ сознаніе гражданскихъ обязанностей. Служба присяжныхъ — новая тяжесть для гражданъ, тяжесть, налагаемая свободою. Освобожденіе крестьянъ породило небывалую дѣятельность въ нашихъ провинціяхъ. Преобразованіе суда въ свою очередь вызываетъ новыхъ дѣятелей; нужны судьи, адвокаты, присяжные. Свобода не пріобрѣтается даромъ; она требуетъ жертвъ и усилій. Но мужественное исполненіе гражданскихъ обязанностей одно даетъ обществу внутреннюю крѣпость и способность къ самоуправленію.

Не меньшихъ усилій требуетъ новое судоустройство и со стороны правительства. На немъ главнымъ образомъ лежитъ назначеніе судей, отъ которыхъ зависитъ весь успѣхъ предпріятія. А откуда ихъ взять, когда они не подготовлены жизнью? Создать изъ ничего независимое судебное сословіе—это подвигъ, передъ которымъ невольно останавливаешься съ изумленіемъ. Начертать законъ — дѣло сравнительно легкое. Но найдти людей, направить ихъ къ благой цѣли, вдохнуть въ нихъ духъ правды и чести, установить правосудіе на пространствѣ огромнаго государства, которое доселѣ его не знало, вотъ задача, съ которою едва ли что можетъ сравниться. Тутъ надобно имѣть дѣло не съ слѣпыми орудіями, а съ самыми свободными силами, какія су-

ществуютъ на землѣ — съ знаніемъ, съ нравственнымъ достоинствомъ, съ личною независимостью. Какой нуженъ высокій нравственный смыслъ, какое глубокое знаніе людей, какое неистощимое постоянство, какое соединеніе твердости съ гибкостью и съ уваженіемъ къ человѣку, чтобы руководить безъ произвола, чтобы направлять, не раздражая. Этой задачи станетъ на полвѣка. Много зависитъ отъ начала, и хотя въ дѣлахъ человѣческихъ нельзя искать совершенства, но мы надѣемся, что благія намѣренія правительства и готовность общества содѣйствовать великой цѣли, дадутъ Россіи возможность установить у себя правосудіе.

XI.

О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

Едва мы успѣли выразить свою радость на счетъ предстоящей реформы суда, какъ объявляется новое, важное преобразованіе. Давно уже было извѣстно, что готовится перемѣна въ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Нынѣ «*Сѣверная Почта*» публикуетъ и самыя начала, которыя легли въ основаніе трудовъ коммиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это не подробный проектъ, какъ судебное устройство, а извѣщеніе о томъ, что имѣется въ виду. Проектъ еще разработывается; онъ будетъ внесенъ для обсужденія въ государственный совѣтъ. Но главныя черты будущаго устройства достаточно обозначены.

Потребность большей самостоятельности мѣстнаго управленія чувствуется давно. Куда ни обратись, вездѣ слышны возгласы противъ централизаціи и бюрократіи, со всѣхъ сторонъ жалобы на то, что у насъ отнята всякая возможность дѣйствовать, что чиновничество парализуетъ всякую энергію и иниціативу. Хотя, правду сказать, въ основаніи этихъ толковъ обыкновенно случалось намъ встрѣчать какія-то смутныя понятія о самоуправленіи, а нерѣдко и желаніе свалить на чужую совѣсть вину собственной безпечности, однако въ нихъ есть и значительная доля истины. Эти жалобы указываютъ на существенный пробѣлъ въ на-

шемъ законодательствѣ. Екатерининскія учрежденія ввѣрили самоуправленію сословій судъ и полицію, но хозяйственно-административная часть оставалась въ то время неорганизованною. Она устроивалась въ послѣдствіи, частными мѣрами безъ общаго плана, и нельзя не сказать, что здѣсь участіе мѣстныхъ представителей далеко не получило надлежащаго значенія. А между тѣмъ именно эта отрасль представляетъ наиболѣе простора для мѣстнаго самоуправленія. Судъ и полиція имѣютъ общій государственный характеръ. Судъ долженъ быть одинъ для всѣхъ, этого требуетъ справедливость; полиція же охраняетъ общую безопасность также вездѣ одинаково. Напротивъ, хозяйство и администрація соображаются съ мѣстными условіями, потребностями и средствами. Это прямой интересъ мѣстныхъ жителей; здѣсь имѣется въ виду ихъ благосостояніе, о которомъ лучше всего заботиться имъ самимъ.

Этой существенной потребности призвано удовлетворить новое преобразованіе, и сколько можно судить, оно старается ввести самоуправленіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Къ числу земско-хозяйственныхъ дѣлъ, вручаемыхъ мѣстнымъ представителямъ, отнесены, кромѣ управленія земскимъ имуществомъ и земскими сборами, устройство мѣстныхъ путей сообщенія, народное продовольствіе, призрѣніе, взаимное страхованіе строеній, попеченіе о промышленности и торговлѣ, участіе въ почтовомъ управленіи, раскладка податей въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, наконецъ, даже исполненіе потребностей военнаго и гражданскаго управленія. Изъ предметовъ административнаго вѣдомства, за исключеніемъ общей полиціи, кажется, только медицинская часть и народное просвѣщеніе не вошли въ это изчисленіе. На выборныхъ людей возлагается не только почти вся совокупность мѣстныхъ дѣлъ, но даже и предметы об-

щаго управленія, ибо исполненіе потребностей военнаго и гражданскаго начальства очевидно принадлежитъ къ общей государственной администраціи. Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ дѣла этого рода извѣстны подъ именемъ *порученныхъ* высшимъ правительствомъ (fonctions déléguées, übertragener Wirkungskreis) въ отличіе отъ *собственныхъ* дѣлъ мѣстнаго управленія (fonctions propres). Эти обязанности естественно ставятъ исполнителя въ ближайшую зависимость отъ высшей власти, которая должна быть обезпечена въ хорошемъ исполненіи ея требованій. На этомъ основано, напримѣръ, назначеніе меровъ правительствомъ во Франціи: меръ не только глава общины, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ исполнитель требованій государства. Поэтому многіе либералы, имѣя въ виду самостоятельность мѣстнаго управленія, стоятъ за отдѣленіе порученныхъ дѣлъ и за возложеніе ихъ на лица назначаемыя правительствомъ. Въ проектѣ же министерства внутреннихъ дѣлъ исполненіе государственныхъ требованій возлагается на выборныя лица. Изъ этого можно видѣть, въ какихъ широкихъ размѣрахъ вводится самоуправленіе.

Замѣтимъ еще одно обстоятельство. Въ западныхъ государствахъ областное представительство часто имѣетъ только право дѣлать постановленія, исполненіе же ихъ предоставляется правительственной власти. Высшею степенью самоуправленія считается присоединеніе къ областному правителю постояннаго совѣта изъ выборныхъ, въ родѣ нашего губернскаго правленія. Этого начала держатся бельгійское и новѣйшее итальянское законодательства, въ которыхъ мѣстныя учрежденія получили весьма значительное развитіе. Но и здѣсь собственное исполненіе предоставляется одному начальнику области. Въ Пруссіи въ округахъ (Kreis) исполнительная власть возлагается на ландрата, назначаемаго

королемъ изъ трехъ кандидатовъ, представляемыхъ окружнымъ собраніемъ. Но округъ составляетъ низшую степень областнаго управленія. Въ англійскихъ графствахъ мировые судьи облечены властью исполнительною, но они назначаются правительствомъ. Въ проектѣ же министерства внутреннихъ дѣлъ выборнымъ отъ сословій предоставлено не только рѣшеніе дѣлъ, но и самое исполненіе. Опять начало весьма либеральное, которое отвѣчаетъ и практическимъ потребностямъ Россіи.

Возложеніе исполнительной власти на органа правительства имѣетъ несомнѣнныя выгоды. Въ администраціи, какъ и въ политикѣ, признается за аксіому, подтверждаемую постояннымъ опытомъ, что исполненіе лучше въ рукахъ одного, нежели въ рукахъ многихъ. Не менѣе достовѣрно и то, что исполнительная власть должна пользоваться свободою дѣйствій. На этомъ основано отдѣленіе верховной правительственной власти отъ законодательной и вручение первой королю или президенту республики. Въ провинціи назначенный правительствомъ начальникъ есть уже средоточіе мѣстнаго управленія. Соединеніе всей мѣстной исполнительной власти въ его рукахъ придаетъ управленію единство, силу и простоту. Вмѣсто разнородныхъ властей, приходящихъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, является одинъ исполнитель. А простота устройства составляетъ одно изъ необходимыхъ условій хорошаго исполненія. Но съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что такое сосредоточеніе всей исполнительной власти въ однѣхъ рукахъ можетъ повести къ излишнему преобладанію бюрократическаго начала. Въ странахъ, гдѣ областные правители назначаются конституціонымъ министерствомъ, отвѣтственнымъ передъ палатами, гдѣ все управленіе состоитъ подъ контролемъ гласности, гдѣ упрочилась независимость суда, подобное устройство мо-

жетъ не возбуждать опасеній. Тамъ есть другіе противодѣйствующіе элементы. Да и то во Франціи, даже въ конституціонное время, жаловались на полновластіе префектовъ. У насъ же все привыкло склоняться передъ губернаторомъ, и мѣстные начальники привыкли, чтобы все передъ ними склонялось. Какъ скоро на нихъ будетъ возложено все исполненіе, такъ мѣстное представительство обратится въ призракъ. Ограниченіе же губернатора исполнительнымъ совѣтомъ вызоветъ безпрерывныя столкновенія между властями, которыя еще не обтерлись, не привыкли дѣйствовать за одно и нерѣдко смотрятъ другъ на друга враждебно. Лучше, чтобы каждой былъ предоставленъ отдѣльный кругъ дѣйствія.

Къ этому присоединяется еще соображеніе. Въ настоящее время, по многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, у насъ въ ходу двоякаго рода стремленія: неумѣренныя требованія и отрицательное отношеніе къ чиновной власти. И то и другое, по всей вѣроятности, усилится при чисто совѣщательномъ характерѣ мѣстнаго правительства. Нѣтъ ничего, чтобы такъ поддерживало этого рода настроеніе, какъ многочисленныя собранія, занятыя общими вопросами. Напротивъ, нѣтъ ничего, чтобы такъ понижало общественныя требованія, чтобы такъ отрезвляло людей, какъ необходимость исполнять свои желанія на практикѣ. Тутъ не на кого жаловаться; человѣкъ принужденъ бороться со всѣмъ разнообразіемъ практическихъ затрудненій и несетъ всю отвѣтственность за успѣхъ. Можно полагать, что лучшее средство вызвать въ нашихъ провинціяхъ здоровый практическій духъ — вручить имъ часть исполнительной власти.

Въ этомъ отношеніи мы не можемъ не радоваться новому преобразованію. Въ основаніе положены самыя широкія и вѣрныя начала. Но когда мы вглядываемся въ учрежденія,

которыя должны воплотить въ себѣ эти начала, на насъ находитъ нѣкоторое сомнѣніе. Намъ кажется, что составители проекта едва ли не слишкомъ разсчитываютъ на мѣстныя силы

Предполагаемое устройство земско-хозяйственнаго управленія слѣдующее: уѣздное собраніе составляется изъ гласныхъ, избираемыхъ 1) землевладѣльцами, не входящими въ составъ сельскихъ общинъ, 2) городскими жителями и 3) представителями крестьянъ всѣхъ наименованій, то есть волостными старшинами и сельскими старостами. Уѣздное собраніе избираетъ изъ себя шесть членовъ, составляющихъ уѣздную управу, облеченную исполнительною властью. Въ управѣ предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства. Уѣздное же собраніе избираетъ изъ себя членовъ губернскаго собранія безъ различія сословій, а губернское собраніе, въ свою очередь, избираетъ губернскую управу изъ шести членовъ, состоящую подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства.

Очевидно, что главнымъ центромъ земскаго управленія становится уѣздъ. Губернское собраніе, избираемое уѣздными, далеко не будетъ имѣть того значенія, какъ послѣднія, стоящія въ ближайшей связи съ избирателями. Точно также и уѣздныя управы, непосредственно исходящія изъ уѣздныхъ собраній, получатъ болѣе силы и вѣса, нежели губернская управа, исходящая изъ тѣхъ же уѣздныхъ собраній, но путемъ двойнаго выбора. Подчиненіе уѣздныхъ управъ губернской останется номинальнымъ, ибо первыя составятъ самостоятельныя коллегіи, ближе стоящія къ избирателямъ, нежели послѣднія.

Такимъ образомъ предполагаемая организація кладетъ въ уѣздъ центръ тяжести мѣстнаго самоуправленія. Но мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы наши уѣзды представляли доста-

точно элементовъ для хорошей администраціи. Даже еслибы эти элементы существовали, новое устройство не въ силахъ вызвать ихъ къ дѣятельности. Очевидно, что управленіе главнымъ образомъ будетъ лежать на помѣщикахъ. Но едва ли во многихъ уѣздахъ найдутся шесть помѣщиковъ, сверхъ дворянскаго предводителя, которые захотятъ посвятить себя исключительно общественнымъ дѣламъ. Въ преобразованіи мѣстнаго управленія всегда надобно имѣть въ виду, чтобы оно досталось въ руки высшаго и образованнѣйшаго класса. Но для этого необходимо устройство, которое бы привлекало къ себѣ высшіе классы. Послѣдніе должны находить въ немъ самостоятельность, свободу и почетъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на англійскихъ мировыхъ судей, которые, занимая почетное мѣсто, живутъ большею частью въ своихъ помѣстьяхъ и съѣзжаются только по временамъ, не будучи обязаны къ постоянному занятію общими дѣлами. Англійскіе мировые суды далеко не составляютъ образцоваго учрежденія, они находятся въ условіяхъ совершенно исключительныхъ; но нѣтъ сомнѣнія, что инымъ путемъ невозможно привлечь высшіе классы къ мѣстной администраціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно указать на настоящее наше уѣздное управленіе. Выборные исправники, судьи, засѣдатели идутъ на эти мѣста чисто изъ жалованья, и большею частью далеко не удовлетворяютъ даже скромнымъ требованіямъ. Въ коллегіальномъ мѣстѣ, какова предполагаемая уѣздная управа, этотъ недостатокъ будетъ еще ощутительнѣе. Одно лице, стоящее на видномъ мѣстѣ, какъ, напримѣръ, уѣздный предводитель, согласится еще пожертвовать частными своими интересами общему дѣлу. Почетъ и довѣріе сословія искупаютъ приносимыя имъ жертвы. Но едва ли помѣщикъ, пользующійся независимостью положенія и состоянія, согласится

бросить свои дѣла и поселиться въ уѣздномъ городѣ, въ качествѣ темпаго члена уѣздной управы. Это совсѣмъ не то, что быть мировымъ посредникомъ, жить у себя дома и заправлять дѣломъ, которое, касаясь самыхъ близкихъ интересовъ каждаго, вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ живѣйшее участіе во всякомъ благомыслящемъ человѣкѣ, какъ предметъ существенной важности для всего отечества. Самая должность уѣзднаго предводителя при новомъ устройствѣ потребуетъ гораздо большихъ усилій, нежели теперь. Въ настоящее время уѣздный предводитель занимается дѣлами своего сословія и пользуется значительною свободою. Тогда онъ будетъ прикованъ къ мѣсту, и главнымъ его занятіемъ будетъ дѣло, которое теперь лежитъ на исправникѣ и становыхъ, именно взысканіе повинностей. Занятіе полезное, но весьма не привлекательное.

При существующихъ у насъ элементахъ, мы рѣшительно не видимъ возможности сдѣлать изъ уѣзда главный центръ земскаго управленія. По нашему мнѣнію, онъ долженъ лежать въ губерніи. Губернія заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе силъ, нежели уѣздъ; есть возможность достигнуть хорошаго состава губернской управы. Кромѣ того, тамъ, гдѣ требуются общее руководство и общія соображенія, лучше чтобъ управленіе шло изъ болѣе обширнаго центра, нежели изъ скуднаго средствами уѣзда. Многія мѣстныя дѣла сами по себѣ имѣютъ общій характеръ, который дѣлаетъ ихъ предметами губернскаго управленія. Уѣздъ важнѣе для исполненія, нежели для руководства. Наконецъ, въ губерніи земское управленіе находится въ ближайшей связи съ общею государственною администраціею, а это выгода немаловажная.

Но для того, чтобы губернія сдѣлалась главнымъ центромъ земскаго управленія, необходимо, чтобы губернское

собраніе непосредственно избиралось отъ сословій. Иначе оно всегда будетъ стоять на второмъ планѣ. Мы считаемъ это полезнымъ и по другой причинѣ. Въ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ предполагается избирать членовъ губернскаго собранія безъ различія сословій. Но въ странѣ, гдѣ существуютъ сословія, главное ихъ значеніе составляетъ участіе въ мѣстномъ управленіи. Надобно или уничтожить ихъ, или удержать раздѣльное ихъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Сословія должны соединяться въ общихъ совѣщаніяхъ; безъ этого невозможно согласное дѣйствіе. Но сближеніе и сліяніе — двѣ вещи разныя. Первое сохраняетъ сословія, второе уничтожаетъ ихъ, если не прямо, то косвенно.

Это въ особенности относится къ дворянству. Существенное дѣло дворянства, какъ корпораціи, вовсе не управленіе сословными дѣлами. Это интересъ частный, между тѣмъ какъ значеніе дворянства государственное. Участіе въ общественныхъ дѣлахъ — вотъ его задача. На государственной службѣ дворянинъ становится органомъ и орудіемъ правительства; въ мѣстномъ управленіи дворянство получаетъ значеніе независимое и корпоративное. У насъ корпоративная единица дворянскаго сословія есть губернія. Дворянство каждой губерніи составляетъ одно цѣлое; а потому естественно, что именно въ губернскомъ управленіи оно должно занимать первое мѣсто.

Здѣсь нельзя не остановиться на весьма распространенномъ мнѣніи, которое видитъ въ земскомъ управленіи чистое выраженіе интересовъ. Каждый интересъ, напримѣръ землевладѣльческій, торговый, долженъ имѣть своихъ представителей, и чѣмъ болѣе интересъ, тѣмъ больше и участіе его въ управленіи. Съ этимъ воззрѣніемъ невозможно согласиться. Въ мѣстномъ управленіи, какъ и во всякомъ госу-

дарственномъ учрежденіи, имѣется въ виду не одинъ *интересъ*, а также и *способность* управлять общими дѣлами. Законъ старается установить такое устройство, въ силу котораго во главѣ управленія становятся способнѣйшіе люди. А способность къ управленію различна въ различныхъ сословіяхъ и классахъ. Едва ли кто станетъ утверждать напримѣръ, что крестьяне такъ же способны занимать мѣста мировыхъ посредниковъ, какъ помѣщики. Этого мало. Въ земскомъ управленіи къ мѣстному интересу присоединяется интересъ государственный. Оба находятся въ неразрывной связи. Поэтому во главѣ мѣстнаго управленія должно стоять то сословіе, которому государственный интересъ ближе всего, а это и есть дворянство, по самому его значенію.

Мы видѣли, что въ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ губернское собраніе составляется изъ выборныхъ лицъ безъ различія сословій. Слѣдовательно, дворянство, какъ сословіе, не имѣетъ здѣсь представителей. Въ составѣ уѣздныхъ собраній, которыя непосредственно выбираются сословіями, точно также о дворянствѣ не упоминается. На мѣсто его являются *землевладѣльцы*. Черезъ это дворянство, какъ сословіе, устраняется отъ непосредственнаго участія въ мѣстномъ управленіи, слѣдовательно, лишается самаго существеннаго своего значенія. Нельзя не указать на это послѣдствіе, которое вытекаетъ изъ устройства земскаго управленія на основаніи начала интереса. Правительство неоднократно высказывало намѣреніе сохранить и упрочить дворянство. На этомъ основаніи позволительно желать иного устройства земскихъ учрежденій. Губернское собраніе, непосредственно избираемое сословіями, и въ свою очередь выбирающее губернскую управу — вотъ что, по нашему мнѣнію, должно составить основаніе земскаго управленія.

Что касается до уѣздныхъ властей, то значеніе ихъ должно быть болѣе исполнительное, нежели распорядительное. Съ этою цѣлью можно бы предполагаемую управу размѣстить по уѣзду такъ, чтобы каждый членъ жилъ въ своемъ участкѣ и дѣйствовалъ подъ общимъ наблюденіемъ уѣзднаго предводителя. При этомъ не исключаются періодическіе съѣзды. Назначеніе членовъ, преимущественно изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, можно предоставить или выбору уѣздныхъ собраній, или же губернской управѣ, съ утвержденія губернатора. Послѣднимъ способомъ достигнется съ одной стороны бо́льшая зависимость мѣстныхъ исполнительныхъ властей отъ губернской управы, а съ другой стороны — бо́льшее обезпеченіе въ томъ, что требованія общаго управленія будутъ исполнены надлежащимъ образомъ. Что касается до уѣзднаго собранія, то оно, согласно съ проектомъ, будетъ собираться ежегодно, для постановленія нужныхъ рѣшеній и для полученія отъ уѣзднаго предводителя отчетовъ объ уѣздномъ управленіи.

Наконецъ, въ устройствѣ земскаго управленія едва ли не самый важный вопросъ состоитъ въ отношеніи мѣстнаго представительства къ губернской власти и къ центральному правительству. Это, разумѣется, можетъ выясниться только при подробной разработкѣ проекта. Мы не можемъ сказать, какъ это устроится, но мы считаемъ не безполезнымъ представить по этому поводу нѣсколько общихъ замѣчаній, потому что у насъ ходятъ на этотъ счетъ разныя не совсѣмъ практическія требованія.

При господствующемъ у насъ нерасположеніи къ централизаціи и бюрократіи, при недостаткѣ ясныхъ понятій объ администраціи, можно навѣрное сказать, что многіе тогда только будутъ довольны, когда земское управленіе будетъ поставлено въ полную и совершенную независимость отъ

правительственныхъ властей. Малѣйшее вмѣшательство губернатора или министра покажется нарушеніемъ начала самоуправленія. А такъ какъ навѣрное же можно сказать, что будущій законъ такой независимости не установитъ, потому что это невозможно безъ уничтоженія единства государственнаго управленія, то, разумѣется, послѣдуетъ разочарованіе. Мѣстные жители будутъ по прежнему жаловаться, что ихъ притѣсняетъ чиновничья власть и что имъ дѣлать нечего. Было бы слишкомъ прискорбно думать, что это настроеніе можетъ быть всеобщимъ. Мы увѣрены, что благоразуміе возьметъ свое. Но лучшимъ средствомъ для устраненія подобныхъ недоразумѣній служитъ разъясненіе вопроса. На чемъ основаны эти требованія, и почему они не могутъ осуществиться?

Исходная точка теоріи самоуправленія самая простая, естественная и очевидная. Это — начало личнаго интереса. Люди лучше всего дѣлаютъ сами то, что̀ касается до ихъ интересовъ. Поэтому надобно мѣстное управленіе вручить тѣмъ, кому ближе всего мѣстные интересы, то есть мѣстнымъ жителямъ. Они платятъ за издержки, они же пользуются плодами управленія. Всякое постороннее вмѣшательство можетъ только нарушить этотъ естественный порядокъ вещей.

Нѣтъ сомнѣнія, что основаніе теоріи справедливо, однако не вполнѣ. Здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторыя ограниченія, которыя значительно видоизмѣняютъ дѣло.

1) Общественный интересъ далеко не такъ близокъ людямъ, какъ интересъ личный. Общество не управляетъ своими дѣлами, какъ частный человѣкъ. Общество, какъ цѣлое, есть лице юридическое, которое само дѣйствовать не можетъ. Для управленія его дѣлами нужны отдѣльныя, физическія лица, а личный интересъ этихъ правителей можетъ

быть даже прямо противоположенъ ввѣренному имъ интересу общественному. Волостной старшина, напримѣръ, можетъ имѣть въ виду свои собственныя выгоды, а вовсе не выгоды выбиравшихъ его крестьянъ. Въ собраніяхъ же, которыя выбираютъ и контролируютъ управителей, личный интересъ каждаго въ общемъ дѣлѣ бываетъ слишкомъ ничтоженъ, такъ что многіе не считаютъ нужнымъ объ этомъ хлопотать. Отсюда плохіе выборы и плохое общественное управленіе. За примѣрами намъ ходить не далеко. Казалось бы, что для людей не можетъ быть болѣе существеннаго интереса, какъ имѣть безкорыстныхъ и дѣльныхъ судей. А между тѣмъ мы знаемъ, по опыту, что выборные судьи далеко не всегда обладаютъ этими качествами. Вообще, чѣмъ менѣе общество развито, тѣмъ слабѣе въ немъ общественные интересы.

2) Люди не всегда понимаютъ свои собственныя выгоды и очень часто предпочитаютъ ближайшіе интересы болѣе отдаленнымъ. Напримѣръ община, по самому пустому поводу, затѣваетъ разорительный процессъ. Это явленіе вовсе не рѣдкое. Или же, община уничтожаетъ лѣсъ въ виду настоящаго барыша, и черезъ это лишается въ послѣдствіи топлива и строительнаго матеріяла. На это можно возразить, что каждый долженъ нести отвѣтственность за свою опрометчивость и за свое тупоуміе. Это совершенно справедливо въ частной жизни; но общество обнимаетъ интересы не только существующихъ людей, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе, но и будущихъ поколѣній, совершенно въ немъ невинныхъ. Срубить лѣсъ, раздѣлить общую землю, сдѣлать крупный долгъ можетъ-быть очень выгодно для настоящихъ членовъ, но потомки за это поплатятся.

3) Внутри самого общества постоянно встрѣчаются разнорѣчащіе интересы и мнѣнія. Очень рѣдко люди рѣшаютъ

дѣла единогласно; обыкновенно составляются большинство и меньшинство. Послѣднее должно подчиниться волѣ перваго; иначе рѣшеніе невозможно. Но прямое слѣдствіе изъ этого то, что интересы меньшинства вовсе не ограждены. Большинство не всегда имѣетъ въ виду общую пользу и не всегда справедливо относительно меньшинства. Когда надъ собраніемъ нѣтъ контроля, въ немъ естественнымъ путемъ образуется деспотизмъ большинства. Въ республикахъ это общее явленіе. Особенно ярко выступаетъ различіе мнѣній и интересовъ при раздѣленіи народа на сословія. Интересы сословій нерѣдко противоположны, и то, которое преобладаетъ въ мѣстномъ управленіи, если оно не подлежитъ контролю, пользуется своимъ положеніемъ въ ущербъ остальнымъ. При уничтоженіи же сословій, тоже самое возобновляется относительно классовъ. Богатые, напримѣръ, стараются сложить тяжесть податей на бѣдныхъ, а бѣдные на богатыхъ. Тутъ противоположные интересы, а потому интересъ, находящійся въ меньшинствѣ, приносится въ жертву другому.

Изъ этого очевидно, что въ общественныхъ дѣлахъ личный интересъ не всегда служитъ надежнымъ руководителемъ и не обезпечиваетъ хорошаго управленія. Слѣдуетъ ли изъ этого однако, что лучше передать управленіе въ руки людей, совершенно чуждыхъ мѣстнымъ интересамъ, то есть чиновникамъ? Ни мало. Но изъ этого слѣдуетъ, что мѣстное управленіе, по самому существу своему, требуетъ контроля, и этотъ контроль долженъ быть въ рукахъ лица, независимаго отъ мѣстныхъ интересовъ, то есть правительства. Правительство охраняетъ интересы общества, какъ цѣлаго, выгоды будущихъ поколѣній, права и интересы меньшинства. Подобный контроль полезенъ всегда и вездѣ. Главное преимущество конституціонной монархіи передъ

республикой состоитъ въ томъ, что въ первой есть независимое лице, которое ограждаетъ меньшинство и постоянные интересы государства отъ опрометчивыхъ рѣшеній большинства.

Но въ мѣстномъ управленіи есть еще обстоятельство, которое ставитъ его въ ближайшую зависимость отъ государственной власти. Дѣла, составляющія предметъ мѣстнаго управленія, заключаютъ въ себѣ интересъ не только мѣстный, но и государственный. Благосостояніе цѣлаго зависитъ отъ благосостоянія частей. Правительству не все равно, разоряются ли общины или нѣтъ, ибо онѣ должны платить государственныя подати. Оно не можетъ остаться равнодушнымъ къ тому, что въ извѣстной мѣстности люди гибнутъ отъ голода, отъ бѣдности, отъ болѣзни. Подобныя явленія, весьма нерѣдкія при мѣстномъ самоуправленіи, всегда вызывали дѣятельность и помощь со стороны центральной власти. Въ Англіи, вслѣдствіе этого, въ послѣднія тридцать лѣтъ, возникла централизація, какой она дотолѣ не знала. Наконецъ, различныя области другъ съ другомъ солидарны; недостатки, существующіе въ одной, отражаются на всѣхъ, а потому общая государственная власть должна всѣ мѣстныя управленія направлять къ общей цѣли. Этотъ контроль, эта помощь и это направленіе и составляютъ существо административной централизаціи, безъ извѣстной доли которой не можетъ обойдтись ни одно благоустроенное общество. Мѣстное самоуправленіе не можетъ быть оторвано отъ общей администраціи. Это части одного цѣлаго. Здѣсь необходима извѣстная степень зависимости, но мѣра зависимости опредѣляется существующими потребностями и состояніемъ общества.

У насъ, при полномъ преобразованіи мѣстнаго управленія, не легко будетъ опредѣлить эти границы. Опытъ ука-

жетъ на развитіе подробностей. Но въ виду примѣненія закона къ потребностямъ общества, желательно, чтобы новый проектъ былъ подвергнутъ возможно полному обсужденію въ особенности въ областяхъ. Мы не считаемъ мѣстныхъ коммиссій хорошимъ средствомъ для составленія новыхъ проектовъ, за исключеніемъ развѣ совершенно особенныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, при освобожденіи крестьянъ. Но въ дѣлѣ, которое такъ близко касается мѣстныхъ интересовъ, намъ казалось бы не безполезнымъ представленіе разработаннаго уже проекта на обсужденіе мѣстныхъ дворянскихъ коммиссій, съ цѣлью собрать мнѣнія. Во всякомъ случаѣ это могло бы значительно содѣйствовать возбужденію въ провинціяхъ административныхъ понятій и вопросовъ, и такимъ образомъ приготовить введеніе земскаго управленія.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе. 5

I. Письмо къ издателю «Колокола». 11

II. Вступительная лекція по государственному праву. 23

III. Что нужно для русскихъ университетовъ? 43

IV. Мѣра и границы 77

V. Русское дворянство 87

VI. Что такое среднее сословіе? 135

VII. Что такое охранительныя начала? 145

VIII. Различные виды либерализма. 185

IX. Совѣтъ министровъ. 205

X. О судебной реформѣ. 239

XI. О земскихъ учрежденіяхъ. 249